

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certifi cat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărîrea nr. 61
din 30.04.2009
Reconfirmare prin Hotărîrea nr.146 din 27 iunie 2013

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de
Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Ministerul
Sănătății, Institutul de Științe Penale și Criminologie
Aplicată, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei
de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a
MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul),
Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret”
(Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași),
Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 3/2 (279) 2015

Redactor-șef L. Arsene

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, prof. univ. (Constanța,
România); A. Armeanic, doctor în drept, conf. univ.;
V. Balmuș, doctor în drept; C. Bocancea, doctor în
drept, prof. univ. (Iași, România); V. Bujor, doctor
în drept, prof. univ.; A. Burian, doctor habilitat în
drept; T. Capșa, doctor în drept; Gh. Costachi, doctor
habilitat în drept, prof. univ.; I. Floander, doctor în
drept (Constanța, România); M. Gheorghică, doctor
habilitat în drept, prof. univ.; Gh. Gladchi, doctor
habilitat în drept; V. Guțuleac, doctor în drept, prof.
univ.; V. Florea, doctor în drept, prof. univ.; V. Moraru,
doctor în drept, prof. univ.; V. Naumov, redactor șef
adjunct; V. Popa, doctor habilitat în drept, prof.
univ.; V. Stratonov, doctor în drept, profesor (Herson,
Ucraina).

Adresa redacției:

Casa presei, et. 5 – 512; 515
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,
Republica Moldova
Tel.: 233 790; mob. 069190887;
234 132 (contabilitatea)

E-mail: publicare@legeasiviata.in.ua

Index: RM 77030

© Legea și viața

Pagina web: www.legeazakon.md

www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

- Ирина БАНДУРКА. Объективная сторона
преступлений, совершенных против
прав и свобод ребенка.....3
- Константин ГУЗЕ. Порядок реализации
прокурором в суде функции представительства
интересов гражданина или государства в аспекте
нового Закона Украины «О прокуратуре».....6
- Екатерина ГУРКОВСКАЯ. Некоторые пути
совершенствования нормативно-правового
обеспечения предупреждения
домашнего насилия.....10
- Александр ДВОРЕЦКИЙ. Соотношение теории
доказательств в уголовном процессе и других
отраслях права Украины с законодательством
зарубежных стран.....13
- Клавдия ДУБИЧ. Механизмы государственного
управления социальными услугами как объект
научных исследований в Украине..... 17
- Татьяна ЗАВЕРУХА. Формы возмездности
договора мены (бартера).....21
- Евгений ЗЕЛЕНСКИЙ. Место полиции
в системе ювенальной юстиции Украины.....25
- Игорь КАЛИМБЕТ. Характеристика отдельных
способов корыстно-насильственной преступной
деятельности групп несовершеннолетних.....29
- Виктор КЛОЧКО. Международное сотрудничество
Украины в сфере обеспечения информационной
безопасности..... 32
- Наталья КОВАЛКО. Основные направления
реформирования системы принудительного
исполнения судебных решений в Украине.....36
- Елена КОЗАЧУК. Методология исследования
проблем функционирования военных
прокуратур в Украине.....40
- Валерий КОЛЮХ. Особенности института
президента в Украине и Республике Молдова
(статья вторая).....44
- Юлия КОРОЛЁВА. Социальные
источники права.....48
- Екатерина ЛАГОДА. Криминологический анализ
структуры неисполнения судебных решений
(ст. 382 Уголовного кодекса Украины).....50

Иван ЛОГАЧЁВ. Кодификация административно-деликтного права Украины: понятие и современные особенности.....	54
Дмитрий ЛУЧЕНКО. Институт обжалования в административном праве: европейский правовой опыт.....	57
Виктор МАСЛОВ. Судебный прецедент в Украине: процессуально-правовой аспект.....	61
Екатерина НАУМЕНКО. К вопросу о способах гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающих его социальное бытие.....	64
Юрий ОРЛОВ. Внутригосударственная социально-правовая оценка политического преступления: криминологический аспект.....	68
Оксана ОСАДЧАЯ. Генезис процессуальных полномочий прокурора при применении меры пресечения в уголовном производстве.....	72
Марина РАСКАЛЕЙ. Международные воздушные перевозки: вопросы безопасности.....	77
Игорь САЩЕНКО. Публично-частное партнерство как принцип правового регулирования инвестиций в социальное развитие села.....	81
Александр СЛЕПЧЕНКО. Регулятивные функции государственных органов в отношении высших морских учебных заведений Украины в аспекте нового Закона Украины «О высшем образовании».....	84
Оксана ТИТОМИР-ЗОТОВА. Правовое воспитание в условиях гражданского общества.....	88
Николай ТОРБЕЕВ. Криминологическая характеристика радиационной преступности (исследование на примере Украины).....	91
Юлия ТУРЛОВА. Криминологическая характеристика экологической преступности в Украине.....	95

Руслан ЧЕРНЫЙ. Общественно опасное деяние в составе преступления, предусмотренного ст. 110-2 Уголовного кодекса Украины: проблемы толкования и совершенствования законодательства.....	99
Алексей ШИЯН. Диффузия инновации и ее влияние на национальную инновационную систему в Украине.....	104
Анатолий ШУЛЬГА. Мотивация правомерного поведения личности как результат и проблема правового воспитания.....	107
Yurij YURKEVYCH. Property relations in the associations of legal entities under the legislation of Ukraine.....	110

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПРОТИВ ПРАВ И СВОБОД РЕБЕНКА

Ирина БАНДУРКА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

Analysis of the objective side of a crime both in the whole in the theory of criminal law and separate group of offenses against children is conducted in the article. The author stresses that the objective side of a crime is one of the most important elements of the corpus delicti. The concept of the objective side, which is used by scientists, and which is consolidated by the law is studied; the objective side of some socially dangerous acts aimed at the violation of children rights, freedoms and interests is considered. It is noted that it is the objective side of the corpus delicti that is established first in the criminal proceedings and it the basis to ascertain the features of the subjective side.

Key words: child, minor, crime, objective side, external features.

Аннотация

В статье проведен анализ объективной стороны преступлений как в целом в теории уголовного права, так и в отдельной группе преступлений против детей. Автор подчеркивает, что объективная сторона преступления является одним из важнейших элементов состава преступления. Исследовано понятие объективной стороны, которое применяется учеными и закреплено законодательством. Рассмотрена объективная сторона некоторых общественно опасных деяний, направленных на нарушение прав, свобод и интересов ребенка. Отмечается, что в уголовном производстве устанавливается в первую очередь именно объективная сторона состава преступления, на основании которой выясняются признаки субъективной стороны.

Ключевые слова: ребенок, несовершеннолетний, преступление, объективная сторона, внешние признаки.

Постановка проблемы. Объективная сторона преступления является одним из важнейших элементов состава преступления. Исследуя объективную сторону преступления, можно сделать вывод о содержании других элементов состава преступления, а любое заключение по уголовному производству может быть осуществлено только по материальным следам, которые оставляет после себя преступление в реальной действительности. Так, во время досудебного расследования и во время судебного разбирательства по уголовному производству в первую очередь, как правило, устанавливается именно объективная сторона состава преступления, на основании которой выясняются признаки субъективной стороны.

Актуальность темы исследования. Изучением этого вопроса занимались такие ученые, как В.В. Борисов, А.Н. Литвинов, Г.Н. Миньковский, А.П. Тузов, В.Я. Тацкий, В.В. Сташис, А.А. Примаченок, С.С. Яценко, А.Е. Жалинский, А.П. Закалюк, О.Б. Захаров и другие.

Цель и задачи статьи. Понимание теоретической основы объективной стороны состава преступления является важным для правильной квалификации того или иного деяния. Анализ понятия «объективная сторона пре-

ступления» обуславливается его ролью внешнего выражения уголовно-противоправного поведения, элемента состава преступления, критерия отграничения одного преступления от другого и преступного деяния от непротивоправного.

Изложение основного материала.

В науке уголовного права разработаны разные определения объективной стороны преступления. Так, Л.Д. Гаухман определяет объективную сторону как совокупность внешних, объективных, социально значимых, выражающих общественную опасность и ее степень, существенных, типичных для данного вида преступлений признаков, предусмотренных уголовным законом, а при бланкетности диспозиции статьи Особенной части уголовного закона – другими законами и (или) иными нормативными правовыми актами, которые характеризуют преступление как законченное и совершенное исполнителем (исполнителями) деяние [1, с. 90].

Такое определение является достаточно сложным в употреблении. Однако именно оно, давая трактовку объективной стороны преступления в широком смысле, определяет все аспекты данной категории.

В противоположность позиции Л.Д. Гаухмана как такой, которая не отражает всех форм, в которых проявляется объективная сторона, А.А. Пионт-

ковский понимает объективную сторону преступления как характеристику уголовным законом внешних признаков преступного деяния [2, с. 131–183].

В.М. Кудрявцев считает, что объективная сторона преступления – это внешний акт общественно опасного посягательства на охраняемый уголовным правом объект, то есть акт волевого поведения, который происходит в объективном мире и выражается в совершении вреда указанному объекту или создании угрозы причинения ему вреда [3, с. 128–143].

Г. Тимейк определяет объективную сторону как внешний акт преступного деяния, который протекает в определенных условиях места, времени и обстановки.

Однако если определение объективной стороны преступления, данное В.М. Кудрявцевым, рассчитано на преступления с материальным составом, то определение Г. Тимейка используется для исследования преступлений с формальным составом. То есть они не отражают сущности понятия в его общем виде, которое могло использоваться в квалификации преступлений различного состава.

П.И. Гришаев характеризует объективную сторону как такое явление, которое состоит из общественно опасного деяния, которое нанесло или спо-

собно нанести существенный вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, а также из условий и обстоятельств причинения этого вреда [3, с. 128–143].

Это определение является более точным, хотя незавершенным, поскольку в нем упоминаются лишь некоторые признаки, присущие объективной стороне преступления.

Зато определение П.Л. Фриса содержит подробный перечень признаков объективной стороны. Он пишет об объективной стороне преступления как о совокупности признаков, определяющих внешнюю сторону преступления и характеризующих общественно опасное деяние (действие или бездействие), его вредные последствия и причинную связь между деянием и последствиями, которая обусловила наступление последних, а также место, время, обстановку, способ, состояние, орудия и средства совершения преступления [4, с. 8].

Г.В. Чеботарева считает, что определение П.Л. Фриса является несколько перенасыщенным, поскольку дублирует общеизвестные признаки обстановки и времени [5, с. 249–254].

По мнению М.И. Бажанова, понятие объективной стороны выражается как совокупность предусмотренных законом признаков, характеризующих внешнее проявление общественно опасного деяния, которое посягает на объекты уголовно-правовой охраны, а также объективные условия, связанные с этим посягательством [6, с. 81–87].

Положительным в этом определении является то, что автор указывает на совокупность предусмотренных законом внешних признаков и объективные условия посягательства.

Однако в этом определении отсутствует форма проявления объективной стороны, а потому оно не дает характеристику полного содержания – совокупности элементов и процессов, образующих это понятие и получивших определенную форму. Форма всегда должна соответствовать определенному содержанию, нет бесформенного содержания, как и бессодержательной формы.

Положими являются определения объективной стороны, данные Ф.Г. Бурчаком и Н.В. Чернышевой. Так, Ф.Г. Бурчак считает, что объективная сторона преступления – это внешнее проявление

общественно опасного посягательства на тот или иной объект, который находится под охраной уголовного закона (то есть это предусмотренные уголовным законом признаки, характеризующие внешнее проявление общественно опасного деяния) [7, с. 106].

Н.В. Чернышева определяет объективную сторону как совокупность предусмотренных уголовным законом признаков, характеризующих внешнее проявление общественно опасного действия, посягающего на объекты уголовно-правовой охраны, а также объективные условия этого посягательства [8, с. 50].

Более точным выглядит определение, изложенное в учебнике «Уголовное право Украины. Общая часть» под редакцией В.В. Сташиса. Оно заключается в том, что объективной стороной преступления является внешняя сторона (внешнее выражение) преступления, которая характеризуется общественно опасным деянием (действием или бездействием), общественно опасными последствиями, местом, временем, обстановкой, способом, а также средствами совершения преступления [9, с. 117].

Различия между существующими дефинициями объективной стороны преступления заключаются прежде всего в степени конкретизации авторами ее содержания, а также в объеме отражения ее признаков.

Анализ различных точек зрения относительно признаков (форм) проявления объективной стороны состава преступления дает возможность утверждать, что все без исключения авторы едины в существовании таких признаков объективной стороны состава преступления, как деяние (действие или бездействие), преступный результат (этот признак называют по-разному: последствия, преступный результат и так далее), причинная связь, способ, время и место совершения преступления. В науке уголовного права эти признаки традиционно разделяют на обязательные и факультативные. Единой точки зрения относительно объема первых, а также их названия не существует. Одни ученые относят к ним деяние, его последствия и причинную связь [10, с. 132–133], вторые – только деяние, поскольку последствия и причинная связь присущи только пре-

ступлениям с материальным составом [11, с. 253], а третьи причисляют причинную связь к факультативным признакам объективной стороны состава преступления [12, с. 149–151].

Признаки объективной стороны преступления, как основные, так и факультативные, имеют значение прежде всего для установления наличия состава преступления (тем самым – для основания уголовной ответственности). Также они влияют на квалификацию деяния по соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Украины, создают возможность справедливого рассмотрения обстоятельств преступления, возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания на основании закона об уголовной ответственности.

Недостатком многих доктринальных определений объективной стороны преступления, по нашему мнению, является игнорирование того обстоятельства, что она является не отдельной, изолированной уголовно-правовой категорией, а элементом, который входит в состав преступления наравне с другими его элементами. При этом состав преступления – не просто сумма или совокупность разрозненных признаков, а система, которая характеризуется органическим единством компонентов.

Как справедливо замечает Ю.И. Ляпунов, каждый из элементов и признаков состава преступления, образующих его содержание, в реальной действительности не существует сам по себе, а находится, согласно основным постулатам теории социальных систем, в тесной взаимосвязи, взаимодействии и взаимообусловленности с другими системными элементами и признаками социально-правовой системы, которой для уголовного права является состав преступления. Выпадение из системы какого-либо системообразующего элемента уничтожает или полностью видоизменяет ее [13, с. 48].

Таким образом, объективная сторона является элементом состава преступления и входит в основание уголовной ответственности. Поэтому лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только тогда, когда в совершенном деянии установлены все признаки объективной стороны состава преступления. Признаки объективной

стороны во многом определяют общественную опасность преступления. Характер деяния, способ его совершения, место, время, обстановка совершения преступления, тяжесть его общественно опасных последствий являются важнейшими показателями общественной опасности как социального свойства преступления. В связи с этим объективные признаки деяния учитываются прежде всего при решении вопроса о криминализации тех или иных деяний, то есть признании их преступными и наказуемыми самим законодателем. Объективная сторона имеет большое значение для правильной квалификации преступления. Анализ объективной стороны дает возможность устанавливать другие элементы и признаки состава преступления (объект, которому причиняется вред данным преступлением, соответствующую форму вины, мотив, цель преступления, которые не всегда указываются в диспозициях статей Особенной части Уголовного кодекса Украины) и таким образом правильно квалифицировать содеянное. Кроме того, объективная сторона имеет важное значение для квалификации преступлений, а также разграничения преступных и не преступных деяний. Учет признаков объективной стороны позволяет суду в каждом конкретном случае правильно определить степень тяжести совершенного преступления и назначить в соответствии с этим наказание, соответствующее совершенному поступку [6, с. 81–87].

Особое внимание ученых и практиков привлекает определение объективной стороны некоторых преступлений, совершенных против детей.

Так, статья 117 Уголовного кодекса Украины предусматривает ответственность за убийство матерью своего новорожденного ребенка. Объективная сторона этого убийства характеризуется действиями (посягательством на жизнь новорожденного ребенка), последствиями в виде его смерти, причинной связью между указанными действиями и следствием, а также временем и обстановкой, поскольку это деяние может быть совершено только во время родов или сразу после родов.

Объективная сторона ненадлежащего выполнения обязанностей по охране жизни и здоровья детей (статья 137 Уголовного кодекса Украины)

закключается в неисполнении или ненадлежащем исполнении лицом своих профессиональных или служебных обязанностей по охране жизни и здоровья несовершеннолетних, что причинило существенный вред здоровью потерпевшего.

Такое общественно опасное деяние, как подмена ребенка (статья 148 Уголовного кодекса Украины), с объективной стороны выражается в подмене чужого ребенка и считается оконченным с момента совершения такой подмены. Под понятием «ребенок» в указанной статье следует понимать, как правило, младенца – личность, идентифицировать которую по ее индивидуальным признакам ее родители или другие законные представители по тем или иным причинам еще в полной мере не могут (например, подмена произошла до того, как мать способна была запомнить только что родившегося ребенка, или до передачи ребенка отцу в случае смерти матери и так далее). «Чужим» ребенок является согласно закону для лица, осуществляющего подмену ребенка. Таким лицом не могут быть отец и мать ребенка, даже если один из них проживает отдельно от ребенка.

Ответственность за эксплуатацию детей предусмотрена статьей 150 Уголовного кодекса Украины. Она выражается в таком общественно опасном действии, как эксплуатация ребенка – то есть присвоение не каких-либо материальных результатов (продуктов) его труда (дохода в виде материальных благ), а только прибыли как разницы между доходами и производственными затратами.

Статья 156 Уголовного кодекса Украины предусматривает развращение несовершеннолетних, которое выражается с объективной стороны в совершении развратных действий сексуального характера, способных вызвать физическое и моральное развращение несовершеннолетних. Развратные действия могут иметь как физический, так и интеллектуальный, психологический характер. Развращение несовершеннолетних является оконченным преступлением с момента начала совершения развратных действий.

Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность (статья 304 Уголовного кодекса Украины) выражается в объективной стороне такого де-

яния, а именно в вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность, пьянство, занятие попрошайничеством, занятие азартными играми.

Анализируя отдельные статьи Уголовного кодекса Украины в части преступлений против детей, можно сделать вывод, что большинство таких преступлений совершаются путем действия, которое обязательно влечет общественно опасные последствия. Поэтому и большинство преступлений по составу являются формальными.

Выводы. Учитывая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что объективная сторона преступления – это совокупность предусмотренных уголовным законом признаков, выражающих внешнее проявление общественно опасного деяния, которое посягает на объекты уголовно-правовой охраны, а также характеризует внешнюю сторону посягательства субъекта на общественные отношения и является предметом его субъективной оценки. Объективная сторона преступления всегда связана с внешним проявлением общественно опасного и противоправного поведения лица в форме действия или бездействия, которое сопровождается определенным психическим состоянием такого лица. Это волевое поведение, которое наносит или угрожает нанести ущерб тем или иным ценностям, которые охраняются уголовным законом.

Список использованной литературы:

1. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. – 316 с.
2. Пионтковский А.А. Объективная сторона состава преступления / А.А. Пионтковский // Курс советского уголовного права : в 2 т. – М. : Наука, 1970– . – Т. 2. – С. 131–183.
3. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев // Советское уголовное право. Общая часть. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1974. – С. 128–143.
4. Фрис П.Л. Уголовное право Украины. Общая часть : [учебник для студ. высш. учеб. завед.] / П.Л. Фрис. – К. : Атика, 2004. – 488 с.
5. Чеботарьова Г.В. Проблемы визначення поняття об'єктивної сторони

злочину / Г.В. Чеботарьова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – Т. 22(61). – 2009. – № 1. – С. 249–254.

6. Бажанов М.И. Объективная сторона преступления / М.И. Бажанов // Уголовное право УССР. Часть общая. – К. : Вища школа, 1984. – С. 81–97.

7. Бурчак Ф.Г. Объективная сторона преступления / Ф.Г. Бурчак, Е.Ф. Фесенко // Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть общая. – К. : Наукова думка, 1985. – С. 104–110.

8. Чернышова Н.В. Уголовное право Украины: тезисы лекций и практические задания для курсантов Киевского училища милиции МВД Украины / Н.В. Чернышева, М.В. Володько, М.А. Хазин. – К. : Наукова думка, 1995. – 456 с.

9. Уголовное право Украины. Общая часть : [учебник] / [Ю.В. Баулин, В.И. Борисов, Л.М. Кривоченко и др.] ; под ред. В.В. Сташиса, В.Я. Таця. – К. : Юринком Интер, 2007. – 496 с.

10. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления / А.Н. Трайнин. – М. : Госюриздат, 1957. – 363 с.

11. Таганцев В.С. Русское уголовное право. Часть общая : [лекции] : в 2 т. / В.С. Таганцев. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – 380 с.

12. Андреев И.Л. Рецензия на книгу А.Н. Трайнина «Общее учение о составе преступления» / И.Л. Андреев // Советское государство и право. – 1958. – № 3. – С. 149–151.

13. Ляпунов Ю.И. Состав преступления: гносеологический и социально-правовой аспекты / Ю.И. Ляпунов // Уголовное право. – 2005. – № 5 – С. 44–48.

ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРОМ В СУДЕ ФУНКЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАНИНА ИЛИ ГОСУДАРСТВА В АСПЕКТЕ НОВОГО ЗАКОНА УКРАИНЫ «О ПРОКУРАТУРЕ»

Константин ГУЗЕ,

ассистент кафедры гражданского процесса
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

New provisions Civil Procedure Code, the Code of Administrative Procedure of Ukraine, the Economic Procedural Code of Ukraine and the Law of Ukraine “About the Prosecutor’s Office” (2014), which govern the implementation of prosecutor’s functions of the representation the interests of citizens or a state in court, are analyzed. Attention is paid to the problems of the legal status of the prosecutor in the trial and to the basis of his participation outside the scope of the criminal justice system. Suggestions for harmonization and improvement of these legal provisions are formulated.

Key words: prosecutor, protection of interests of citizens or a state in court by a prosecutor, procedural status of a prosecutor, base of the prosecutor’s participation in court.

Аннотация

Проанализированы новеллы Гражданского процессуального кодекса Украины, Кодекса административного судопроизводства Украины, Хозяйственного процессуального кодекса Украины, а также Закона Украины «О прокуратуре» 2014 г., которые регулируют порядок осуществления прокурором функции представительства интересов гражданина или государства в суде. Внимание уделено проблемам правового статуса прокурора в суде, а также основаниям его участия вне криминальной сферы правосудия. Сформулированы предложения по гармонизации и совершенствованию этих правовых положений.

Ключевые слова: прокурор, представительство прокурором интересов гражданина или государства в суде, процессуальный статус прокурора, основания участия прокурора в суде.

Постановка проблемы. Во исполнение Украиной обязательств, взятых при вступлении в Совет Европы, относительно трансформации национальной прокуратуры в орган, который отвечал бы стандартам этого международного сообщества, 14.10.2014 г. Верховной Радой Украины принят новый Закон Украины «О прокуратуре» (далее – Закон) [1], а также внесен ряд изменений и дополнений в нормы Гражданского процессуального кодекса Украины (далее – ГПКУ) [2], Кодекса административного судопроизводства Украины (далее – КАСУ) [3], Хозяйственного процессуального кодекса Украины (далее – ХПКУ) [4], регулирующие порядок осуществления прокурором функции представительства интересов гражданина или государства в суде. Это обусловило возникновение в юридической литературе полемики относительно совершенства таких законодательных новелл.

Отдельные аспекты участия прокурора в гражданском, административном, хозяйственном процессе исследовались в публикациях Т.О. Дунаса, М.В. Касюты, П.М. Каркача, Н.В. Руденко, М.А. Стефанчук и других ученых, работы которых служат базой для дальнейшего исследования рассматриваемых вопросов.

Актуальность темы исследования обуславливается тем, что новый Закон и изменения, внесенные в процессуальное законодательство, не только не решили ряд спорных вопросов относительно участия прокурора в суде вне криминальной сферы (проблемы процессуального статуса прокурора, оснований его участия в суде и тому подобное), но и углубили их.

Целью статьи является системный анализ новелл ГПКУ, КАСУ, ХПКУ и положений Закона, регулирующих порядок реализации прокурором функций представительства интересов

гражданина или государства в суде для их гармонизации и практического применения.

Изложение основного материала. Законом ч. 2 ст. 45 ГПКУ было дополнено абз. 3 следующего содержания: «Прокурор, который обращается в суд с целью представительства интересов гражданина или государства в суде (независимо от формы, в которой осуществляется представительство), должен подтвердить наличие оснований для осуществления такого представительства, предусмотренных ч. ч. 2 или 3 ст. 25 Закона Украины «О прокуратуре». Для представительства интересов гражданина в суде прокурор также должен предоставить документы, подтверждающие недостижение совершеннолетия, недееспособность или ограниченную дееспособность соответствующего гражданина, а также письменное согласие законного представителя или органа, которому законом предоставлено право защищать права, свободы и интересы заинтересованного лица на осуществление им представительства. Невыполнение прокурором требований о предоставлении суду подтверждения наличия оснований для осуществления представительства интересов гражданина или государства в суде влечет применения положений, предусмотренных ст. 121 настоящего Кодекса». Аналогичные изменения и дополнения внесены в ч. 2 ст. 60 КАСУ и ч. 1 ст. 29 ХПКУ.

При анализе вышеуказанных изменений необходимо остановиться на ряде дискуссионных вопросов. В первую очередь обращает на себя внимание новая редакция процессуальных кодексов, где на прокурора возлагается обязанность предоставления суду письменного согласия законного представителя для осуществления им представительства интересов гражданина. То есть возможность реализации прокурором в суде указанных полномочий ставится законодателем в прямую зависимость от воли законного представителя несовершеннолетнего, недееспособного или ограниченно дееспособного лица. Очевидно, что при внесении в процессуальное законодательство таких изменений нивелируется самостоятельный правовой статус прокурора, поскольку он фактически приобретает признаки договорного представителя. Вместе с

тем прокурора нельзя отождествлять с процессуальным представителем, поскольку в суде он действует от своего имени, а не от имени доверителя или его законного представителя, выступая должностным лицом органа, на который п. 2 ст. 121 Конституции Украины возложена функция представительства интересов гражданина или государства. При этом прокурор, осуществляя указанную функцию, как справедливо отмечает И.П. Тимошевская, реализует публично-правовые интересы правосудия [5, с. 150], провозглашенные Конституцией Украины, которая гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (ст. 55). Публичный характер деятельности прокуратуры в гражданских процессах является главным фактором, который индивидуализирует его правовое положение в суде и дифференцирует от судебного представителя, деятельность которого имеет не публичный, а частный характер, поскольку направлена на защиту частного интереса доверителя.

Учитывая указанное, из текста абз. 3 ч. 2 ст. 45 ГПКУ, ч. 2 ст. 60 КАСУ, ч. 1 ст. 29 ХПКУ, на наш взгляд, целесообразно исключить слова «а также письменное согласие законного представителя или органа, которому законом предоставлено право защищать права, свободы и интересы заинтересованного лица на осуществление им представительства».

При обращении в суд в интересах гражданина, кроме письменного разрешения законного представителя, процессуальное законодательство (ч. 2 ст. 45 ГПКУ, ч. 2 ст. 60 КАСУ, ч. 1 ст. 29 ХПКУ) требует от прокурора предоставления суду документов, которые подтверждают недостижение совершеннолетия, недееспособность или ограниченную дееспособность соответствующего гражданина. При этом невыполнение прокурором указанных требований в гражданском и административном судопроизводстве влечет оставление искового заявления без движения (ст. 121 ГПКУ, ст. 108 КАСУ), а в хозяйственном – его возвращение (ч. 2 ст. 2, ст. 63 ХПКУ). В свою очередь, когда объектом представительства выступают интересы государства, процессуальное законодательство не предусматривает обязанности по предоставлению прокурором таких документов.

Считаем, что наличие подобного дисбаланса может негативно сказаться на правоприменении, поскольку допускает возможность необоснованного обращения прокурора в суд в интересах государства. В связи с этим в ГПКУ, КАСУ, ХПКУ для прокурора следует установить, на наш взгляд, требование относительно документального подтверждения необходимости защиты прав и интересов не только гражданина, но и государства.

Согласно ч. 2 ст. 23 Закона прокурор осуществляет представительство в суде интересов гражданина (гражданина Украины, иностранца или лица без гражданства) в случаях, если такое лицо не способно самостоятельно защитить свои нарушенные, оспоренные права или реализовать процессуальные полномочия, поскольку не достигло совершеннолетия, является недееспособным или ограниченно дееспособным, а законные представители или органы, которым законом предоставлено право защищать права, свободы и интересы такого лица, не осуществляют или ненадлежащим образом осуществляют его защиту.

При анализе этой нормы Закона, на наш взгляд, небесспорным является отнесение законодателем к числу граждан, защиту интересов которых в суде вправе осуществлять прокурор, лиц, не достигших совершеннолетия или являющихся ограниченно дееспособными. Указанные субъекты в соответствии с процессуальным законодательством в ряде случаев способны самостоятельно осуществлять процессуальные права и выполнять свои обязанности (приобретают процессуальную дееспособность), что не учтено в Законе. В частности, это несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, а также лица, гражданская дееспособность которых ограничивается, относительно дел, возникающих из отношений, в которых они лично могут принимать участие, если иное не установлено законом (ч. 2 ст. 29 ГПКУ); физические лица, не достигшие совершеннолетия, в случае регистрации их брака; несовершеннолетние лица, которым в порядке, установленном ГПКУ, предоставлена полная гражданская дееспособность (ч. 3 ст. 29 ГПКУ); лица, не достигшие совершеннолетия, в спорах, возникающих из публично-правовых отношений, в

которых они в соответствии с законодательством могут самостоятельно принимать участие (ч. 2 ст. 48 КАСУ) и другие. По нашему мнению, защита прокурором в суде субъективных прав, свобод, интересов гражданина может осуществляться только относительно процессуально недееспособных участников процесса, которые не могут самостоятельно защитить свои права или реализовать процессуальные полномочия. В связи с этим в ч. 2 ст. 23 Закона слова «поскольку не достигло совершеннолетия, является недееспособным или ограниченно дееспособным» предлагаем заменить словами «не имеет процессуальной дееспособности».

Продолжая анализ оснований представительства прокурором интересов гражданина, предусмотренных в ч. 2 ст. 23 Закона, отдельного осмысления требует словосочетание «*ненадлежащим образом осуществляют ее защиту*». Закон не раскрывает сущность этого словосочетания, предварительно предоставляя возможность решения этого вопроса прокурору, а окончательно – суду. К такому выводу, не считая указанной ч. 2 ст. 23 Закона, можно прийти согласно содержанию абз. 2 ч. 4 ст. 23 Закона, в котором предусматривается, что прокурор осуществляет представительство интересов гражданина или государства в суде «исключительно после подтверждения судом» оснований для представительства.

Заложенный в Законе оценочный характер оснований представительства интересов гражданина, по нашему мнению, может привести к злоупотреблениям как со стороны прокуратуры (в контексте необоснованного обращения в суд (вступления в начатое дело) на защиту интересов гражданина), так и со стороны суда (в контексте незаконного открытия производства по делу или незаконного возвращения прокурору искового заявления). По этому поводу в юридической литературе справедливо отмечается, что в случае, если норма не конкретизирована законодателем, правоприменительным органам приходится осуществлять ее индивидуальную оценку, которая может не совпадать с тем, что имел в виду законодатель [6, с. 104].

Следует сказать, что нормы, которые возлагают на прокурора обязанность осуществления представитель-

ства интересов гражданина (лица, не достигшего совершеннолетия, недееспособного или ограничено дееспособного), права которого *ненадлежащим образом* защищаются его законным представителем, дублируют уже существующие процессуальные механизмы, применяемые в случае, когда действия законного представителя в суде не отвечают интересам доверенного лица. Например, ч. 5 ст. 174 ГПКУ, ч. 6 ст. 175 ГПКУ предусмотрено, что суд не принимает отказ ответчика от иска, признание иска ответчиком, не признает мировое соглашения по делу, в котором лицо (сторону) представляет ее законный представитель, если его действия противоречат интересам лица, которое он представляет. Приведем другой случай: если законный представитель не имеет права вести дело в суде по основаниям, установленным законом, суд по представлению органа опеки и попечительства проводит замену законного представителя. Суд может назначить или заменить законного представителя по ходатайству малолетнего или несовершеннолетнего лица, если это отвечает его интересам (ст. 43 ГПКУ). Согласно ч. 7 ст. 59 КАСУ, если действия законного представителя противоречат интересам лица, которое он представляет, суд может привлечь к участию в деле соответствующий орган или лицо, которому законом предоставлено право защищать права, свободы и интересы других лиц.

Учитывая, что словосочетание «*ненадлежащим образом осуществляют*» имеет оценочный характер, а в законодательстве предусмотрены механизмы отстранения от процесса законных представителей, которые *ненадлежащим образом* осуществляют свои функциональные обязанности, считаем, что из текста ч. 2 ст. 23 Закона это словосочетание необходимо исключить.

В рамках исследования оснований представительства прокурором интересов гражданина в суде, предусмотренных в ч. 2 ст. 23 Закона, неурегулированной остается ситуация, когда у гражданина вообще отсутствует законный представитель. Так, если отсутствие представителя установлено при рассмотрении дела, то суд по представлению органа опеки и попечительства должен своим постановлением установить над лицом опеку, назначить закон-

ного представителя и привлечь последнего к участию в деле (ч. 2 ст. 43 ГПКУ, ч. 9 ст. 56 КАСУ). При этом подобные действия суда не возможны, если производство по делу не открыто. В этом случае прокурору, на наш взгляд, должно быть предоставлено право защиты в суде интересов тех граждан, которые не могут самостоятельно защищать свои права или реализовывать процессуальные полномочия и у которых отсутствует законный представитель. Поэтому ч. 2 ст. 23 Закона после слов «его защиту» следует дополнить словосочетанием «*вообще отсутствуют*» и изложить в следующей редакции: «Прокурор осуществляет представительство в суде интересов гражданина (гражданина Украины, иностранца или лица без гражданства) в случаях, если такое лицо не способно самостоятельно защитить свои нарушенные, оспоренные права или реализовывать процессуальные полномочия, поскольку не имеет процессуальной дееспособности, а законные представители (органы, которым законом предоставлено право защищать права, свободы и интересы такого лица) не осуществляют его защиту или вообще отсутствуют».

Наряду с основаниями представительства прокурором интересов гражданина ст. 23 Закона устанавливает основания представительства интересов государства. Так, согласно ч. 3 ст. 23 Закона прокурор осуществляет представительство в суде законных интересов государства в случае нарушения или угрозы нарушения интересов государства, если защиту этих интересов не осуществляет или *ненадлежащим образом* осуществляет орган государственной власти, орган местного самоуправления или иной субъект властных полномочий, в компетенцию которого входят соответствующие полномочия, а также в случае отсутствия такого органа.

Ненадлежащее осуществление органом государственной власти или органом местного самоуправления защиты интересов государства, по нашему мнению, не может являться условием участия прокурора в суде, поскольку контроль за «надлежащим осуществлением» субъектами властных полномочий своих функций (как и оценка их деятельности на основании отчетов) возлагается в первую очередь на вышестоящие органы и их руководство,

а не на прокуратуру. При этом, как отмечается в науке, подконтрольность означает, что всю деятельность органов или какую-либо ее часть проверяют вышестоящие органы или орган, специально созданный для осуществления контроля и надзора. Подотчетность выражается в обязанности органа информировать о своей работе вышестоящий орган, который, руководствуясь данными отчетов, оценивает деятельность подотчетного в целом или по отдельным направлениям [7, с. 79].

Отсутствие органа государственной власти (органа местного самоуправления), уполномоченного осуществлять функции государства в спорных правоотношениях (в случае их нарушения или угрозы нарушения), по нашему мнению, также не может выступать условием осуществления прокуратурой представительства интересов в суде. Подобный вывод следует из толкований Конституционного Суда Украины, который в п. 5 мотивировочной части своего решения № 3-рп/99 от 08.04.1999 г. (дело о представительстве прокуратурой Украины интересов государства в арбитражном суде) отметил, что государство в суде представляют органы, уполномоченные государством осуществлять соответствующие функции в спорных отношениях [8]. Кроме того, необходимо учитывать также особенности правового действия судебного решения, которое не может распространяться на прокурора, поскольку его юридическая заинтересованность имеет лишь процессуальный характер.

В этом контексте следует обратить внимание на то, что с принятием Закона внесен ряд изменений и дополнений в законодательные акты Украины, которыми расширены полномочия органов государственной власти, органов местного самоуправления. Им предоставлено право самостоятельного обращения в суд для выполнения возложенных законом полномочий, вследствие чего нивелируются случаи, когда защита интересов государства в суде не осуществляется в связи с отсутствием органа, на который законом возложены соответствующие полномочия. Например, в соответствии с разделом XII «Заключительные положения» Закона, Закон Украины «О местном самоуправлении в Украине» [9] дополнен ст. 18¹ «Отношения органов местного само-

управления с судами общей юрисдикции» следующего содержания: «Орган местного самоуправления может быть истцом и ответчиком в судах общей юрисдикции, в частности, обращаться в суд, если это необходимо для реализации его полномочий и обеспечения выполнения функций местного самоуправления». Пункт 5 ст. 28 Закона Украины «О местных государственных администрациях» [10] изложен в редакции, которая позволяет этим органам самостоятельно «обращаться в суд и осуществлять другие функции и полномочия способом, предусмотренным Конституцией и законами Украины». Закон Украины «О центральных органах исполнительной власти» [11] дополнен ст. 28 «Обращение в суд» следующего содержания: «Министерства, другие центральные органы исполнительной власти и их территориальные органы обращаются в суд, если это необходимо для осуществления полномочий, способом, предусмотренным Конституцией и законами Украины».

Учитывая вышеуказанное, считаем, что ч. 3 ст. 23 Закона необходимо изложить в такой редакции: «Прокурор осуществляет представительство в суде законных интересов государства в случае нарушения или угрозы нарушения интересов государства, если защите этих интересов не осуществляет орган государственной власти, орган местного самоуправления, в компетенцию которого входят соответствующие полномочия».

Выводы. Таким образом, внедрение предложенных в статье изменений и дополнений в процессуальное законодательство и Закон Украины «О прокуратуре» позволит гармонизировать и усовершенствовать процедуру реализации прокурором функции представительства интересов гражданина или государства в гражданско-правовых процессах.

Список использованной литературы:

1. Про прокуратуру : Закон Украины від 14.10.2014 р. № 1697-VII // Відомості Верховної Ради України. – 2015. – № 2–3. – Ст. 12.
2. Цивільний процесуальний кодекс України // Відомості Верховної Ради України. – 2004. – № 40–42. – Ст. 492.

3. Кодекс адміністративного судочинства України // Відомості Верховної Ради України. – 2005. – № 35–37. – Ст. 446.

4. Господарський процесуальний кодекс України // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 6. – Ст. 56.

5. Тимошевська І.П. Участь у цивільному процесі органів та осіб, яким законом надано право захищати права, свободи та інтереси інших осіб : [монографія] / І.П. Тимошевська. – Х. : Еспада, 2014. – 176 с.

6. Бару М.И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве / М.И. Бару // Советское государство и право. – 1970. – № 7. – С. 104–108.

7. Адміністративне право України : [підручник] / [Ю.П. Битяк, В.М. Гаращук, О.В. Дьяченко та ін.] ; за ред. Ю.П. Битяка. – К. : Юрінком Інтер, 2005. – 544 с.

8. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційними поданнями Вищого арбітражного суду України та Генеральної прокуратури України щодо офіційного тлумачення положень ст. 2 Арбітражного процесуального кодексу України (справа про представництво прокуратурою України інтересів держави в арбітражному суді) // Вісник Конституційного Суду України. – 1999. – № 2. – С. 39–43.

9. Про місцеве самоврядування в Україні : Закон України // Відомості Верховної Ради України. – 1997. – № 24. – Ст. 170.

10. Про місцеві державні адміністрації : Закон України // Відомості Верховної Ради України. – 1999. – № 20–21. – Ст. 190.

11. Про центральні органи виконавчої влади : Закон України // Відомості Верховної Ради України. – 2011. – № 38. – Ст. 385.

НЕКОТОРЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Екатерина ГУРКОВСКАЯ,

соискатель кафедры административного права и процесса, финансового и информационного права
Львовского университета бизнеса и права

Summary

In article the analysis of the current legislation on prevention and combating domestic violence. Attention was drawn to the direction of the effective application of the law on prevention of domestic violence and determined that the legal framework of Ukraine in this area requires further settlement and improvement. Also considered some aspects of law enforcement activities aimed at the prevention, timely detection of domestic violence and the implementation of effective combat violations of the legitimate rights, freedoms and interests of the participants of family conflict.

Key words: domestic violence, legislation, regulatory support, victim of violence, gender equality, administrative and legal regulation.

Аннотация

В статье осуществлен анализ действующего законодательства по предупреждению и противодействию домашнему насилию. Обращено внимание на направления эффективного применения законодательства по предупреждению насилия в семье, определено, что нормативно-правовая база Украины в этой сфере требует дальнейшего урегулирования и совершенствования. Также рассмотрены некоторые аспекты деятельности правоохранительных органов, направленные на предупреждение, своевременное выявление домашнего насилия и осуществление эффективной борьбы с нарушением законных прав, свобод и интересов участников семейно-бытовых конфликтов.

Ключевые слова: предупреждение домашнего насилия, законодательство, нормативно-правовое обеспечение, жертва насилия, гендерное равенство, административно-правовое регулирование.

Постановка проблемы. Домашнее насилие является достаточно актуальной и масштабной проблемой для общества. Особенно это проявляется в условиях нестабильной политической ситуации, экономического кризиса, безработицы и так далее. Все это порождает недовольство и приводит к агрессивному поведению, в частности, в семейно-бытовой сфере. Не обошло стороной это негативное явление и нашу страну, поэтому Украина на государственном уровне признала данную проблему, приняв в 2001 г. Закон Украины «О предупреждении насилия в семье» [1]. Этот закон определяет правовые и организационные основы предупреждения насилия в семье, органы и учреждения, на которые возлагается осуществление мер по предупреждению насилия в семье, и тому подобное. Кодексом Украины об административных правонарушениях также закреплена специальная норма (ст. 173-2), предусматривающая административную ответственность за совершение насилия в семье, невыполнение защитного предписания или непрохождение коррекционной программы [2].

В целом деятельность по предупреждению насилия в семье регламентируется, кроме перечисленных выше, совокупностью нормативных актов, к которым принадлежат такие:

- Конституция Украины [3];
- Закон Украины «О милиции» [4];
- Закон Украины «Об охране детства» [5];
- Закон Украины «Об органах и службах по делам детей и специальных учреждениях для детей» [6];
- Закон Украины «О социальной работе с семьями, детьми и молодежью» [7];
- Семейный кодекс Украины [8];
- Постановление Кабинета Министров Украины «Об утверждении Порядка рассмотрения заявлений и сообщений о совершении насилия в семье или реальной его угрозе» от 26.04.2003 г. № 616 [9];
- совместный Приказ Министерства Украины по делам семьи, молодежи и спорта, Министерства здравоохранения Украины, Министерства образования и науки Украины, Министерства труда и социальной политики Украины, Министерства транспорта и связи Украины, Министерства внутренних дел Украины и Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний «Об утверждении Порядка взаимодействия субъектов социальной работы с семьями, которые оказались в сложных жизненных обстоятельствах» от 14.06.2006 г. № 1983/388/452/221/556/596/106 [10];

– совместный Приказ Министерства Украины по делам семьи, молодежи и спорта и Министерства внутренних дел Украины «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия структурных подразделений, ответственных за реализацию государственной политики по предупреждению насилия в семье, служб по делам детей, центров социальных служб для семьи, детей и молодежи и соответствующих подразделений органов внутренних дел по вопросам осуществления мероприятий по предупреждению насилия в семье» от 07.09.2009 г. № 3131/386 [11];

– Приказ Министерства внутренних дел Украины «Об утверждении Положения о службе участковых инспекторов милиции в системе Министерства внутренних дел Украины» от 11.11.2010 г. № 550 [12];

– совместный Приказ Министерства социальной политики Украины, Министерства внутренних дел Украины, Министерства образования и науки Украины, Министерства охраны здоровья Украины «Об утверждении Порядка рассмотрения обращений и сообщений по поводу жестокого обращения с детьми или угрозы его совершения» от 19.08.2014 г. № 564/836/945/577 [13] и другие.

Этот перечень нормативно-правовых актов не является исчерпывающим. Од-

нако в связи с течением времени, изменением социальных условий, недостатками, которые выявляются в процессе применения нормативных актов, законодательство требует усовершенствования путем внесения определенных изменений или корректив.

Состояние исследования. В научной литературе вопросам, связанным с предупреждением насилия в семье, было уделено определенное внимание. Исследованием этой проблематики занимались О.Н. Бандурка, А.Б. Блага, О.В. Бойко, П.О. Власов, И.В. Дроздова, Г.Е. Запорожцева, Е.В. Ковалева, Т.А. Коломоец, А.Т. Комзюк, Т.Я. Назар, Ю.В. Рахивский, В.О. Тюрина, Н.Б. Шамрук, В.В. Шафар и другие ученые. Однако значительное количество вопросов, связанных с совершенствованием нормативно-правового обеспечения деятельности по предупреждению насилия в семье, не получило обстоятельной научной разработки.

Цель статьи – исследовать имеющееся нормативно-правовое обеспечение предупреждения домашнего насилия и предложить изменения в действующее законодательство в этой сфере.

Изложение основного материала. Несмотря на принятые изменения к законодательству по предупреждению насилия в семье, множество недостатков и пробелов остались без внимания и соответствующего урегулирования, поэтому требуют немедленного реагирования. Закон Украины «О предупреждении насилия в семье» (далее – Закон) определяет насилие в семье как любые умышленные действия физического, сексуального, психологического или экономического направления одного члена семьи по отношению к другому члену семьи, если эти действия нарушают конституционные права и свободы члена семьи как человека и гражданина, наносят ему моральный вред, вред его физическому или психическому здоровью [1]. В этом определении отражены виды и основные признаки домашнего насилия. Однако следует согласиться с мнением Е.В. Ковалевой, которая отмечает, что насилие может проявляться не только в форме действия, но и в форме бездействия [14, с. 11]. Ярким примером этого является совершение экономического насилия. К тому же насилие в семье может осуществляться в форме угрозы применения соответствующих действий, о

чем в вышеуказанном определении не говорится.

Дополнительного уточнения требует также перечень лиц, которых можно считать членами семьи при квалификации насилия в семье, на основании этого расширение такого перечня (с включением бывших членов семьи, домашних работников и других) и замена термина «насилие в семье» понятием «домашнее насилие», которое является более точным и уместным.

Поэтому предлагаем следующее определение анализированного явления: домашнее насилие – это любое умышленное деяние (действие или бездействие) или угроза применения такого деяния (действия или бездействия) физического, сексуального, психологического или экономического характера одного члена семьи или домашнего хозяйства по отношению к другому, если эти действия нарушают конституционные права и свободы члена семьи или домашнего хозяйства как человека и гражданина, наносят ему моральный вред, вред его физическому, психическому здоровью или экономическим интересам.

Также необходимо рассмотреть нормативно-правовые акты, которые предусматривают ответственность за совершение насилия в семье. Ведь привлечение к ответственности лица, совершившего домашнее насилие, предупреждает совершение такого насилия в дальнейшем со стороны виновного лица, а также со стороны других лиц. Во-первых, как уже упоминалось, в Кодексе Украины об административных правонарушениях [2] закреплена специальная норма (ст. 173-2), которая предусматривает ответственность за совершение насилия, невыполнение защитного предписания или непрохождение коррекционной программы. То есть правонарушитель привлекается к административной ответственности за умышленное совершение любых действий физического, психологического или экономического характера (применение физического насилия, которое не причинило физической боли и не повлекло телесных повреждений, угрозы, обиды или преследования, лишения жилья, еды, одежды, другого имущества или средств, на которые потерпевший имеет предусмотренное законом право, и так далее), в результате чего мог быть или был нанесен вред физическому или психическому здоровью потерпевшего,

а также невыполнение защитного предписания лицом, относительно которого оно вынесено, непрохождение коррекционной программы лицом, совершившим насилие в семье. Следует отметить, что в сравнении с вышеуказанным Законом в Кодексе Украины об административных правонарушениях указаны только три вида насилия: физическое, психологическое и экономическое. Возникает вопрос: как квалифицировать различные непристойные предложения сексуального характера или отказ без обоснования от половых сношений одного из супругов по отношению к другому?

Поскольку наиболее распространенной причиной совершения домашнего насилия является злоупотребление алкогольными напитками обидчиком, то возникает необходимость внесения предложения о применении к правонарушителю, который страдает хроническим алкоголизмом, принудительного лечения от алкоголизма.

Также права человека охраняет Уголовный кодекс Украины [15], который предусматривает группы составов преступлений, по которым наступает уголовная ответственность за совершение домашнего насилия. Первую (общую) группу, составляющую преступления, которыми человек лишается жизни (ст. ст. 115–120 Уголовного кодекса Украины). Вторую группу преступлений составляют преступления против здоровья личности, к которым можно отнести нанесение тяжких телесных повреждений, телесных повреждений средней тяжести и легких телесных повреждений, побои и истязания, пытки и другие преступления, которые можно отнести к категории насилия в семье. Уголовным кодексом Украины предусматривается ответственность за преступления против половой неприкосновенности и общественной нравственности, ряд преступлений с элементами экономического насилия (в частности, уклонение от уплаты платежей, которые один член семьи обязан уплачивать в пользу другого), противоправное посягательство одного члена семьи на собственность другого и так далее. Отдельную группу преступлений составляют преступления, связанные с психологическим насилием, которые влекут ответственность в редких случаях. Это прежде всего угрозы убийством, доведение до само-

убийства, угрозы уничтожения чужого имущества путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом.

Однако, по нашему мнению, Уголовный кодекс Украины необходимо дополнить соответствующей статьей, которая будет предусматривать ответственность за систематическое совершение домашнего насилия, квалифицируя его как экономическое, сексуальное, психологическое, физическое и так далее. Эту норму следует вынести в отдельный раздел – «Уголовные правонарушения против семьи и детей».

Концепция Государственной целевой социальной программы поддержки семьи до 2016 г. [16] предусматривает, что в направлении предотвращения домашнего насилия необходимым является выполнение таких функций:

- обеспечения поддержки семей, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, и семей, находящихся в зоне риска попадания в такие обстоятельства;

- обеспечения выполнения требований законодательства в части ответственности родителей за содержание, воспитание и развитие детей, их жизнь и здоровье;

- повышения эффективности мероприятий по предотвращению насилия в семье путем предоставления необходимых социальных услуг и проведения эффективной профилактической работы среди населения;

- постоянного сбора информации в сфере предупреждения насилия в семье, проведения анализа ситуации в указанной сфере, регулярного мониторинга эффективности соответствующих мероприятий;

- оказания помощи лицам, пострадавшим от насилия в семье (их реабилитация и социальная реинтеграция, учет специальных потребностей отдельных групп таких лиц, в частности детей, стандартизация социальных услуг в сфере предотвращения насилия в семье).

Данный перечень можно расширить и дополнить, поскольку статистика показывает, что уровень домашнего насилия с каждым годом растет (количество обращений граждан по фактам совершения насилия в семье, зарегистрированных в органах внутренних дел, в 2012 г. составляло 137 782, тогда как за 2013 г. этот показатель вырос до 174 229) [17].

Относительно деятельности правоохранительных органов в этом направлении мы согласны с мнением О.О. Сидо-

ренко [18], который считает, что на правоохранительные органы необходимо возложить определенные обязанности в отношении решения проблемы домашнего насилия, а именно:

- по разработке и лоббированию новых законов о защите жертв домашнего насилия;

- по разработке и внедрению новых программ социальной защиты жертв от насилия в семье на государственном уровне;

- по информированию жертвы о ее праве на возмещение вреда с помощью правоохранительных механизмов;

- по принятию мер, чтобы соответствующие правоохранительные органы, их должностные лица, ответственные за предупреждение и противодействие домашнему насилию, прошли специализированный курс обучения «Противодействие домашнему насилию», на котором ознакомились с новыми методами борьбы с насилием в семейно-бытовой сфере;
- по привлечению экспертов (специалистов, психологов) для работы как с жертвами домашнего насилия, так и с семейными обидчиками.

Выводы. Анализ действующего законодательства и практики его применения позволяет утверждать, что нормативно-правовое обеспечение по предупреждению домашнего насилия требует существенных изменений и дополнений, среди которых основными являются такие:

- законодательное закрепление понятия «домашнее насилие», которым следует заменить существующий термин «насилие в семье»;

- уточнение перечня лиц, которых можно считать членами семьи;

- внесение предложения о применении к семейному обидчику, который страдает хроническим алкоголизмом, принудительного лечения от алкоголизма;

- криминализация систематического (повторного) совершения домашнего насилия с выделением этой нормы в новый раздел Уголовного кодекса Украины – «Уголовные правонарушения против семьи и детей»;

- внедрение новых форм противодействия домашнему насилию при принятии новой Концепции Государственной целевой социальной программы поддержки семьи с учетом новейших методов деятельности правоохранительных органов.

Список использованной литературы:

1. Про попередження насильства в сім'ї : Закон України від 15.11.2001 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2002. – № 10. – Ст. 70.

2. Кодекс України про адміністративні правопорушення від 07.12.1984 р. // Відомості Верховної Ради Української РСР. – 1984. – Додаток до № 51. – Ст. 1122.

3. Конституція України від 28.06.1996 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.

4. Про міліцію : Закон України від 20.12.1990 р. // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1991. – № 4. – Ст. 20.

5. Про охорону дитинства : Закон України від 26.04.2001 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2001. – № 30. – Ст. 142.

6. Про органи і служби у справах дітей та спеціальні установи для дітей : Закон України від 24.01.1995 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1995. – № 6. – Ст. 35.

7. Про соціальну роботу з сім'ями, дітьми та молоддю : Закон України від 21.06.2001 р. // Офіційний вісник України. – 2001. – № 29. – Ст. 1293.

8. Сімейний кодекс України : чинне законодавство зі змінами, внесеними згідно із Законом України від 14.10.2014 р. № 1697-VII // Відомості Верховної Ради України. – 2014. – № 20–21. – Ст. 708.

9. Про затвердження Порядку розгляду заяв та повідомлень про виникнення насильства в сім'ї : Постанова Кабінету Міністрів України від 26.04.2003 р. № 616 // Офіційний вісник України. – 2003. – № 18–19. – Ст. 829.

10. Про затвердження Порядку взаємодії суб'єктів соціальної роботи із сім'ями, які опинилися у складних життєвих обставинах : Наказ Міністерства України у справах сім'ї, молоді та спорту, Міністерства охорони здоров'я України, Міністерства освіти і науки України, Міністерства праці та соціальної політики України, Міністерства транспорту та зв'язку України, Міністерства внутрішніх справ України та Державного департаменту України з питань виконання покарань від 14.06.2006 р. № 1983/388/452/221/556/596/106 // Офіційний вісник України. – 2006. – № 28. – Ст. 2074.

11. Про затвердження Інструкції щодо порядку взаємодії структурних

підрозділів, відповідальних за реалізацію державної політики щодо попередження насильства в сім'ї, служб у справах дітей, центрів соціальних служб для сім'ї, дітей та молоді та відповідних підрозділів органів внутрішніх справ з питань здійснення заходів з попередження насильства в сім'ї: Наказ Міністерства України у справах сім'ї, молоді та спорту та Міністерства внутрішніх справ України від 07.09.2009 р. № 3131/386 (зі змінами, внесеними згідно з Наказом Міністерства соціальної політики України від 20.06.2012 р. № 371/549) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z0917-09>.

12. Про затвердження положення про службу дільничних інспекторів міліції в системі Міністерства внутрішніх справ України : Наказ Міністерства внутрішніх справ України від 11.11.2010 р. № 550 // Офіційний вісник України. – 2010. – № 95. – Ст. 3386.

13. Про затвердження Порядку розгляду звернень та повідомлень з приводу жорстокого поводження з дітьми або загрози його вчинення : Наказ Міністерства соціальної політики України, Міністерства внутрішніх справ України, Міністерства освіти і науки України, Міністерства охорони здоров'я України від 19.08.2014 р. № 564/836/945/577 // Офіційний вісник України. – 2014. – № 77. – Ст. 2214.

14. Ковальова О.В. Діяльність служби дільничних інспекторів міліції щодо попередження насильства в сім'ї : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.07 «Адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право» / О.В. Ковальова. – Х., 2008. – 21 с.

15. Кримінальний кодекс України від 05.04.2001 р. № 2341-III // Відомості Верховної Ради України. – 2001. – № 25–26. – Ст. 131.

16. Про схвалення Концепції Державної цільової соціальної програми підтримки сім'ї до 2016 р. : Розпорядження Кабінету Міністрів України від 31.05.2012 р. № 325-р // Офіційний вісник України. – 2012. – № 42. – Ст. 1628.

17. Статистичні дані Міністерства внутрішніх справ України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://mvs.gov.ua>.

18. Сидоренко О.О. Правові та психологічні аспекти вирішення конфліктів, пов'язаних з насильством у сім'ях / О.О. Сидоренко // Право України. – 2001. – № 6. – С. 37–40.

СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ДРУГИХ ОТРАСЛЯХ ПРАВА УКРАИНЫ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Александр ДВОРЕЦКИЙ,

соискатель кафедры уголовного процесса
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The author of the article studied the evidentiary rules and Summary of the theory of evidence, which are enshrined in the existing criminal Procedure, civil Procedure, economic procedural and administrative procedural legislation of Ukraine. The author of the article allocated as their common features and also their significant differences. The author considered conclusive right or "right evidence" of England and the United States, as well as rules relating to evidence in criminal proceedings in Austria, on the basis of which the author carried a statement of the need for partial borrowing in the criminal process of Ukraine, rules relating to proof of foreign law and practice countries, under the terms of their adaptation to the current legislation of Ukraine.

Key words: method of comparative law, theory of evidence, evidence, pre-trial investigation, criminal procedure, criminal proceedings.

Аннотация

В статье проведено исследование норм, регламентирующих правила осуществления доказательственной деятельности, и основные положения теории доказательства, которые закреплены в действующих уголовно-процессуальном, гражданско-процессуальном, хозяйственно-процессуальном и административно-процессуальном законодательствах Украины. Выделены как их общие черты, так и имеющиеся существенные различия. Кроме того, рассмотрено доказательное право, или «право доказательств», Англии и США, а также нормы, касающиеся доказывания в уголовном процессе Австрии, на основании чего проведена констатация необходимости частичного заимствования в уголовный процесс Украины норм, касающихся доказывания, из законодательства и практики зарубежных стран на условиях их адаптации к действующему законодательству Украины.

Ключевые слова: метод сравнительного правоведения, теория доказательств, доказательное право, досудебное следствие, уголовный процесс, уголовное производство.

Постановка проблемы. Международно-правовая интеграция, в которой Украина принимает все большее участие, предусматривает осуществление деятельности по координации ее собственной правовой политики с правовой политикой других государств. Продвижение украинского государства этим путем является полностью очевидным. Свидетельством этого является широкомасштабная судебно-правовая реформа, которая сопровождается также использованием международного опыта, имплементацией отдельных правовых норм в национальное законодательство, признанием международного права частью украинской правовой системы и приведением ее в соответствие с международными правовыми стандартами. По утверждению китайского

ученого Хун Дуньин, перед любым государством, в котором активно или пассивно проводится правовая реформа, неминуемо встает вопрос о необходимости учиться, исследовать, а со временем и прямо имплементировать правовые теории и законодательство зарубежных государств [1, с. 15]. Мы поддерживаем такую позицию. Поэтому, учитывая зарубежный законодательный и правоприменительный опыт, для усовершенствования национального законодательства необходимо использовать метод сравнительного правоведения, который позволяет глубже познать зарубежное право и зарубежное законодательство с целью улучшения качества и повышения эффективности применения национального права в правоприменительной деятельности.

Состояние исследования. Опыт сравнительного правоведения все чаще используется в научных работах, посвященных общеправовым и другим вопросам. Среди научных разработок по указанной проблематике следует выделить труды В.Н. Бутова, Т.М. Барабаша, Д.И. Бочарова, Л.В. Головки, К.Ф. Гуценко, С.Л. Дегтярева, И.В. Задиора, О.В. Каплиной, Е.Г. Коваленко, Е.В. Левченко, И.В. Решетниковой, В.Н. Тертышника, С.Я. Фурсы, С.В. Щербакова и других известных ученых в разных сферах правовой науки.

Целью статьи является рассмотрение отдельных вопросов, связанных с теорией доказательств, в разных отраслях права Украины, а также сравнение отдельных правовых норм, касающихся этой теории, с соответствующими положениями законодательства зарубежных стран.

Изложение основного материала. Исследуя этот вопрос, необходимо остановиться прежде всего на рассмотрении вопроса о существующих совпадениях и различиях, которые касаются теории доказывания в разных отраслях права Украины.

Исходя из проведенного нами исследования, можно сказать, что положение о доказывании и доказательствах, будучи частью уголовного процессуального законодательства, не только выходит за его границы, но и охватывает гражданский, хозяйственный, административный процесс, а также различные отрасли материального права. В юридической литературе доказательство и доказывание чаще называют доказательным правом. По этому поводу В.Н. Щеглов указывает, что доказательное право составляет сердцевину процессуального законодательства как система норм, которая обеспечивает заинтересованным лицам возможность доводить свои требования или замечания, а суду – устанавливать истину и возлагать ответственность на правонарушителя [2, с. 28]. Мы поддерживаем такую позицию. В подтверждение приведенной мысли П.С. Элькинд отмечает, что доказательное право – это система процессуальных норм, которые регламентируют цели, содержание, порядок и правовые средства выявления, сбора, проверки и оценки судебных доказательств [3, с. 15]. Однако доказательное право, не имея собственного предмета правового регулирования, как

определяет Е.Г. Коваленко, имеет влияние на достаточно специфический круг общественных отношений в сфере судопроизводства. Оно распространяется на все общественные отношения, на все явления внешнего мира, которые тем или иным образом связаны с процессом доказывания. При осуществлении доказательственной деятельности ее участники используют законы логики, психологии, теории информации [4, с. 7].

Нормы доказательного права, регламентирующие правила осуществления доказательственной деятельности и отражающие основные положения теории доказывания, закреплены в действующем процессуальном законодательстве: Уголовном процессуальном кодексе Украины (далее – УПК Украины), Гражданском процессуальном кодексе Украины (далее – ГПК Украины), Хозяйственном процессуальном кодексе Украины (далее – ХПК Украины), Кодексе административного судопроизводства Украины (далее – КАС Украины). Таким образом, не имея общепризнанной самостоятельной отрасли, то есть процессуального права, мы, по мнению Т.М. Барабаша, имеем процессуальное законодательство, которое содержит нормы доказательного права. Ученый утверждает, что было бы целесообразно по возможности осуществить его кодификацию [5, с. 10]. Этот вывод был сделан им на основании проведенного анализа нормативной базы процессуальных кодексов Украины, который дает возможность говорить о наличии в разных юрисдикциях единого подхода к регламентации доказывания. Как утверждают Т.М. Барабаш и Д.И. Бочаров, во-первых, об этом свидетельствует универсальность понятийного аппарата доказывания: термины «фактические данные», «допустимость» и другие, которые успешно применяются в процедурно-процессуальных нормах различной отраслевой принадлежности (УПК Украины, ГПК Украины, ХПК Украины, КАС Украины). Во-вторых, цель и предмет доказывания определяются в различных юрисдикциях идентично (хотя предмет доказывания в «чистом» виде закреплен только в УПК Украины). Целью доказывания, с точки зрения ученых, обычно признается обеспечение правильного и своевременного разрешения дела (под последним понимается

любая юридически значимая ситуация, требующая официальной констатации или властного вмешательства), а его предметом – обстоятельство, имеющие значение для разрешения дела по существу. В-третьих, структура доказывания одинакова для всех юрисдикций, и включает в себя получение, рассмотрение и оценку доказательств, которые являются обязательными элементами процедуры доказывания по каждому делу [5, с. 7; 6, с. 32]. Мы можем лишь частично согласиться с этими авторами относительно того, что есть общие черты в понятиях доказательств и доказывания в приведенных выше процессуальных кодексах.

Однако следует выделить также множество различий, которые не дают права говорить об объединении всех норм, касающихся доказывания, в единый кодекс. Во-первых, это относится к предмету доказывания. Например, в ст. 179 ГПК Украины «Исследование доказательств» указывается, что в гражданском процессе предметом доказывания являются факты, которые обосновывают заявленные требования или возражения или имеют другое значение для решения дела [7]. В то же время в положениях ст. 91 УПК Украины «Обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном производстве» изложен перечень обстоятельств, относящихся к предмету доказывания как совокупности фактов и обстоятельств объективной действительности, которые имеют материально-правовое, гражданско-правовое, уголовно-процессуальное значение, являются необходимыми и достаточными фактическими обстоятельствами для решения уголовного производства по существу. Эти обстоятельства имеют обобщающий ориентирующий характер для всех видов уголовного производства, поэтому получили название общего предмета доказывания на всех стадиях уголовного процесса [7]. Во-вторых, необходимо отметить расхождение между вопросами, связанными с обязанностью доказывания и кругом тех участников, на кого этот долг возлагается. Так, в ст. 33 ХПК Украины «Обязательность доказывания и представления доказательств» и в ст. 71 КАС Украины прямо утверждается, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссы-

лается как на основании своих требований и возражений, а доказательства представляются сторонами и другими участниками процесса [8; 9]. В соответствии с положениями ст. 92 УПК Украины «Обязанность доказывания» данный вид деятельности возлагается на следователя, прокурора и означает, что они обязаны собрать, процессуально зафиксировать, проверить и оценить доказательства, обосновать наличие обстоятельств, перечисленных в ст. 91 УПК Украины [10]. Обязанность доказывания, возложенная на указанные органы государства, предусматривает следующие права: 1) для контролирующих органов и соответствующих лиц – требовать исполнения этой обязанности; 2) для участников производства, которые имеют или представляют частные интересы, – требовать от следователя и прокурора установления обстоятельств, которые входят в объем предмета доказывания, путем сбора, фиксации, проверки и оценки доказательств. Кроме того, в положениях ст. 93 УПК Украины «Сбор доказательств» прямо говорится, что сбор доказательств осуществляется сторонами уголовного производства, при этом сторона обвинения осуществляет сбор доказательств путем проведения следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий. Законодатель закрепляет в самом названии этих процессуальных действий, что они предназначаются в первую очередь для поиска следов и фактических данных о следах совершенного уголовного правонарушения в порядке, предусмотренном законом. На основании изложенного мы пришли к выводу, что нельзя утверждать о необходимости кодифицирования норм, относящихся к различным отраслям процессуального права, в едином кодексе, так как это было бы преждевременно. То есть если рассматривать процесс доказывания или теорию доказательств, то это необходимо делать в пределах той отрасли права, которая изучается.

В то же время нельзя исключать, что в дальнейшем, по мере развития процессуального права, вопрос о разногласиях между различными процессуальными отраслями права может быть устранен, вполне возможным становится появление самостоятельной отрасли доказательного права и

отдельного нормативно-правового акта Украины. Однако мы считаем, что это целиком будет зависеть от развития общества, правовой системы и, конечно же, от времени.

Без исследований доктрин и законодательства зарубежных государств невозможно оценить место национального уголовного процесса в мировых правовых системах, осмыслить преобразования, которые произошли, процессы их реализации в связи с вступлением в силу УПК Украины 2012 г. Так, рассматривая доказательное право, или «право доказательств», Англии и США, которое называется «Low of evidence», следует охарактеризовать его как достаточно сложное по своей внутренней организации, сущности, построению и составу, поэтому необходимо остановиться лишь на обозначении его специфических черт.

Во-первых, доказательное право как Англии, так и Америки представляет собой сложные, запутанные и казуистические правила о доказательствах и доказывании, которые рассредоточены в сотнях судебных прецедентов и уставов, законов. При этом следует учитывать, что такая сложная система находится отдельно от норм уголовного процесса [11, с. 82]. При рассмотрении источников современного уголовного процесса Англии можно указать на Закон о Верховном суде 1982 г., Закон о магистратских судах 1980 г., Закон о судах графств 1984 г., Закон о присяжных 1974 г., Закон о преследовании за преступления 1985 г., Закон об отправке правосудия 1985 г., Закон о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 г., Закон о судах и юридических услугах 1980 г. и другие. Эти законы еще называются уставами, которые постепенно приобретают доминирующую роль в регулировании отношений при доказывании в уголовном процессе, а к прецедентам чаще обращаются для устранения любых пробелов или проблем с применением законов. В настоящее время система современных правил о доказательствах США содержится в Федеральных правилах о доказательствах (Federal Rules of Evidence – FRE, FedRulEd) и внутренних (нефедеральных) правилах о доказательствах того или иного штата. В состав американских Федеральных правил о доказательствах входят 11 групп, однако

эти правила не следует путать с другими источниками доказывания, например, такими как Однородные правила о доказательствах (Uniform Rules of Evidence Act).

Во-вторых, если брать исторические аспекты, доказательное право Англии и США отделено от уголовного процесса.

В-третьих, особенностью доказательного права Англии и США является сходство уголовного и гражданского процессов и сущности доказывания [11, с. 83]. Это связано с отсутствием классического (как, например, в Украине) досудебного расследования. При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что практическое отсутствие норм, регламентирующих деятельность, направленную на выявление и сбор доказательств, приводит к тому, что нет возможности нарушить или соблюсти их. Например, в гражданском деле даже если какое-либо доказательство было получено стороной при сомнительных обстоятельствах, то оно, несмотря ни на что, будет использовано. Аналогичное положение действует и в уголовном процессе.

В-четвертых, специфической является сама история доказательного права Англии и США. Его возникновение, становление и развитие как в одной стране, так и в другой нельзя подвести под общепризнанный алгоритм постепенной замены одного типа уголовного процесса вторым, что свойственно странам континентальной системы права. Так, общеизвестно, что в силу множества факторов объективного развития общества в разное время и в разных странах закономерно возникали и сменяли друг друга следующие типы уголовного процесса: обвинительный, инквизиционный, смешанный и состязательный. Это утверждение, будучи безусловно верным для Украины и для государств континентального права (например, Франции, Германии), не может быть применено к Англии и США, поскольку их доказательное право в данном контексте обладает определенными особенностями. Так, английская система уголовных доказательств развивалась своим путем, отличным от пути, пройденного континентальным доказательным правом (от средневековых формальных доказательств к современному доказыванию, основан-

ному на оценке доказательств по внутреннему убеждению) [11, с. 82].

При изучении уголовного процесса Австрии мы видим некоторые совпадения с национальным уголовным процессуальным законодательством. В частности, при рассмотрении вопроса о наличии или отсутствии в отношении обвиняемого уголовно-правовой претензии по поводу нарушения им предписаний уголовного закона сама претензия формулируется в конкретном обвинении путем внесения обвинителем предложения преследовать обвиняемого в совершении преступления. В то же время обстоятельства обвинения, которые были изложены в обвинительном акте, и обстоятельства, которые были изложены судом в приговоре, должны иметь столько общего, чтобы можно было сделать вывод о том, что речь идет об одном и том же преступлении.

Кроме того, одним из принципов австрийского доказательного права является принцип исследования истины. Исходя из этого принципа, стороны не могут ссылаться на любые обстоятельства, имеющие значение для дела, не доведя их. При предоставлении доказательств стороны обязаны сообщить суду их источник, суд исследует каждое доказательство непосредственно и при этом должен обращаться к первоисточникам, то есть оригиналам доказательств. Также в параграфе 258 Уголовно-процессуального кодекса Австрии закреплен принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению лица, производящего расследование, или того, кто отправляет правосудие. Факт или обстоятельства считаются доказанными, если судья лично после исследования доказательств полностью убежден в их существовании [12, с. 17].

Выводы. Таким образом, следует акцентировать внимание на том, что в зарубежном законодательстве есть правовые нормы, регулирующие вопросы доказывания, которые совпадают с определенными правовыми нормами законодательства Украины. Однако хотелось бы отметить, что если происходит заимствование в уголовный процесс Украины правовых норм из законодательства и практики зарубежных стран, то это должно быть возможным только при соблюдении условий по их

полной адаптации к действующему национальному законодательству. Кроме того, не все положения законодательства зарубежных стран, на наш взгляд, могут имплементироваться в национальное уголовное процессуальное законодательство, и это касается тех норм, которые либо ограничивают права, свободы и законные интересы лица, либо не ориентированы на установление истины, либо содержат двойные стандарты.

Следует отметить, что вопросы, которые были рассмотрены в этой работе, не являются окончательными и подлежат дальнейшему исследованию или научному изучению.

Список использованной литературы:

1. Сян Хуан. Судебные доказательства в гражданском процессе (опыт сравнительного правоведения на примере России и Китая) / Хуан Сян. – М. : Городец, 2009. – 96 с.
2. Щеглов В.Н. Процессуальная форма и гражданский процесс / В.Н. Щеглов // Вопросы гражданского процесса в свете решений XXVII съезда КПСС : межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск : Свердловский юрид. ин-т, 1987. – С. 27–32.
3. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькинд. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1976. – 143 с.
4. Коваленко Є.Г. Теорія доказів у кримінальному процесі України / Є.Г. Коваленко. – К. : Юрінком Інтер, 2006. – 632 с.
5. Барабаш Т.М. Моніторинг теорії доказування у процесуальному праві України / Т.М. Барабаш // Судова апеляція. – К., 2009. – № 2(15). – С. 6–15.
6. Бочаров Д.І. Про місце доказового права у системі права / Д.І. Бочаров // Право України. – К., 2003. – № 2. – С. 30–34.
7. Цивільний процесуальний кодекс України від 18.03.2004 р. № 1618-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1618-15>.
8. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13.04.2012 р. № 4651-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>.
9. Господарський процесуальний кодекс України від 06.11.1991 р. № 1798-XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1798-12>.
10. Кодекс адміністративного судочинства України від 06.07.2005 р. № 2747-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2747-15>.
11. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2001. – 408 с.
12. Бутов В.Н. Уголовный процесс Австрии / В.Н. Бутов ; под науч. ред. Г.И. Чангули. – Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1988. – 200 с.

МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ УСЛУГАМИ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УКРАИНЕ

Клавдия ДУБИЧ,

кандидат педагогических наук, доцент,
докторант кафедры социальной и гуманитарной политики
Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

Summary

Based on the theoretical analysis results, it is ascertained in the article that the topic on techniques of public administration of social services in Ukraine is revealed fragmented and inadequate in the scientific literature. It is identified key problem areas in scientific researches conducted on the topic, such as omissions in the legal concepts and terms, confusions in the scientific literature in terms of its understanding and usage; a lack of scientific studies and classification on techniques of public administration of social services; shortage in basic scientific research in the area, in particular on the foreign experience and the native practices.

Key words: public administration, social services, techniques, research, Ukraine.

Аннотация

В статье на базе результатов теоретического анализа устанавливается, что тема механизмов государственного управления социальными услугами в Украине раскрывается в научных работах фрагментарно и недостаточно. Определяются проблемные аспекты проведения научных исследований указанной темы, основными среди которых являются такие: упущения в правовых понятиях и терминах, путаница в их понимании и употреблении в научной литературе; отсутствие научного обоснования и классификации механизмов государственного управления социальными услугами; дефицит фундаментальных научных исследований в указанной сфере, в частности, зарубежного опыта и отечественной практики.

Ключевые слова: государственное управление, социальные услуги, механизмы, научные исследования, Украина.

Постановка проблемы. Еще в 2003 г. был принят Закон Украины «О социальных услугах» [7], однако в настоящее время все его положения реализовать невозможно. Это вызвано главным образом отсутствием надлежащего нормативно-правового обеспечения, а именно механизмов государственного управления такими услугами, которые находятся сейчас на стадии разработки, апробации или внедрения. Вследствие этого социальные услуги в Украине являются неэффективными и некачественными [8].

Актуальность темы исследования. Действующая система предоставления социальных услуг в Украине подменяется громоздкой системой льгот, социальных выплат, другими «рудиментами» советской модели (собес), которые являются экономически необоснованными, неэффективными и нерациональными. По своим параметрам система предоставления социальных услуг в Украине не отвечает соответствующим требованиям, нормам и стандартам Европейского Союза (далее – ЕС). Политика европейской интеграции Украины предполагает адаптацию и гармонизацию национальной нормативно-правовой базы с правовыми актами ЕС, в частности, и в рассматриваемой сфере. В этом контексте актуализируется анализ механизмов государственного управления социальными услугами в Украине.

Цель статьи состоит в определении степени научной разработанности механизмов государственного управления социальными услугами в Украине, а также проблемных полей в проведении научных исследований в этой сфере.

Изложение основного материала. Украина в соответствии со ст. 1 своей Конституции является социальным государством, что означает обеспечение государственных гарантий и поддержки социально уязвимых групп граждан страны. Социальные услуги являются формой социальной защиты населения, которые должны предоставляться в соответствии с Законом Украины «О социальных услугах» [7]. Впрочем, реализация на практике многих положений указанного закона блокируется, в частности, по причине отсутствия надлежащего нормативно-правового урегулирования государственно-управленческих механизмов предоставления социальных услуг, научно-методологической базы для их разработки. В этом контексте целесообразно осуществить анализ и обобщить результаты научных работ, в которых исследуются указанные механизмы.

Понятие «механизмы государственного управления социальными услугами» предлагаем понимать как совокупность способов, форм, методов, принципов и инструментов управления, с помощью которых государство регули-

рует процесс оказания помощи лицам, находящимся в сложных жизненных обстоятельствах, которые они не могут самостоятельно преодолеть, с целью решения их жизненных проблем. По нашему мнению, исследование уместно начать с анализа научной литературы, прежде всего диссертаций и монографий, в которых предшественники в той или иной степени исследовали механизмы государственного управления социальными услугами.

М.В. Кравченко рассматривает механизмы государственного управления и практические инструменты реализации государственной политики в сфере социальной защиты населения, в частности, такие механизмы, как финансово-экономический, организационно-институциональный, нормативно-правовой, информационный, кадровое обеспечение [5]. В работе освещаются вопросы социального обслуживания и предоставления социальных услуг [5, с. 244–255], которые выделены в отдельный ее подраздел. Впрочем, изложенный в подразделе материал констатирует преимущественно положения правовых актов, которые регламентируют отношения предоставления социальных услуг и социального обслуживания в Украине. М.В. Кравченко четко определила недостатки системы социальных услуг, среди которых главными являются монополизация государством

предоставления таких услуг, недофинансирование системы, недостаточное урегулирование нормативно-правовой базы и пробелы в ней, нивелирование привлечением негосударственных субъектов предоставления социальных услуг (общественных, благотворительных и религиозных организаций, субъектов предпринимательства), отсутствие механизмов информирования населения о таких услугах, лицензирования и мониторинга за качеством их предоставления. Автор отмечает, что в Украине недостаточно изучены зарубежные модели предоставления социальных услуг и проанализированы возможности их внедрения в практику страны.

Попытка исследовать социально значимые услуги, такие как образование, здравоохранение, наука и информатизация, предпринята в докторской диссертации Е.И. Черныш [11]. В этой работе анализируются теоретико-методологические основы формирования механизмов государственного регулирования в сфере указанных услуг в трансформационной экономике Украины. Используемые термины («медицинские услуги», «образовательные услуги») не согласуются с определениями, поданными в ст. 5 Закона Украины «О социальных услугах» [7], в которой установлены такие виды социальных услуг: социально-медицинские, социально-педагогические, информационные и другие. Предложенное автором понятие «социально значимая услуга», не нашедшее применения в научном лексиконе, можно считать дискуссионным и спорным, учитывая термин «социальные услуги», определение которого представлено в ст. 1 Закона Украины «О социальных услугах» [7]. Возникают серьезные разногласия также относительно перечня получателей социальных услуг: предложенный автором вариант является намного шире, чем это определено в ст. 1 Закона Украины «О социальных услугах» [7]. В экономике и науке государственного управления к категории дискуссионных можно отнести заключение автора, что «развитие сферы социально значимых услуг является сегодня определяющим фактором инвестиционного обеспечения всей экономики». Неясной остается также сущность предложенного автором «методологического

совершенствования информационного государственного управления социальными значимыми услугами».

В контексте проводимого исследования внимание привлекает докторская диссертация И.В. Рудкевич «Государственное регулирование системы социальной защиты населения Украины» [9]. Один из разделов этой работы посвящен системе социальных услуг в Украине. Автор рассматривает повышение эффективности предоставления социальных услуг как направление оптимизации системы социальной защиты населения, которое нужно реализовать в контексте социальной политики в Украине. Для улучшения функционирования системы социальных услуг в Украине И.В. Рудкевич предлагает разрабатывать механизмы государственного регулирования системы социальных услуг на основе децентрализации государственного управления, устранять дублирование функций и полномочий органов публичной власти, повышать эффективность использования средств, выделенных бюджетами на предоставление социальных услуг, вносить изменения в правовую, управленческую, информационную подсистемы. Однако вышперечисленные аспекты дублируют стратегические направления реформирования системы социальных услуг, которые определены в Концепции реформирования системы социальных услуг, утвержденной Кабинетом Министров Украины в 2007 г.

Вопросы поиска и теоретического обоснования путей совершенствования механизмов повышения качества социальных услуг на местном уровне в Украине исследовались в кандидатской диссертации Я.С. Белевцовой [2]. Автор подчеркивает, что предпосылкой качества и эффективности предоставления социальных услуг является создание рынка таких услуг и обеспечение государством условий конкуренции между субъектами, предоставляющими социальные услуги. Именно эти аспекты являются сегодня серьезными упущениями в функционировании системы предоставления социальных услуг в Украине.

Позитивным моментом исследования в диссертации следует считать предложенный Я.С. Белевцовой механизм повышения качества социальных услуг в Украине, в частности,

внедрение на уровне местных органов власти стандартов ISO 9001:2001, которые описывают требования к системе управления качеством таких услуг. По мнению автора, ожидаемым результатом внедрения указанного механизма станет повышение качества социальных услуг, эффективности государственного управления такими услугами, результативности деятельности субъектов, предоставляющих социальные услуги, и так далее. Понятие «социальные услуги» Я.С. Белевцова определяет как механизм государственного управления социальными услугами, в частности, в контексте нормативно-правового обеспечения, проведения тендеров, заключения соглашений о предоставлении социальных услуг (социальный заказ таких услуг) и формирования соответствующего рынка.

Диссертацию Е.Ю. Шапран «Оценка результативности профессиональной деятельности государственных служащих Украины в сфере предоставления социальных услуг» [12] также следует отнести к исследованиям, в которых сквозь призму государственно-управленческой науки рассматриваются механизмы предоставления социальных услуг. Автор уточнила место социальных услуг в классификации публичных услуг, выделив их в класс административных социальных услуг, класс социальных услуг и самостоятельный вид государственных услуг. На базе результатов проведенного исследования Е.Ю. Шапран разработала модель оценки эффективности деятельности государственного аппарата, органов исполнительной власти и госслужащих Украины, которая учитывает особенности профессиональной деятельности в сфере предоставления социальных услуг.

В кандидатской диссертации К.Э. Гафаровой «Глобальная трансформация системы социальных услуг» [3] предпринята попытка исследовать экономическую природу социальных услуг, раскрыть организационно-экономический механизм глобальной трансформации национальных систем социальных услуг на уровне государственного, общественного и корпоративного секторов, определить направления и инструменты формирования в Украине системы социальных услуг, адекватных европейским стандартам. Автор пред-

лагают понимать «социальные услуги» как специфическую общественную потребительскую стоимость, которая удовлетворяет человеческие потребности социального характера через полезный эффект нематериальной формы. К.Э. Гафарова считает, что в условиях глобализации роль корпоративного и общественного секторов на рынке социальных услуг должна повышаться, а обязательства государства по предоставлению таких услуг – уменьшаться. Ученый подчеркивает, что предпосылками успешного развития системы социальных услуг в Украине по европейскому образцу являются системное и синхронизированное реформирование экономической и социальной сфер, развитие социальной инфраструктуры, диверсификация источников финансирования предоставления социальных услуг с определением механизмов по их реализации [3, с. 11–12].

О.А. Стефанова в кандидатской диссертации исследовала механизмы государственного управления в сфере предоставления социальных услуг лицам пожилого возраста [10]. Она предложила и теоретически обосновала концепцию развития системы предоставления социальных услуг лицам пожилого возраста. Хотя разработка и внедрение отдельных концепций для каждой группы лиц, которым могут предоставляться социальные услуги, являются, конечно же, нецелесообразными. Достаточно спорным представляется также изложенный автором тезис, что «защита пожилых людей является одной из главных задач государственной политики». Истолкование ученым понятия «государственное управление в сфере предоставления социальных услуг лицам пожилого возраста» является скорее перечнем механизмов предоставления таких услуг, в частности нормативно-правовых и финансового обеспечения, нежели его дефиницией.

Вместе с тем О.А. Стефанова удачно и точно выделила проблемы предоставления социальных услуг в Украине, а именно: отсутствие стандартов социальных услуг, системы контроля качества таких услуг, централизацию в предоставлении социальных услуг, несогласованность законов и подзаконных актов, нерациональную систему финансирования социальных услуг,

отсутствие мониторинга потребностей в таких услугах и планирования их предоставления, неэффективное взаимодействие между представителями общественных секторов по предоставлению таких услуг. Автор также акцентирует на необходимости развития механизма социального заказа.

Ю.В. Горемыкина в кандидатской диссертации исследовала теоретические аспекты социальных услуг и предложила практический подход к оценке этих услуг в системе таких качественных показателей, как своевременность получения услуги, профессиональный уровень предоставления услуги, степень удовлетворения потребностей получателя такой услуги [4]. Неотъемлемыми критериями в системе оценивания социальных услуг являются категории «качество» и «эффективность». Эффективность государственных расходов на предоставление социальных услуг оценивают эксперты в данной сфере, что позволяет рационально использовать выделенные средства. Ю.В. Горемыкина отмечает, что в Украине, в отличие от практики предоставления социальных услуг в странах ЕС, не функционирует система мониторинга и оценивания таких услуг. Вполне обоснованной представляется также ее позиция относительно того, что внедрению системы оценки социальных услуг должны предшествовать разработка и внедрение государственных стандартов социальных услуг, которые устанавливают минимальный уровень предоставления определенной и гарантированной государством услуги. Резонным является утверждение автора относительно неудовлетворительного состояния разработки и реализации еще одного механизма государственного управления социальными услугами в Украине, находящегося на стадии формирования в Украине, – информационного обеспечения предоставления таких услуг [4, с. 2, 3, 7, 14]. Критически анализируя положение диссертационной работы Ю.В. Горемыкиной в части понимания автором сущности термина «система предоставления социальных услуг» [4, с. 14], отметим, что закрепленное законодательством право на получение социальных услуг соответствующие категории граждан могут реализовать не только в сети специализированных учреждений, предо-

ставляющих социальные услуги. В соответствии со ст. 1 Закона Украины «О социальных услугах» [7] социальные услуги могут предоставляться предприятиями, учреждениями и организациями независимо от формы собственности и хозяйствования, а также физическими лицами, предпринимателями, которые отвечают критериям деятельности субъектов, предоставляющих социальные услуги.

Объектом исследования в кандидатской диссертации О.Г. Афеенкиной «Иновационные подходы в реализации социальной защиты населения на региональном уровне» [1] является государственное управление социальной защитой населения. Вместе с тем в одном из подразделов диссертации проанализирован зарубежный опыт предоставления социальных услуг. Отмечается, что финансирование предоставления таких услуг во многих зарубежных странах осуществляется преимущественно за счет взносов застрахованных наемных работников, работодателей и государственного бюджета. Ученый осуществила анализ англосаксонской, шведской и других моделей предоставления социальных услуг.

В одном из подразделов диссертации О.Г. Афеенкина исследует понятие «качество предоставления услуг социальной защиты населения». На примере двух районов Донецкой области были исследованы уровень бедности и уровень удовлетворенности различными аспектами социальных услуг среди жителей (занятость, доходы, условия жизни, социальное обеспечение, качество и доступность коммунальных услуг). То есть ученый некорректно понимает сущность понятия «социальные услуги», ассоциируя такие услуги с «услугами социальной защиты населения», доходами домохозяйств, коммунальными услугами и тому подобным. В контексте изложенного ошибочным считаем также понимание автором параметров качества предоставления социальных услуг. В соответствии со ст. 1 Закона Украины «О социальных услугах» [7] качество социальных услуг определяется как совокупность показателей, используемых для оценки деятельности субъектов, предоставляющих социальные услуги, которые базируются на положительной

результативности социальных услуг относительно ее получателей и степени удовлетворения их потребности в этих услугах.

В монографии О.М. Петрое исследуется социальный диалог как институт и механизм государственного управления [6]. Автор делает вывод, что инфраструктуру социального диалога в Украине необходимо развивать путем создания сети соответствующих центров развития, освещения, популяризации и распространения диалоговой культуры в разных слоях украинского общества, укрепления ценностей социального диалога в системе общественных отношений [6, с. 267].

Однако теоретико-методологическая база и практика участия общественных организаций в процессе предоставления социальных услуг в Украине остаются пока недостаточно разработанными, необоснованными в опубликованной научной литературе.

Выводы. Таким образом, несмотря на наличие повышенного интереса украинских исследователей к изучению тематики социальной защиты населения, механизмы государственного управления социальными услугами в Украине анализируются в научной литературе фрагментарно. В науке государственного управления пока что отсутствует целостное и комплексное научное исследование, в котором проводился бы анализ и систематизация механизмов государственного управления социальными услугами, соответствующего зарубежного опыта и отечественной практики.

Определены проблемные аспекты в научных исследованиях системы предоставления социальных услуг в Украине, ключевыми среди которых являются такие: нечеткость формулировки, несогласованность соответствующих правовых понятий и терминов, искажение и путаница в понимании их сущности; отсутствие в отечественной науке классификации механизмов государственного управления социальными услугами, надлежащего их теоретико-методологического обоснования; дефицит фундаментальных научных исследований о современном состоянии, проблемах реформирования системы социальных услуг, зарубежном опыте предоставления таких услуг, а также о возможности внедрения приемлемых

механизмов в государственно-управленческую практику в Украине.

Список использованной литературы:

1. Афенкіна О.Г. Інноваційні підходи в реалізації соціального захисту населення на регіональному рівні : автореф. дис. ... канд. наук з держ. упр. : спец. 25.00.02 / О.Г. Афенкіна ; Нац. акад. держ. упр. при Президентові України. – К., 2010. – 20 с.

2. Белевцова Я.С. Механізм підвищення якості соціальних послуг на рівні місцевих органів влади : автореф. дис. ... канд. наук з держ. упр. : спец. 25.00.02 / Я.С. Белевцова ; Харківський регіон. ін-т держ. упр. Нац. акад. держ. упр. при Президентові України. – Х., 2011. – 20 с.

3. Гафарова К.Е. Глобальна трансформація системи соціальних послуг : автореф. дис. ... канд. екон. наук : спец. 08.00.02 / К.Е. Гафарова ; Київський нац. екон. ун-т ім. В. Гетьмана. – К., 2011. – 20 с.

4. Горемікіна Ю.В. Оцінювання соціальних послуг: теорія і практика : автореф. дис. ... канд. екон. наук : спец. 08.00.07 / Ю.В. Горемікіна ; Ін-т демографії та соц. дослідж. ім. М.В. Птухи НАН України. – К., 2012. – 20 с.

5. Кравченко М.В. Система соціального захисту населення як об'єкт державної політики: методологія та практика : [монографія] / М.В. Кравченко. – К. : Інформ.-аналіт. агентство, 2012. – 451 с.

6. Петрое О.М. Соціальний діалог у державному управлінні: європейський досвід та українські реалії : [монографія] / О.М. Петрое. – К. : НАДУ, 2012. – 304 с.

7. Про соціальні послуги : Закон України від 19.06.2003 р. № 966-IV (зі змінами й доповненнями) // Офіційний вісник України. – 2003. – № 29. – С. 52. – Ст. 1435.

8. Про схвалення Стратегії реформування системи надання соціальних послуг : Розпорядження Кабінету Міністрів України від 08.08.2012 р. № 556-р // Офіційний вісник України. – 2012. – № 61. – С. 71. – Ст. 2482.

9. Рудкевич І.В. Державне регулювання системи соціального захисту населення України : автореф. дис. ... докт. наук з держ. упр. : спец. 25.00.02 /

І.В. Рудкевич ; Чорноморський держ. ун-т ім. П. Могили. – Миколаїв, 2011. – 36 с.

10. Стефанова О.А. Механізми державного управління у сфері надання соціальних послуг особам похилого віку : автореф. дис. ... канд. наук з держ. упр. : спец. 25.00.02 / О.А. Стефанова ; Івано-Франківський нац. техн. ун-т нафти і газу. – Івано-Франківськ, 2012. – 19 с.

11. Черниш О.І. Теоретико-методологічні засади формування нових механізмів державного регулювання в сфері соціально значимих послуг : автореф. дис. ... докт. наук з держ. упр. : спец. 25.00.02 / О.І. Черниш ; Донецький держ. ун-т упр. – Донецьк, 2006. – 39 с.

12. Шапран О.Ю. Оцінювання результативності професійної діяльності державних службовців України у сфері надання соціальних послуг : дис. ... канд. наук з держ. упр. : спец. 25.00.03 / О.А. Шапран ; Нац. акад. держ. упр. при Президентові України. – К., 2012. – 245 с.

ФОРМЫ ВОЗМЕЗДНОСТИ ДОГОВОРА МЕНЫ (БАРТЕРА)

Татьяна ЗАВЕРУХА,
аспирант

Хмельницкого университета управления и права

Summary

Article is devoted to defining features of forms onerous contract exchange (barter). The characteristic of the subject of the agreement exchange (barter), namely things, property rights, rights requirements, execution of works, provision of services. Revealed cases of legal prohibition and restriction of things as a matter of contract exchange (barter). Particular attention is paid to the characterization of property rights and rights to claim as their possible inclusion in the subject of agreement exchange (barter). Performed characteristic forms of retribution barter agreement, and determined their features. It is concluded that the impact of the commodity form of counter property to meet the specifics of the agreement exchange (barter).

Key words: retribution, forms of retribution, contract exchange, barter, thing, property rights, claims, execution of works, provision of services.

Аннотация

Статья посвящена определению особенностей форм возмездности договора мены (бартера). Дается характеристика предмета договора мены (бартера), а именно: вещи, имущественных прав, прав требований, исполнения работ, предоставления услуг. Раскрываются случаи законодательного запрещения и ограничения использования вещи в качестве предмета договора мены (бартера). Особое внимание уделяется характеристике имущественных прав и прав требований в качестве возможности их отнесения к предмету договора мены (бартера). Осуществляется характеристика форм возмездности договора бартера, определяются их особенности. Делается вывод о влиянии товарной формы встречного имущественного удовлетворения на специфику договора мены (бартера).

Ключевые слова: возмездность, формы возмездности, договор мены, бартер, вещь, имущественные права, права требования, исполнение работ, предоставление услуг.

Постановка проблемы. В Гражданском кодексе Украины (далее – ГК Украины) 2003 г., по сравнению с кодификационными актами Украинской ССР, существенно изменен подход к регулированию частных отношений. Среди новых понятий и принципов законодательное закрепление получила презумпция возмездности договора (ч. 5 ст. 626 ГК Украины), которая обуславливается тем, что имущественные отношения между субъектами гражданского права строятся, как правило, на эквивалентно-возмездных началах, свойственных рыночной экономике. Поэтому гражданско-правовые договоры в основном являются возмездными. Общепризнанной формой проявления возмездности гражданско-правового договора является денежная, поскольку деньги благодаря своим специальным свойствам обмениваются на любой другой товар составляют общий эквивалент. Однако возмездность договора не всегда проявляется в денежной форме. В отдельных случаях стороны заинтересованы получить встречное имущественное удовлетворение в другой товарной форме. Специфика некоторых гражданско-правовых договоров заключается именно в предмете и формах осуществления платежа, что проявляется в предоставлении товара. В связи с этим такие договоры требуют

применения специальных средств правового регулирования. Однако нормы гражданского законодательства Украины не всегда соответствуют этим требованиям и не в полной мере способны эффективно выполнять регулятивную функцию в сфере возмездных отношений. К таким договорам относится договор мены (бартера).

Анализ исследований и публикации. Наиболее весомым исследованием проблемы возмездных договоров в гражданском праве в свое время была докторская диссертация М.И. Бару «Понятие и содержание возмездности и безвозмездности в советском гражданском праве» (1957 г.) [1]. Однако предметом исследования ученого был Гражданский кодекс УССР 1923 г. и советская судебная практика. В 2007 г. в Харькове была выполнена кандидатская диссертация В.В. Новиковой на тему «Безвозмездные договоры в гражданском праве Украины» [2], где договорные отношения, возникающие в сфере безвозмездного перехода товаров, работ и услуг, исследовались уже на базе ГК Украины 2003 г. Однако автором возмездные договоры изучались только в контексте сравнительного анализа с безвозмездными договорами. Механизм гражданско-правового регулирования обязательств, возникающих из договора мены (бартера), ис-

следовался в диссертационной работе В.В. Лысенка (2012 г.) [3]. В то же время автор недостаточно внимания уделил формам выявления возмездности этого договора.

На основании изложенного можно сделать вывод, что вопрос комплексного исследования форм возмездности договора мены (бартера) является актуальным, что и обуславливает целесообразность его рассмотрения.

Цель статьи – определить особенности форм возмездности договора мены (бартера) и их влияние на правовую природу договора.

Изложение основного материала. Одним из древнейших гражданско-правовых договоров считается договор мены. Это обуславливается тем, что по такому договору осуществляется передача имущества в собственность без использования денег, а путем обмена одного товара на другой. Так, римский юрист Павел в своей сентенции отмечал, что купля-продажа происходит от мены, поскольку были времена, когда монет не было, когда не называли одно товаром, а другое ценой, а каждый в зависимости от потребностей времени и характера вещей обменивал ненужное на нужное (D. 18.1.1) [4, с. 559]. Специфику мены римский юрист объяснял тем, что согласно мене нельзя понять, какая из двух вещей является товаром,

а какая – ценой, и здравый смысл не позволяет, чтобы одна и та же вещь и продавалась, и была покупной ценой (D. 19.4.1) [4, с. 757].

Идеи римских юристов были воспроизведены в кодификационных актах украинских земель. Например, в Общем гражданском уложении Австрийской империи 1811 г. договором мены назывался договор, по которому одна вещь передавалась в обмен на другую (ст. 1045). При этом содержалось указание на то, что деньги не являются предметом договора мены (ст. 1046) [5].

Таким образом, еще в древности договор мены формулировался как основание возникновения обязательственных правоотношений по передаче имущества в собственность на возмездной основе. При этом встречное имущественное удовлетворение предоставлялось сторонами этого договора не деньгами, а товаром. В.Ф. Яковлев утверждал: «Договор мены используется для регулирования отношений товарного обращения, эквивалентного перехода имущества от одного владельца к другому. То есть он направлен на возмездную реализацию имущества» [6, с. 24].

Изучая экономическую точку зрения о соотношении договоров купли-продажи и мены, Г.Ф. Шершеневич отмечал: «С точки зрения юридических средств достижения конечной цели весь процесс экономического обмена распадается на отдельные акты купли-продажи» [7, с. 429]. Таким образом, ученый указывает на сходство договоров мены и купли-продажи.

Следует оговориться, что такая позиция ученого не была новой. Так, еще в Гражданском кодексе Восточной Галиции 1797 г. к договорам мены относили куплю-продажу, аренду, ссуду, феодал, эфитевзис, товарищество и договоры на непредвиденный случай (ч. 3 гл. V ст. 145). То есть меной обозначали все договора, по которым обменивались вещи на вещи, действия на действия, вещи на действия, действия на вещи на возмездной основе (ст. 143). Соответственно, все другие договоры, по которым что-то дается, предоставляется или возвращается безвозмездно, называли дарением (ч. 3 гл. I ст. 10) [8].

В связи с наличием ряда общих признаков законодатель устанавли-

вает правило, что в соответствии со ст. 716 ГК Украины к договору мены применяются общие положения о купле-продаже, положения о договоре поставки, договоре контрактации, которые законодатель относит к разновидностям договора купли-продажи, а также положения других договоров, элементы которых содержатся в договоре мены. При этом в законе устанавливается предостережение о том, что положения других договоров применяются к договору мены, если это не противоречит сути обязательства (ст. 716 ГК Украины). В то же время к договору мены не могут применяться положения договоров, связанные с денежной формой встречного имущественного удовлетворения, поскольку по договору мены каждая из сторон обязуется передать другой стороне в собственность один товар в обмен на другой товар (ч. 1 ст. 715 ГК Украины). Именно такое встречное имущественное удовлетворение всегда будет иметь товарную форму проявления. Вместе с тем законодатель допускает проведение расчетов в денежной форме по договору мены в случае установления в договоре доплаты за товар большей стоимости, который обменивается на товар меньшей стоимости (ч. 3 ст. 715 ГК Украины).

Таким образом, предметом встречного имущественного удовлетворения по договору мены является товар, поэтому договор мены относится к товарным сделкам [9, с. 34]. На специфику договора мены указывает и В.В. Лысенко: «Предмет договора мены состоит из двух объектов: объектом первого рода являются действия обязанных лиц по передаче друг другу товаров, которые обмениваются; объектом второго рода являются непосредственно товары, которые обмениваются» [3, с. 3].

Для определения сущности понятия «товар» следует обратиться к общим положениям договора купли-продажи, поскольку законодатель не раскрывает это понятие. Так, предметом договора купли-продажи могут быть имущество (товар), которое именуется у продавца на момент заключения договора или будет создано (приобретено, получено) продавцом в будущем; имущественные права; право требования, если требование не имеет личного характера (ст. 656 ГК Украины).

В соответствии со ст. 190 ГК Украины имуществом является отдельная вещь, совокупность вещей, а также имущественные права и обязанности. Таким образом, законодатель придает значение имуществу как обобщающему понятию, которым обозначается вся совокупность материальных благ и обременений, которые могут быть объектом гражданских правоотношений [10, с. 198].

Вещью считается предмет материального мира, относительно которого могут возникать гражданские права и обязанности (ст. 179 ГК Украины). Как известно, предметом купли-продажи (то есть товаром) является любая вещь: потребляемая и непотребляемая, определенная индивидуальными и родовыми признаками, делимая и неделимая, главная вещь и принадлежность, простоя и сложная, животные, предприятие как единый имущественный комплекс. Такое положение применяется также к договору мены. Предметом договора мены могут быть как вещи, которые можно свободно перемещать в пространстве (движимые), так и вещи, перемещение которых не возможно без их обесценивания и изменения их назначения (недвижимые).

Вместе с тем законодатель допускает свободный гражданский оборот не всех движимых и недвижимых вещей. Постановлением Верховной Рады Украины «О праве собственности на отдельные виды имущества» от 17.06.1992 г. был утвержден перечень видов имущества, которое не может находиться в собственности граждан, общественных организаций и юридических лиц других государств на территории Украины, а также перечень видов имущества, на которое установлен специальный порядок для приобретения права собственности гражданами. В Земельном кодексе Украины в п. 15 «Переходных положений» (Раздел X) содержится перечень видов земель, в отношении которых запрещается обмен. Постановлением Кабинета Министров Украины «О некоторых вопросах регулирования товарообменных (бартерных) операций в области внешнеэкономической деятельности» от 29.04.1999 г. № 756 были утверждены два списка товаров (работ, услуг), с использованием которых по бартерным (товарообменным) операциям запре-

щается экспорт и импорт. Не подлежит обмену также недвижимое и движимое имущество, имущественные права интеллектуальной собственности, ценные бумаги, корпоративные права, на которые в соответствии со ст. 170 Уголовного процессуального кодекса Украины был наложен арест.

Гарантируя владельцам имущества право совершать в отношении него любые действия, законодатель вместе с тем устанавливает правила обмена имущества, которое является предметом залога (ст. 17 Закона Украины «О залоге»).

В ГК Украины также установлен ряд запретов и ограничений по отчуждению имущества, а именно: 1) приобретатель не имеет права до смерти отчуждателя обменивать имущество, приобретенное по договору пожизненного содержания (ч. 1 ст. 754); 2) плательщик ренты вправе отчуждать имущество, переданное под выплату ренты, только с согласия получателя ренты (ч. 2 ст. 745 ГК Украины); 3) если супруги составили общее завещание относительно имущества, которое принадлежит им на праве общей совместной собственности, в случае смерти одного из супругов нотариус накладывает запрет отчуждения имущества, указанного в завещании супругов (ч. 4 ст. 1243); 4) на имущество, определенное в наследственном договоре, нотариус, который удостоверил этот договор, налагает запрет отчуждения (ч. 1 ст. 1307).

Если в отношении признания вещи предметом договора мены сегодня ни у кого не возникает никаких сомнений, то среди ученых продолжаются дискуссии о признании предметом договора мены имущественных прав и права требования.

Имущественные права законодатель относит к объектам гражданских прав (ст. 177 ГК Украины), которые могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке правопреемства либо наследования или иным образом (ч. 2 ст. 178 ГК Украины).

Большинство ученых склонны к признанию предметом договора мены имущественных прав [11, с. 114; 12, с. 161; 13, с. 480; 14, с. 19–20, 31]. Однако встречаются и противоположные изложенным позиции. Так, по мнению

В.В. Витрянского, имущественные права не могут признаваться отдельными самостоятельными объектами договора мены. Он обосновывает свою позицию следующим образом. Во-первых, с формально-юридической позиции объектами мены являются товары, которыми по договору мены могут быть любые вещи, не изъятые из оборота. Имущественные права – самостоятельные объекты гражданских прав, которые не относятся к категории вещей; соответственно, имущественные права не могут признаваться товаром по договору купли-продажи, а также обмениваемым товаром по договору мены. Во-вторых, гражданское законодательство о договоре мены не содержит норму, которая распространяет свое действие на сделки, по которым стороны взаимно уступают друг другу имущественные права, аналогичную той, которая содержится в общих положениях о договоре купли-продажи. В-третьих, по договору мены каждая из сторон передает один товар в обмен на другой в собственность другой стороне (по договору купли-продажи товар передается в собственность покупателя), а имущественные права в самостоятельном виде не могут принадлежать кому-либо на праве собственности или ином вещном праве [21, с. 265–266].

Считаем спорной указанную позицию относительно непризнания предметом договора мены имущественных прав по следующим соображениям.

Во-первых, согласно ст. 715 ГК Украины предметом договора мены может быть товар, которым могут выступать такие материальные ценности, в отношении которых субъекты вступают в гражданские правоотношения. То есть понятие «товар» является общим, им обозначают те объекты гражданских прав, которые могут свободно отчуждаться, обладают оборотоспособностью (ст. ст. 177, 178 ГК Украины). А в соответствии со ст. 177 ГК Украины к объектам гражданских прав, как мы уже отмечали ранее, отнесены вещи, в том числе деньги и ценные бумаги, иное имущество, имущественные права. Вместе с тем, как справедливо утверждает Е.О. Харитонов, имущественные права возникают относительно имущества [10, с. 189]. К подобному выводу пришла также С.И. Шимон, которая указала на неразрывную связь

объектоспособных имущественных прав с реальным благом (вещью и тому подобным). Поэтому она отнесла такие имущественные права к идеальным вещам [14, с. 4, 5]. При этом ученый отмечает, что вещественные и обязательственные имущественные права взаимосвязаны, являются парными категориями [1, с. 7]. Поэтому, по ее мнению, имущественные права могут отчуждаться, а этот процесс воплощается в уступке права требования, что отражает динамику имущественных правоотношений, объектами которых выступают имущественные права, и влечет к транслятивному правопреемству [14, с. 4, 5]. Рассматривает уступку права требования в качестве акта передачи права также Н.Ю. Голубева, по мнению которой такая передача обязательно осуществляется на основании любого договора: купли-продажи, мены, дарения и других [13, с. 499].

Во-вторых, в ст. 715 ГК Украины указаны только особенности правовой природы договора мены, поэтому законодатель устанавливает правило о применении к договору мены общих положений о купле-продаже (ст. 716 ГК Украины). А согласно ч. 3 ст. 656 ГК Украины предметом договора купли-продажи может быть право требования. При этом основным условием этого является то, что такое требование не должно иметь личный характер. Поэтому не допускаются уступки требований об уплате алиментов, возмещении вреда, причиненного здоровью, компенсации морального вреда. В связи с этим считаем, что нет законодательных препятствий относительно возможности признания предметом договора мены права требования, кроме случая, если такое требование носит личный характер (ч. 2 ст. 656 ГК Украины).

В-третьих, имущественные права в самостоятельном виде могут принадлежать на праве собственности лицу, которое считает их своими и имеет полную власть над ними, поэтому распоряжается ими в своих интересах. Такой вывод следует из содержания ст. 316 ГК Украины, где указывается, что правом собственности является право лица на вещь (имущество), которое оно осуществляет в соответствии с законом по своей воле, независимо от воли других лиц. Поэтому отчуждению подлежит сама вещь вместе с имуще-

ственным правом, передача отдельно имущественного права без вещи не имеет ценности для лица, которое приобретает такое право [13, с. 499].

Таким образом, предметом договора мены могут выступать как вещи, так и имущественные права и право требования. При этом, как справедливо отмечает Н.Ю. Голубева, такое законодательное решение фактически ведет к стремительному развитию активного оборота имущественных прав, а последнее способствует развитию в стране рыночных отношений [13, с. 502].

Объектом обмена могут быть также ценные бумаги (ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О ценных бумагах и фондовом рынке», ст. 194 ГК Украины). В связи со спецификой правовой природы ценных бумаг законодатель устанавливает правила их отчуждения, по которым передача прав на ценную бумагу зависит от групповой принадлежности и от того, какие это права: по ценной бумаге на предъявителя, именные или ордерные. Поскольку ценные бумаги относятся к вещам, законодатель установил правило, что «ценные бумаги на предъявителя, которые существуют в документальной форме, не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя» (ст. 389 ГК Украины).

Предметом договора мены могут быть также деньги, однако при условии, что они не выполняют платежную функцию. Так, деньги выступают товаром, если они используются в разменных сделках для размена денег, порождающих договор мены. Платежными средствами не могут быть деньги, выбывшие из употребления, поэтому они выступают товаром и предметом договора мены (например, обмен на старинные монеты или на советские рубли). Такое правило действовало и раньше. Например, согласно Общему гражданскому уложению Австрийской империи 1811 г. допускался обмен золота и серебра в виде товара, а также монет, поскольку последние передавались в обмен на другие монеты: золотые на серебряные, меньшие на большие (ст. 1046) [5].

Валютные ценности как особая разновидность имущества (ст. 193 ГК Украины) также могут представлять предмет договора мены, то есть обмениваться на другой товар. Вместе с тем иностранная валюта может использо-

ваться в качестве платежного средства в случаях и порядке, установленном законом (ч. 2 ст. 192 ГК Украины). Поэтому в случаях, когда иностранная валюта используется в качестве платежного средства, она не может выступать предметом договора мены, и обязательственные отношения возникают на основании иного договора о передаче имущества в собственность.

Товарная форма встречного предоставления обусловила специфику правового регулирования правоотношений мены. Во-первых, каждая из сторон договора является продавцом товара, который она передает в обмен, и покупателем товара, который она получает взамен (ч. 2 ст. 715 ГК Украины). Во-вторых, ценой является товар, а не деньги. В-третьих, договором может устанавливаться доплата за товар большей стоимости, который обменивается на товар меньшей стоимости (ч. 3 ст. 715 ГК Украины). В-четвертых, право собственности на обмениваемые товары переходит к сторонам одновременно после выполнения обязательств по передаче имущества обеими сторонами, если иное не установлено договором или законом (ч. 5 ст. 715 ГК Украины).

Впервые в законодательном акте было закреплено положение о том, что предметом договора мены могут быть работы и услуги. То есть договором мены может устанавливаться обмен имущества на работы (услуги) (ч. 5 ст. 715 ГК Украины).

К разновидностям договора мены законодатель относит бартер. Наиболее распространенными случаями заключения товарообменных (бартерных) договоров характеризуется отрасль внешнеэкономической деятельности. Так, в Законе Украины «О регулировании товарообменных (бартерных) операций в области внешнеэкономической деятельности» закрепляется специфика подобных бартерных договоров в форме осуществления оплаты, которая заключается в следующих моментах: 1) исключает наличную и безналичную форму расчетов; 2) предусматривает обмен товарами, работами, услугами в любом сочетании; 3) такой обмен должен быть сбалансированным по стоимости. Следует отметить, что по договору бартера в сфере внешнеэкономической деятельности возможность

осуществления денежной доплаты исключается. То есть договор бартера предусматривает исключительно обмен определенного количества одного товара (работ, услуг) на эквивалентное по стоимости количество другого товара [3, с. 13].

Вывод. Формами возмездности договора мены (бартера) могут выступать вещи, имущественные права, право требования, исполнение работ, предоставление услуг.

Список использованной литературы:

1. Бару М.Я. Возмездность и безвозмездность в советском гражданском праве : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук : спец. 12.02.03. «Гражданское право» / М.Я. Бару. – М., 1957. – 30 с.
2. Новікова В.В. Правова природа безвідплатних договорів у цивільному праві України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Цивільне право та цивільний процес; сімейне право; міжнародне приватне право» / В.В. Новікова. – Х., 2007. – 22 с.
3. Лисенко В.В. Цивільно-правове регулювання відносин за договором міні (бартеру) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Цивільне право та цивільний процес; сімейне право; міжнародне приватне право» / В.В. Лисенко. – К., 2012. – 19 с.
4. Дигесты Юстиниана : в 8 т. / пер. с лат. : Ю.В. Пушаев, А.А. Новиков, И.Е. Ермолова, А.Д. Рудоквас и др. ; отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М. : Статут, 2003–. – Т. 3. – 2003. – 780 с.
5. Общее гражданское уложение Австрийской империи / пер. Г.Л. Вербловского. – СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1884. – 421 с.
6. Советское гражданское право : [учебник] : в 2 т. / [Т.И. Илларионова, М.Я. Кириллова, О.А. Красавчиков и др.] ; под ред. О.А. Красавчикова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1985–. – Т. 2. – 1985. – 456 с.
7. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – Тула : Автограф, 2001. – 720 с.
8. Гражданский кодекс Восточной Галиции 1797 г. / пер. с лат. А.Н. Гужвы ; под ред. О.Д. Кутателадзе, В.М. Зубаря. – М. : Статут ; Одесса, 2013. – 536 с.
9. Советское гражданское право : в 2 ч. / [А.Ю. Кабалкин, М.А. Юртаева,

Т.С. Шохина и др.] ; под ред. В.А. Рясенцева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юридическая литература, 1987– . – Ч. 2. – 1987. – 576 с.

10. Цивільний кодекс України : [наук.-практ. коментар] / [Є.О. Харитонов, І.М. Кучеренко, О.І. Харитонова та ін.] ; за ред. Є.О. Харитонова. – Х. : ТОВ «Одісей», 2006. – 1200 с.

11. Гражданское право : [учебник] : в 3 ч. / [Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев, А.А. Иванов и др.] ; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М. : Проспект, 1997– . – Ч. 2. – 1997. – 784 с.

12. Гражданское право России : [курс лекций] : в 2 ч. / отв. ред. О.Н. Садиков. – М. : БЕК, 1997– . – Ч. 2 : Обязательственное право. – 1997. – 704 с.

13. Голубєва Н.Ю. Зобов'язання у цивільному праві України: методологічні засади правового регулювання : [монографія] / Н.Ю. Голубєва. – О. : Фенікс, 2013. – 642 с.

14. Шимон С.І. Майнові права як об'єкти цивільних правовідносин (теоретичні та практичні аспекти) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Цивільне право та цивільний процес; сімейне право; міжнародне приватне право» / С.І. Шимон. – К., 2014. – 40 с.

15. Брагинский М.И. Договорное право : в 5 кн. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М. : Статут, 2002– . – Кн. 2 : Договоры о передаче имущества. – 2002. – 800 с.

МЕСТО ПОЛИЦИИ В СИСТЕМЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ УКРАИНЫ

Евгений ЗЕЛЕНСКИЙ,

адъюнкт кафедры административного права, процесса и административной деятельности органов внутренних дел Днепропетровского государственного университета внутренних дел

Summary

In the article theoretical research of place of police is conducted in the system of juvenile justice of Ukraine. The analysis of norms of international law is carried out in the field of juvenile justice. Essence of juvenile justice opens up in Ukraine, accenting attention on one of central place of police in its system. The necessity of functioning of subdivisions of police is grounded in matters of children in composition a municipal police creation of which foreseen by reform of Ministry of internal affairs of Ukraine.

Key words: children, juvenile justice, police, police in matters of children, municipal police.

Аннотация

В статье проводится теоретическое исследование места полиции в системе ювенальной юстиции Украины. Осуществлен анализ норм международного права в сфере ювенальной юстиции. Раскрывается сущность ювенальной юстиции в Украине и акцентируется внимание на центральном месте полиции в ее системе. Обосновывается необходимость функционирования подразделений полиции по делам детей в составе муниципальной полиции, создание которой предусматривается реформой Министерства внутренних дел Украины.

Ключевые слова: дети, ювенальная юстиция, полиция, полиция по делам детей, муниципальная полиция.

Постановка проблемы. В соответствии с проектом Концепции первоочередных мер реформирования системы Министерства внутренних дел Украины [1] усовершенствование функциональной структуры полиции направлено на разграничение компетенции ее органов и подразделений, устранение дублирования полномочий, определение функций и оптимальной численности национальной полиции. Одним из мероприятий реформирования Министерства внутренних дел Украины является пересмотр статуса милиции по делам детей в соответствии с требованиями международного права в сфере ювенальной юстиции (п. 4.5) [1].

В современном украинском законодательстве пока не определены модель действующей ювенальной юстиции, система и структура ее органов, а также их компетенция. Также не закреплено на законодательном уровне дальнейшее трансформирование полномочий подразделений полиции в сферах защиты прав детей и работы с несовершеннолетними потерпевшими, свидетелями и правонарушителями.

Состояние исследования. Непосредственно вопросы профилактики правонарушений среди несовершенно-

летних были предметом исследования таких украинских ученых, как С.Г. Поволоцкая и Я.Н. Квитка. Содержание административной ответственности несовершеннолетних, родителей или лиц, которые их заменяют, исследовал О.В. Горбач. Административно-правовые мероприятия противодействия правонарушениям, совершенным несовершеннолетними в сфере незаконного обращения наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, исследовал М.П. Легецкий. Попыткой комплексного исследования административно-правовых принципов правоохранительной деятельности криминальной милиции по делам детей является диссертационное исследование А.В. Никитенко.

Вопросы развития системы probation в Украине относительно несовершеннолетних раскрываются в работах таких ученых и практиков, как Т.В. Варфоломеева, Н.П. Ковалев, Н.Н. Прокопенко, Д.В. Ягунов и другие.

Однако современного взгляда на проблемы становления ювенальной юстиции в Украине и определения в ней места полиции в контексте процессов реформирования Министерства внутренних дел Украины не существует.

Поэтому **целью публикации** является определение места полиции в системе ювенальной юстиции Украины. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**: охарактеризовать нормы международного права в сфере ювенальной юстиции, дать определение ювенальной юстиции в Украине, определить полномочия полиции по защите прав детей.

Изложение основного материала.

Основным международным документом в сфере защиты прав детей является Конвенция ООН о правах ребенка [2], которая устанавливает международные стандарты и нормы защиты прав детей для всех государств-участников ООН. Для деятельности полиции основными являются нормы, связанные с применением принудительных мероприятий в отношении детей. В частности, ст. 37 указанного документа устанавливает, что арест, задержание, тюремное заключение в отношении детей применяются в крайнем случае; ни один ребенок не должен поддаваться истязаниям и другим жестоким, нечеловеческим или унижающим достоинство видам поведения или наказания; каждый ребенок имеет право на немедленный доступ к правовой и другой соответствующей помощи, а также право оспаривать законность лишения его свободы перед судом или другим компетентным, независимым и беспристрастным органом и право на безотлагательное принятие ими решений относительно любого такого процессуального действия; установлено право на гуманное отношение к каждому лишенному свободы ребенку и уважение к достоинству его личности с учетом потребностей его возраста [2].

Также международные стандарты в сфере защиты прав детей закреплены в нормах Европейской конвенции об осуществлении прав детей [3], Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») [4], Руководящих принципов, касающихся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений [5], Рекомендаций № Rec(2003)20 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О новых подходах к преступности среди несовершен-

нолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних» [6], Руководящих принципов Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних [7] и других международно-правовых документов. Основной идеей этих документов является соблюдение прав и интересов детей во время осуществления правосудия в отношении них, а также во время рассмотрения в судах дел, в которых дети выступают свидетелями или жертвами.

Проанализировав и обобщив международные нормы по защите прав детей, можно выделить такие основные принципы осуществления правосудия с участием детей: 1) приоритет предупреждения совершения детьми правонарушений; 2) оперативность (осуществление всех необходимых мероприятий в наиболее короткие сроки); 3) приоритет интересов ребенка над интересами взрослых участников осуществления правосудия; 4) применения мероприятий принуждения в отношении детей только в крайних случаях совершения ими тяжких или особенно тяжких преступлений; 5) обеспечения прав и интересов ребенка во время всех видов деятельности государственных органов по осуществлению правосудия (в том числе и права на защиту интересов).

Реализация данных принципов возможна только при условии создания грамотной системы органов ювенальной юстиции, деятельность которых будет направлена на защиту прав, свобод и интересов детей.

Ювенальная юстиция (от лат. *juvenalis* – юный, молодой и *justitia* – справедливость, правосудие) – это система государственных органов, органов местного самоуправления, правоохранительных учреждений и организаций, которые защищают права, свободы и интересы подрастающего поколения, проводят ресоциализацию детей, которые находятся в сложных жизненных ситуациях, а также органов судебной власти, которые осуществляют правосудие относительно детей, применяя при этом медико-социальные и психолого-педагогические методики. Такое определение ювенальной юстиции считаем наиболее полным и современным, поскольку оно включает наиболее широкий спектр видов деятельности

уполномоченных органов и общественных организаций, что составляет содержание ювенальной юстиции.

Необходимо акцентировать внимание, что ювенальная юстиция – это комплекс взаимосвязанных органов с определенным кругом полномочий. Одно создание судов по делам несовершеннолетних не решит проблему становления ювенальной юстиции в Украине. Речь идет о необходимости создания системы государственных органов и общественных организаций, которые комплексно осуществляли бы борьбу с правонарушениями, совершенными детьми, включая применение профилактических, предупредительных мероприятий, а также мероприятий по социальной реабилитации несовершеннолетних, которые совершили правонарушение, стали потерпевшими либо свидетелями уголовных или административных правонарушений.

Система государственных органов, которые осуществляют подобные виды деятельности сегодня в Украине, не является эффективной, о чем свидетельствуют показатели статистических данных. Так, согласно данным Министерства внутренних дел Украины за 2013 г. в горрайлиноорганы внутренних дел было доставлено 22 142 ребенка, из которых 5 585 детей – за совершение уголовных правонарушений, 13 403 ребенка – за совершение административных правонарушений, в том числе повторно было доставлено 724 ребенка. Также в органы внутренних дел было доставлено 5 316 детей, которые остались без присмотра взрослых, оставили место проживания, из которых 312 детей доставлялись повторно, а 446 детей были воспитанниками учебно-воспитательных заведений. Такое количество доставленных говорит о неэффективности деятельности государственных органов, занимающихся профилактикой и предупреждением совершения детьми противоправных действий. Также статистика свидетельствует о существовании масштабных проблем, связанных с воспитанием детей, совершением ими или в отношении них правонарушений.

Поэтому, на наш взгляд, существует необходимость создания новых органов ювенальной юстиции или реструктуризации существующих в Украине государственных органов и общественных организаций, к которым

необходимо относить суды по делам несовершеннолетних, специальные подразделения прокуратуры, специальные подразделения полиции, социальные службы по делам детей. Также следует говорить о необходимости функционирования специализированных адвокатов по делам детей и общественных организаций по защите прав детей. Такие органы должны иметь четко определенный круг полномочий и разграничение компетенции с учетом международных стандартов по защите прав, свобод и интересов детей.

Одно из центральных мест среди органов ювенальной юстиции занимают специальные подразделения полиции, которые во время реализации поставленных задач работают непосредственно с детьми.

Сегодня в системе Министерства внутренних дел Украины подобные полномочия реализует криминальная милиция по делам детей, основными задачами которой являются такие:

- организация и осуществление мероприятий профилактики с детьми в учебных заведениях, по месту жительства с целью предотвращения совершения ими административных и уголовных правонарушений;

- организация и осуществление мероприятий индивидуальной профилактики с детьми, которые совершили административные и уголовные правонарушения, были осуждены к наказанию, не связанному с лишением свободы, освобождены из специальных воспитательных учреждений;

- совершение мероприятий по недопущению рецидивной преступности среди детей;

- установление местонахождения детей в случае их безвестного исчезновения;

- раскрытие уголовных правонарушений, совершенных детьми;

- выявление и прекращение фактов жестокого обращения с детьми, совершения относительно них насилия, в том числе родителями, законными представителями;

- организация предоставления правовой и психологической помощи детям, которые являются потерпевшими в уголовном производстве или стали свидетелями уголовного правонарушения [8].

Однако в процессе реализации реформы Министерства внутренних дел

Украины [9] предусмотрена ликвидация подразделений милиции по делам детей. В то же время на законодательном уровне не уточнено, какие подразделения в системе органов внутренних дел будут выполнять названные выше задачи, а также будут ли их вообще выполнять органы полиции.

Мировой опыт показывает, что сотрудники полиции должны наделяться соответствующими полномочиями относительно детей, поскольку в процессе реализации своей профессиональной деятельности полицейские применяют меры воздействия также к детям. Так, например, в Болгарии в структуре местных органов власти создано Управление по предупреждению преступности несовершеннолетних, сотрудники которого являются офицерами национальной полиции и одновременно должны иметь педагогическую подготовку [10]. Основными функциями Управления по предупреждению преступности несовершеннолетних в Болгарии являются такие: поиск, надзор и отслеживание несовершеннолетних, которые совершили правонарушение или в отношении которых существует высокий риск совершения ими правонарушений; поиск, надзор и отслеживание несовершеннолетних, которые являются потерпевшими от преступлений, насилия или плохого обращения [10].

Кроме того, согласно результатам проведенного нами анкетирования сотрудников криминальной милиции по делам детей (187 респондентов Днепропетровской, Запорожской, Кировоградской областей) подавляющее большинство (94% опрошенных) считают необходимым функционирование в составе органов внутренних дел Украины подразделений криминальной милиции по делам детей (или подразделений с подобными функциями). Лишь 6% опрошенных считают, что такое подразделение не должно функционировать в правоохранительной структуре Министерства внутренних дел Украины.

То есть можно сделать вывод, что среди сотрудников криминальной милиции по делам детей, которые выполняют такие функции сегодня, существует единое мнение о необходимости деятельности обозначенного подразделения, целесообразности существова-

ния его в составе милиции (в будущем – полиции) Украины и важности выполняемых им заданий.

Относительно вопроса о том, в составе какого подразделения органов внутренних дел должна функционировать криминальная милиция по делам детей, мнение практических работников распределилось таким образом: 47% опрошенных считают, что криминальная милиция по делам детей должна быть в составе блока милиции общественной безопасности; 23% опрошенных считают, что криминальная милиция по делам детей должна быть в составе криминальной милиции; 30% опрошенных считают, что это должно быть отдельное подразделение органов внутренних дел со специальным статусом.

То есть большинство сотрудников криминальной милиции по делам детей согласны с подчиненностью подразделения, в котором несут службу, и считают выполняемые ими задания такими, которые отвечают заданиям милиции общественной безопасности в целом, учитывая приоритет профилактики правонарушений среди выполняемых заданий криминальной милиции по делам детей.

По нашему мнению, необходимо согласовать название данного подразделения с его целью, заданиями, направлениями деятельности и подчиненностью. Так, если такое подразделение относится к блоку милиции общественной безопасности, оно может называться милицией по делам детей или полицией по делам детей, что даст возможность отнести к ее заданиям выполнение мероприятий административного убеждения и принуждения (профилактика правонарушений и их прекращение, составление протокола об административных правонарушениях и тому подобное) и только сопровождение дел о криминальных правонарушениях при участии ребенка.

Учитывая мировой опыт деятельности полиции, международно-правовые нормы, результаты проведенного нами социологического исследования, статистические данные, а также процессы реформирования Министерства внутренних дел Украины, можно сделать вывод о необходимости наделяния сотрудников полиции определенным кругом полномочий, применяемых с целью защиты прав и интересов детей.

Мы предлагаем в составе муниципальной полиции, создание которой предусматривается реформой Министерства внутренних дел Украины [9], создать подразделение полиции по делам детей, основными задачами которого должны быть такие:

- применение мер общей профилактики правонарушений, совершаемых детьми и относительно детей;
- применение мер индивидуальной профилактики с детьми, ранее совершавшими уголовные или административные правонарушения, а также детьми, в отношении которых существует вероятность совершения ими таких правонарушений;
- установление местонахождения детей в случае их безвестного исчезновения;
- выявление и документирование уголовных и административных правонарушений, совершенных детьми;
- выявление детей, которые являются потерпевшими от совершения уголовных или административных правонарушений, применение к ним мер социальной реабилитации и реинтеграции;
- подготовка на несовершеннолетнего правонарушителя информации социально-психологического характера для органов системы правосудия;
- социальное сопровождение детей, которые были привлечены к административной ответственности, осуждены условно за совершение уголовного правонарушения, освобождены условно-досрочно после отбывания наказания в местах лишения свободы; содействие их социальной адаптации и реинтеграции.

Перечень этих задач может расширяться с учетом тенденций реформирования украинского законодательства, а также согласно социальной необходимости.

Такое подразделение будет подчиняться как органам местного самоуправления, так и Министерству внутренних дел Украины. Таким образом, во время своей деятельности полиция по делам детей сможет в большей степени учитывать и использовать государственные и местные программы, инициативы местной власти, выполняя правоохранительные задачи, поставленные руководством Министерства внутренних дел Украины.

Сотрудники таких подразделений должны быть специально подготовленными кадрами, обладающими специальными знаниями в области права, детской психологии и педагогики, а также иметь полномочия по применению мер принудительного характера. В то же время основной задачей таких подразделений должна стать профилактика и предупреждение правонарушений с участием детей, что является основным принципом деятельности государственных органов ювенальной юстиции на международном уровне.

Выводы. Таким образом, основной идеей норм международного права в сфере ювенальной юстиции является соблюдение прав и интересов детей во время осуществления правосудия в отношении них, а также во время рассмотрения дел в судах, в которых дети выступают свидетелями или жертвами.

Систему ювенальной юстиции Украины составляют государственные органы, органы местного самоуправления, правозащитные учреждения и организации, суды по делам несовершеннолетних, деятельность которых направлена на защиту прав, свобод и интересов подрастающего поколения, ресоциализацию детей, которые находятся в сложных жизненных ситуациях, а также органов судебной власти, которые осуществляют правосудие относительно детей, применяя при этом медико-социальные и психолого-педагогические методики.

Специальные подразделения полиции занимают одно из центральных мест в системе ювенальной юстиции, приоритетно осуществляя профилактические и предупредительные меры в отношении детей. По нашему мнению, подразделения полиции по делам детей должны функционировать в составе муниципальной полиции, создание которой предусматривается реформой Министерства внутренних дел Украины.

Список использованной литературы:

1. Проект Концепції першочергових заходів реформування системи Міністерства внутрішніх справ від 10.11.2014 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/1221414>.

2. Конвенция ООН о правах ребенка от 20.11.1989 г. // Зібрання чинних міжнародних договорів України. – 1990. – № 1. – С. 205.

3. Европейская конвенция об осуществлении прав детей от 25.01.1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/994_135.

4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»), от 29.11.1985 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_211.

5. Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений, от 22.07.2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_e54.

6. Рекомендация № Rec(2003)20 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О новых подходах к преступности среди несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних» от 24.09.2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/994_865.

7. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних от 14.12.1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_861.

8. Про затвердження Інструкції з організації роботи підрозділів кримінальної міліції у справах дітей : Наказ Міністерства внутрішніх справ України від 19.12.2012 р. № 1176 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/815812><http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/815812>.

9. Реформа Министерства внутренних дел Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.facebook.com/arsen.avakov.1/posts/701745133248929>.

10. Опацкий Р.М. Зарубіжний досвід впровадження ювенальної юстиції / Р.М. Опацький // Юридична наука. – 2012. – № 2. – С. 146–152.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ СПОСОБОВ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРУПП НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Игорь КАЛИМБЕТ,
аспирант

Международного гуманитарного университета

Summary

The paper analyzes the characteristics of the individual methods of committing violent crimes groups of minors. Based on the study of materials practices to determine what groups of minors used truncated ways of committing crimes. Allocated species juvenile gangs that use predominantly a particular type of violence.

Key words: modus operandi, violent crimes, juvenile group violence.

Аннотация

В статье проанализированы отдельные характеристики способов совершения группами несовершеннолетних корыстно-насильственных преступлений. На основании изучения материалов практики определено, какими группами несовершеннолетних используются полноструктурные или усеченные способы совершения преступлений. Выделены виды преступных группировок несовершеннолетних, которые используют преимущественно конкретный вид насилия.

Ключевые слова: способ совершения преступления, корыстно-насильственные преступления, группы несовершеннолетних, насилие.

Постановка проблемы. Оптимизация расследования преступлений является одной из ключевых задач, подлежащих разрешению на современном этапе с учетом качественных и количественных изменений в структуре преступности, трансформации полномочий и компетенции правоохранительных органов после принятия нового Уголовного процессуального кодекса Украины. Бесспорно, одним из видов уголовных правонарушений, которые вызывают значительное беспокойство среди населения и сотрудников правоохранительных органов, выступают корыстно-насильственные преступления, совершаемые несовершеннолетними. Как показывает изучение материалов практики, такая преступная деятельность носит групповой характер и сопровождается использованием оружия и нанесением пострадавшим тяжких телесных повреждений, которые в отдельных случаях приводят к смерти потерпевших.

Актуальность исследования. Оптимизация работы правоохранительных органов в этом направлении требует надлежащего научного обеспечения и разработки комплексной методики расследования преступлений анализируемой категории. Считаем, что решение этой задачи не возможно без тщательного исследования и разработки важнейшей ее составляющей – криминалистической характеристики корыстно-насильственных преступле-

ний, совершаемых группами несовершеннолетних, поскольку, как справедливо отмечают ученые, критериями отбора необходимой для правоохранительных органов информации служат уголовно-правовая и криминалистическая характеристика, используемые в качестве модельных матриц [1, с. 131].

Состояние исследования проблемы. Теоретические основы изучения криминалистической характеристики преступлений заложены в трудах Р.С. Белкина, В.Д. Берназа, В.П. Бахина, А.Ф. Волобуева, А.В. Журавля, В.Е. Коноваловой, В.В. Тищенко и других ученых.

Проблематика формирования криминалистических характеристик корыстно-насильственных преступлений исследовалась О.С. Кайгородовой, П.Н. Курбаком, Ю.А. Кричун, А.В. Хирсиным, Г.А. Черным и другими учеными.

Цель статьи состоит в анализе особенностей способов совершения корыстно-насильственных преступлений группами несовершеннолетних.

Изложение основного материала. Нами будет предложена характеристика способов корыстно-насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними, в качестве одного из элементов вероятной информационной модели (криминалистической характеристики), разработанной по результатам изучения материалов практики. Наиболее удачно функциональное назначение криминалистиче-

ской характеристики описал профессор В.В. Тищенко, обращая внимание, что она имеет практическое значение по нескольким причинам. Во-первых, она позволяет следователю руководствоваться знаниями о типичных чертах и особенностях данного вида преступления в целом, а также о его отдельных признаках, элементах и характере связи между ними. Во-вторых, она позволяет на начальном этапе расследования, который характеризуется резким дефицитом нужной информации, использовать ее для построения общих и отдельных версий, помогает найти верное направление расследования, определяет возможные места нахождения необходимых источников информации. В-третьих, криминалистическая характеристика преступлений открывает возможность установления зависимости и связей между ее элементами для поиска и прогнозирования возможной информации, а в дальнейшем и для установления неизвестных обстоятельств расследуемого преступления. Необходимо отметить, что такие связи и зависимости будут более вероятными также в том случае, если они определяются в сравнительно узкой множественности преступлений. Это объясняется тем, что в определенной группе преступлений меньше разногласий относительно возможных вариантов их совершения по сравнению с видом или несколькими видами родственных преступлений [2].

Учитывая специфику преступлений исследуемой категории, в частности, субъекта их совершения, следует обратить внимание на мнения ученых о структуре криминалистической характеристике преступлений корыстно-насильственной направленности. Так, относительно предмета нашего исследования в структуре криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними, Л.Л. Каневский выделяет обстановку совершения преступления, способ и механизм совершения и сокрытия преступления, личность преступника и потерпевшего [3, с. 75].

Считаем, что необходимым элементом криминалистической характеристики исследуемой категории преступлений является структурное построение преступной группировки и особенности взаимосвязей между ее участниками, поскольку такая информация в большинстве случаев определяет особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных (розыскных) действий. Так, А.Т. Бекбулатова в структуру криминалистической характеристики грабежей и разбойных нападений, совершаемых несовершеннолетними, включает исходную информацию о совершенном преступлении, сведения о личности несовершеннолетнего преступника, сведения о личности потерпевшего, данные о предмете преступного посягательства, сведения о способе совершения преступления (деятельности по подготовке, непосредственном совершении, а также сокрытия следов преступления, механизме слепообразования) [4].

Начиная непосредственную характеристику корыстно-насильственной преступной деятельности несовершеннолетних, прежде всего необходимо проанализировать способ совершения преступления. В системе всех других элементов криминалистической характеристики способ – это самая динамичная и подвижная категория, поскольку именно способ является непосредственной формой адаптации преступников к изменяющимся социальным условиям. Благодаря научной и практической значимости вопросы о способе совершения преступления постоянно были предметом пристального внимания ученых в сфере уголовно правовых дисциплин.

Учитывая объем статьи, мы не сосредотачиваем значительное внимание на анализе теоретических подходов к пониманию способа совершения преступления, поскольку этот вопрос основательно рассмотрен в криминалистической литературе [5].

В целом можно поддержать позицию ученых, отмечающих, что способ совершения преступления – это образ действий по приготовлению, совершению и сокрытию следов преступления, позволяющий получить криминалистические сведения об исполнителе, примененных им средствах и возможности их использования в раскрытии и расследовании преступлений [6, с. 27].

Начиная анализ способов совершения корыстно-насильственных преступлений группами несовершеннолетних, необходимо отметить, что построение отдельной методики их расследования требует не простого определения типичных способов их совершения, но и построения соответствующей классификационной системы. Тщательное изучение научных источников свидетельствует, что в отечественной криминалистической науке обстоятельное исследование способов совершения корыстно-насильственных преступлений было проведено профессором В.В. Тищенко, который предложил авторскую классификацию корыстно-насильственных преступлений согласно способу их совершения [2].

Анализируя способы совершения корыстно-насильственных преступлений группами несовершеннолетних, справедливо обратить внимание на то, что они могут быть разделены на две отдельные группы.

Первую группу составляют *способы с усеченной структурой, которые не включают в себя действия по подготовке и сокрытию преступления*. Изучение материалов практики и проведенное анкетирование работников правоохранительных органов свидетельствует, что эти способы характерны в отношении таких преступных формирований:

- а) преступных групп на начальном этапе их деятельности;
- б) групп, которые образованы из младших подростков;
- в) групп, которые сформированы спонтанно для совершения одного корыстно-насильственного преступления;

г) групп, совершающих преступления в результате злоупотребления наркотиками и алкоголем;

д) групп, которые длительную время осуществляют преступную деятельность и остаются неустановленными правоохранительными органами (развитие чувства безнаказанности).

Вторую группу способов совершения корыстно-насильственных преступлений составляют *полноструктурные способы, которые предусматривают наличие стадии подготовки, непосредственного совершения и сокрытия преступления*. Проведенное исследование свидетельствует, что использование полноструктурных способов совершения преступлений характерно для таких групп несовершеннолетних:

а) групп, созданных из старших подростков, которые объединились для совершения корыстно-насильственных преступлений;

б) групп несовершеннолетних, преступная деятельность которых координируется взрослыми;

в) групп, совершивших несколько корыстно-насильственных преступлений и планирующих продолжить систематическую преступную деятельность.

Продолжая анализ способов совершения корыстно-насильственных преступлений группами несовершеннолетних, следует обратить внимание на то, что подавляющее количество таких преступлений сопровождается применением насилия, которое выступает неотъемлемой составляющей объективной стороны. Согласно толковым словарям насилие понимается как применение физической силы к кому-либо, принуждение, применение силы для достижения чего-либо, принудительное воздействие на кого-то. Необходимо отметить, что в плоскости юридических наук «насилие» как категория исследовано недостаточно. В своих научных трудах Л.В. Сердюк понятие насилия определяет так: «Преднамеренное, противозаконное со стороны других лиц влияние на человека, совершенное помимо его воли и способное причинить ему физиологическую или психическую травму и ограничить его свободу или волеизъявление действий» [7, с. 142].

В.В. Питецкий отмечает, что термин «насилие» означает широкий

спектр физического воздействия на потерпевшего (от простых побоев до причинения телесных повреждений различной тяжести) [8, с. 13–14].

Необходимо обратить внимание, что Уголовный кодекс Украины, определяя составы отдельных корыстно-насильственных преступлений, указывает на возможность применения во время их совершения двух форм насилия: физического и психического.

В контексте изложенного и в результате обобщения материалов практики можно выделить следующие особенности способа совершения преступлений исследуемой категории с учетом применения различных форм насилия.

Во время совершения преступления используется только психическое насилие. Изучение материалов уголовных производств позволяет выделить отдельные признаки преступных групп несовершеннолетних, использующих психическое насилие как элемент способа совершения преступления.

Во-первых, группа состоит из трех и более человек, которые выступают в роли соисполнителей преступления, что позволяет достигать психологического преимущества над потерпевшим.

Во-вторых, основу группы составляют старшие подростки с достаточным уровнем физического развития, что позволяет убедить потерпевшего и создать обстановку реальности применения физического насилия в любой форме.

В-третьих, применение исключительно психического насилия характерно для преступных групп несовершеннолетних мужского пола.

В-четвертых, в подавляющем большинстве случаев применение психического насилия сочетается с демонстрацией холодного оружия или других предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия.

Во время совершения преступления используется исключительно физическое насилие. Необходимо отметить, что применение только физического насилия характерно для групп несовершеннолетних, совершающих преступления в форме внезапных нападений. Кроме того, анализ уголовных производств по преступлениям этой категории позволяет установить отдельные зависимости между признаками внезапности нападения с применением насилия и другими характерологически-

ми элементами как преступной группы, так и формы преступной деятельности.

Внезапные нападения с использованием физического насилия характерны для преступных групп, созданных из младших подростков, что обуславливается следующими факторами:

а) младшие подростки не уверены в своих физических возможностях и не обладают достаточным уровнем психологической зрелости для запугивания жертвы (используя при этом исключительно психическое насилие);

б) отсутствие достаточных навыков по организации, планированию и прогнозированию своих действий приводит к тому, что жертва преступления выбирается спонтанно, использование внезапного физического насилия делает совершение преступления «безопасным» для членов группировки;

в) особенности восприятия насилия в подростковом возрасте. В контексте этого справедливо обратить внимание на позицию А.Н. Замотаевой, которая отмечает, что именно в подростковом возрасте индивид начинает противопоставлять себя внешнему миру, адаптируясь к нему. Нестабильность, критичность по отношению к внешним социальным и моральным ценностям повышает риск восприятия индивидом негативных ориентиров [9].

Выводы. Подводя итог, обобщим, что для корыстно-насильственных преступлений, совершенных группами несовершеннолетних, характерно использование как полноструктурного, так и усеченных способов совершения преступлений, что зависит от конкретных обстоятельств развития преступной деятельности группы.

Обязательным элементом совершения таких преступлений является применение насилия. Как показывает практика, в большинстве случаев это применение именно физического насилия.

Список использованной литературы:

1. Бондар В.С. Функціональне призначення криміналістичної характеристики злочинів у сучасних умовах / В.С. Бондар // Вісник академії адвокатури України. – 2012. – № 2. – С. 130–137.

2. Тищенко В.В. Теоретичні та практичні основи методики

розслідування злочинів : [монографія] / В.В. Тищенко. – О. : Фенікс, 2007. – 260 с.

3. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский. – Красноярск, 1991. – 284 с.

4. Бекбулатова А.Т. Понятие и содержание криминалистической характеристики грабежей и разбойных нападений, совершаемых несовершеннолетними / А.Т. Бекбулатова // Вестник криминалистики. – 2009. – № 4. – С. 133–140.

5. Кругликов Л.Л. Способ совершения преступления (вопросы теории) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Л.Л. Кругликов. – Свердловск, 1971. – 22 с.

6. Весельский В.К. Сучасні можливості використання даних про спосіб вчинення злочину в боротьбі зі злочинністю : [навч. посібник] / В.К. Весельський, С.М. Завязлов, В.В. Пясковський. – К. : КНТ, 2009. – 160 с.

7. Щерба С.С. Рецензия на монографию Л.В. Сердюка «Насилие: уголовно-правовое и криминологическое исследование» / С.С. Щерба // Уголовное право. – 2003. – № 2.

8. Питецкий В.В. Квалификация преступлений, совершаемых применением физического насилия / В.В. Питецкий // Советская юстиция. – 1993. – № 1. – С. 13–14.

9. Замотаева О.Н. Ценностные основания девиантного поведения подростков : автореф. дисс. ... канд. филос. наук. : спец. 09.00.05 «Этика» / О.Н. Замотаева. – Саранск, 2004.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО УКРАИНЫ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Виктор КЛОЧКО,

соискатель кафедры общеправовых дисциплин
факультета права и массовых коммуникаций
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The article is devoted to the research of the priorities of Ukraine's international cooperation in the field of information security in the terms of integration process. The main problems and threats to Ukraine's information security guaranteeing at the international level are defined. The notions of "information security", "international information security" and "international cooperation in the field of information security" are revealed. The author analyzes international experience of information security guaranteeing. On the basis of conducted study some propositions concerning the main directions of improving the national legislation in the field of information security guaranteeing and the need for implementation of international legal instruments are grounded.

Key words: information, international information security, information and communication technologies, international and legal regulation, international cooperation, information security policy.

Аннотация

Статья посвящена исследованию приоритетных направлений международного сотрудничества Украины в сфере информационной безопасности в условиях интеграционных процессов. Определены проблемы и угрозы обеспечения информационной безопасности Украины на международном уровне. Раскрываются понятия «информационная безопасность», «международная информационная безопасность» и «международное сотрудничество в сфере информационной безопасности». Проводится анализ международного опыта обеспечения информационной безопасности. На основе проведенного исследования обосновываются предложения относительно основных направлений усовершенствования национального законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности, а также необходимости имплементации норм международно-правовых актов.

Ключевые слова: информация, международная информационная безопасность, информационно-коммуникационные технологии, международно-правовое регулирование, международное сотрудничество, политика информационной безопасности.

Постановка проблемы. Проблема обеспечения национальной безопасности в информационной сфере пока что находится на стадии разработки. Это обстоятельство обуславливается неадекватностью связи между формированием информационной цивилизации и мерами по обеспечению информационной безопасности. В связи с этим возникает проблема относительно формирования подходов по выработке концептуального видения информационной безопасности и ее места в системе национальной безопасности Украины.

Обеспечение информационной безопасности связано с одной из характерных особенностей современного этапа мирового научно-технического прогресса – глобальной информационной революцией, в результате которой происходит чрезвычайно быстрое и практически повсеместное распространение новейших информационных технологий и глобальных средств коммуникации, формируется своего рода глобальное информационное пространство международного сообщества. Использование достижений в информационной сфере

возможно не только в позитивных целях, но и в целях, связанных с обеспечением превосходства отдельных государств на международной арене, с подавлением других государств, вмешательством во внутренние дела государства. В связи с этим все большее значение приобретает развитие сферы международного противоборства, затрагивающей как интересы безопасности Украины, так и общую систему международной безопасности на глобальном и региональном уровнях. Именно поэтому проблема информационной безопасности является актуальной в настоящее время.

Состояние исследования. Изучением проблем международной информационной безопасности относительно современных концепций международной безопасности, международной безопасности через сотрудничество, информационной безопасности в массово-коммуникационной сфере занимались такие отечественные ученые, как О.В. Бойченко, А.Г. Белорус, В.А. Липкан, В.Н. Лопатин, Д.Г. Лукьяненко, Е.А. Макаренко, А.М. Гуз. В зарубежных странах, например США, Великобритании, Швейцарии, вопросы ин-

формационной безопасности разрабатывались в трудах таких ученых, как Р. Моландер, С. Сяннг, Л. Борг, С. Хамфрефорс, Э. Ратмелл, Р. Старк, Р. Хандли, Р. Андерсен, Р. Харкнетт, А. Коэзи, Х. Бэй, Э. Риддиле, П. Вилсон, Дж. Арквилла, Д. Ронфельдт, Д. Гомперт и другие.

Комплексные исследования проблем и перспектив развития эффективного механизма обеспечения международной информационной безопасности относительно вопросов международных отношений государств до настоящего времени не проводились. Необходимость дальнейшего научного исследования проблем и перспектив обеспечения международной информационной безопасности обосновывает также высокая динамика развития международных отношений при стремительном развитии информационно-телекоммуникационных систем и технологий.

Целью работы является комплексное изучение проблем, связанных с вопросами международного сотрудничества Украины в сфере информационной безопасности, а также разработка предложений по развитию системы обеспечения международ-

ной информационной безопасности, основой которой является не только разработка соответствующих международных нормативно-правовых актов, но и создание действующего механизма обеспечения информационной безопасности Украины на международном уровне.

Изложение основного материала. В 2001 г. Европейской Комиссией был представлен первый документ под названием «Сетевая и информационная безопасность: европейский политический подход» (Network and Information Security: Proposal for A European Policy Approach), в котором отражается европейский подход к проблеме информационной безопасности. В нем используется термин «сетевая и информационная безопасность», который трактуется как способность сети или информационной системы сопротивляться случайным событиям или умышленным действиям, которые представляют угрозу доступности, подлинности, целостности и конфиденциальности хранящихся или передающихся данных, а также услуг, предоставляемых через эти сети и системы [1].

Европейское сообщество отмечает, что сетевая и информационная безопасность становится ключевым фактором в развитии информационного общества. Прежде всего, сети и информационные системы содержат конфиденциальные данные и экономическую ценную информацию, что повышает стимул для атак. Атаки на информационные системы могут иметь серьезные в национальном масштабе последствия, например, сбои в работе систем коммуникаций, утечку конфиденциальной информации.

Проблема заключается в том, что точно оценить масштаб фактических и потенциальных убытков вследствие нарушения сетевой безопасности очень трудно, поскольку, во-первых, нет системы оповещения, а во-вторых, атаки вызывают значительное количество нематериальных убытков, в том числе для репутации, поэтому многие кампании стараются не информировать о таких событиях, боясь негативной рекламы. К тому же сетевая и информационная безопасность являются динамичной проблемой. Быстрое технологическое разви-

тие постоянно создает новые вызовы и угрозы, требует новых решений. В названном выше документе определены следующие основные направления европейской политики информационной безопасности:

- увеличение осведомленности пользователей о возможных угрозах при использовании коммуникационных сетей;
- создание европейской системы предупреждения и информирования о новых угрозах;
- обеспечение технической поддержки;
- использование единой системы стандартизации и сертификации;
- правовое обеспечение;
- укрепление безопасности на государственном уровне;
- развитие международного сотрудничества.

На сегодняшний день Европейская Комиссия принимает участие в работе «Большой восьмерки», Организации экономического сотрудничества и развития и ООН. Частный сектор работает над проблемами безопасности в таких организациях, как Глобальный бизнес-диалог (www.GBDe.org) или Глобальный интернет-проект (www.GIP.org).

10 марта 2004 г. было создано Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности (European Network and Information Security Agency). Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности – это агентство Европейского Союза (далее – ЕС), созданное с целью повышения эффективности функционирования внутреннего рынка. Агентство выступает в роли консультанта и центра передовых технологий в сфере сетевой и информационной безопасности для стран-членов и институтов ЕС. Кроме того, агентство содействует развитию связей между странами-членами ЕС, институтами ЕС, хозяйствующими субъектами и частным бизнесом [2].

Политические приоритеты в сфере информационной безопасности, определенные руководящими органами ЕС, воплощаются в жизнь на национальном уровне как органами государственной власти, так и неправительственными организациями.

Одной из стран-лидеров ЕС по показателям развития информационного общества является Финляндия. В рейтинге стран ЕС Финляндия занимает первое место по уровню цифровой грамотности (более 50% населения), второе место – по показателю распространения сети широкополосной связи (34% населения) [3].

Основными государственными учреждениями, ответственными за разработку и реализацию политики информационной безопасности, в Финляндии является Министерство транспорта и коммуникаций и Омбудсмен по защите данных (Data Protection Ombudsman).

Среди стран Центральной и Восточной Европы, которые получили членство в ЕС, ведущее место в разработке и внедрении политики информационной безопасности занимает Эстония. Разработкой и внедрением политики информационной безопасности занимается Министерство экономики и коммуникаций Эстонии, а точнее такие его структурные подразделения, как Департамент государственной информационной системы и Эстонский центр информатики [3].

В рамках ЕС информационная безопасность рассматривается как состояние информационных сетей и систем, обеспечивающих достаточный уровень защиты целостности, доступности и конфиденциальности информации, надлежащий уровень противодействия внешним негативным воздействиям. Одним из приоритетов политики стран ЕС в сфере информационной безопасности является разработка и внедрение программ и различных технических средств, которые позволяют поддерживать определенный уровень защиты информационно-коммуникационных технологий. Наряду с этим в рамках ЕС значительное внимание уделяется правовым основам информационной безопасности, предусматривающим разработку нормативно-правовых актов, которые устанавливали бы перечень преступлений, связанных с информационными технологиями, и определяли соответствующую уголовную ответственность. Другим приоритетом политики ЕС является информационная безопасность граждан. Фактически это высокий уровень

осведомленности общественности о рисках и угрозах, связанных с информационными технологиями, о способах защиты своих информационных систем/сетей от нежелательных воздействий. Сюда относятся не только противодействие кибератакам, но и защита персональных данных, обнаружение вредоносного контента в сети Интернет и тому подобное.

После провозглашения Украиной независимости начался процесс интеграции в мировые сообщества. Однако следует заметить, что внешняя информационная деятельность Украины в данном случае активизировалась недостаточно. В то же время в последние годы иностранная информационная активность относительно Украины увеличилась в десятки раз. Особенно сказывается влияние России. Информационный поток с Запада и Востока в Украине не имеет препятствий, а обратного – из Украины на Восток и Запад – фактически не существует.

Главными признаками, характеризующими информационную ситуацию в любой стране, являются такие: функционирование средств массовой информации (далее – СМИ) и пропаганды, функционирование информационно-аналитической системы, которая призвана обеспечивать эффективное принятие решений и контроль в сфере государственного управления, а также управления бизнесом. Все эти составляющие информационной ситуации в Украине следует характеризовать как негативные. В Украине отсутствует единая нормативно-правовая база. Доктрина информационной безопасности так и не была принята. Существует ряд государственных органов, которые дублируют свои функции в реализации информационной политики и обеспечении информационной безопасности.

Что касается информационно-аналитической деятельности в Украине, то она хоть и развивается, но этот процесс продолжается медленно и в основном экстенсивным путем (возникновение новых государственных и негосударственных информационно-аналитических структур и так далее). Это также может иметь негативные последствия, поскольку количество

информации растет, а ее качество остается на низком уровне, недостаточным для принятия потребителями этой информации обоснованных решений. Состояние информационной деятельности Украины является неудовлетворительным, а отечественная информационная система функционирует на уровне стран «третьего мира», значительно отставая от развитых западных государств [4, с. 129].

Приоритетная задача в сфере обеспечения международной информационной безопасности связана с возможностью применения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в целях, не совместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности. Важнейшими угрозами считаем враждебное использование ИКТ на уровне государств против информационных инфраструктур в политических, в том числе военных, целях, преступную и террористическую деятельность в киберпространстве [5].

Одной из наиболее важных проблем продвижения в данном направлении является прежде всего достижение необходимого уровня политического доверия между правительствами государств мира. Известно, что это доверие возникает тогда, когда у основных субъектов международной политики имеются схожие взгляды на политическую ситуацию, на причины имеющихся дисгармоний и конфликтов в межгосударственных отношениях и путях снижения социально-политической опасности имеющихся разногласий.

В современном мире роль диалога в разрешении конфликтов увеличивается, хотя конфликтов не становится существенно меньше. Политические лидеры разных государств мира прилагают определенные усилия для укрепления доверия, однако значительную роль в решении этой проблемы играет гражданское общество, которое во многом определяет допустимый для страны уровень доверия в отношениях с тем или иным государством и, соответственно, диапазон возможных действий политических лидеров в этой сфере.

Для формирования системы обеспечения международной информа-

ционной безопасности считаем важным определить возможную цель международного соглашения в данной отрасли.

Такой целью могло бы стать создание механизмов международного сотрудничества в сфере обеспечения устойчивости функционирования и безопасности использования глобальной информационной инфраструктуры и ее национальных сегментов, безопасности информационных и телекоммуникационных технологий.

Под устойчивостью функционирования понимаем способность сохранять работоспособность в условиях воздействия определенных неблагоприятных факторов.

Под безопасностью понимается защищенность от угроз нарушения конфиденциальности и целостности информации, циркулирующей в глобальной информационной инфраструктуре и ее национальных сегментах, а также от угроз использования уязвимостей информационных и телекоммуникационных технологий для агрессивного нанесения ущерба международной и национальной безопасности государств-членов международного сообщества.

Достижение этой цели могло бы способствовать укреплению доверия к глобальной информационной инфраструктуре, информационным и телекоммуникационным технологиям как фактору устойчивого развития человечества.

Можно предложить следующие основные направления сотрудничества Украины в сфере формирования системы обеспечения международной информационной безопасности:

- поддержание устойчивости и безопасности функционирования глобальной информационной инфраструктуры и ее национальных сегментов, которое в определенной степени базируется на интернационализации управления использованием и развитием глобальной сети Интернет;

- выявление опасных нарушений устойчивости и безопасности глобальной информационной инфраструктуры и ее национальных сегментов, информационных и телекоммуникационных технологий, связанное с налаживанием международного мониторинга этих процессов, юриди-

ческое закрепление выявляемых нарушений;

- проведение расследований по фактам опасных нарушений устойчивости функционирования и безопасности использования глобальной информационной инфраструктуры и ее национальных сегментов, безопасности информационных и телекоммуникационных технологий, связанное с выявлением уполномоченными международными органами лиц, действия которых привели к соответствующим нарушениям устойчивости и безопасности;

- разработка и принятие требований по устойчивости и безопасности глобальной информационной инфраструктуры и ее национальных сегментов, безопасности информационных и телекоммуникационных технологий, оценка выполнения данных требований;

- выработка и реализация предложений по повышению устойчивости и безопасности глобальной информационной инфраструктуры и ее национальных сегментов, безопасности информационных и телекоммуникационных технологий.

Первым шагом в этом направлении могла бы стать проработка международным экспертным сообществом вопросов относительно таких аспектов:

- терминологии, используемой в сфере обеспечения международной информационной безопасности;

- выработки общих подходов к определению объектов обеспечения международной информационной безопасности;

- проработки возможных механизмов международного сотрудничества в обеспечении безопасности данных объектов;

- проработки международно-правовых аспектов регулирования отношений в рассматриваемой сфере.

В процессе такой работы следует определиться с тем, на какой уровень сотрудничества в анализируемой сфере могут пойти государства-члены международного сообщества, а также применительно к этому уровню осуществить более детальную проработку научных, организационных, правовых, дипломатических и иных аспектов проблемы.

Основной целью политико-правового регулирования отношений в указанных направлениях сотрудничества могло бы стать формирование международных механизмов предотвращения или минимизации негативных последствий агрессивного использования информационных и телекоммуникационных технологий для разрешения межгосударственных противоречий.

Анализ проблем обеспечения информационной безопасности позволил сделать вывод, что наиболее важными направлениями деятельности в этой сфере являются всесторонняя оценка угроз и опасностей, национальной уязвимости, идентификация критической инфраструктуры. В процессе обеспечения информационной безопасности важно понимать характер, природу, сущность и содержание угроз и опасностей, уметь своевременно идентифицировать источник угрозы.

Выводы. Таким образом, совершенствование обеспечения информационной безопасности требует целенаправленного изучения зарубежного опыта организации и проведения информационных операций, методов, средств осуществления кибератак, а также моделирования информационных нападений. Дальнейшего решения требуют такие вопросы: разработки комплекса информационных стандартов обеспечения информационной безопасности, развития системы сертификации информационных продуктов, систем и услуг, создания системы лицензирования деятельности организаций по отдельным направлениям, формирования единого информационного пространства Украины.

Список использованной литературы:

1. Communication from the European Commission “Network and Information Security: Proposal for a European Policy Approach” : COM(2001)298 (June 6, 2001) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ec.europa.eu/information_society/eeurope/2002/news_library/pdf_files/netsec_en.pdf.

2. The European Network and Information Security Agency (ENISA)

[Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.enisa.europa.eu>.

3. ENISA Country Reports (2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.epractice.eu/files/media/media2624.pdf>.

4. Хімей В.В. Основні сучасні проблеми інформаційної безпеки України / В.В. Хімей // Телега радіожурналістика. – 2014. – № 13. – С. 127–132.

5. Крутских А.В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности / А.В. Крутских // Международные процессы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/thirteen/003.htm>.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УКРАИНЕ

Наталья КОВАЛКО,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры финансового права юридического факультета
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,

заместитель начальника управления государственной исполнительной службы Главного управления юстиции в г. Киеве

Summary

The article considers the basic systems of enforcement of judgments that function in European countries. Analyzed the requirements to the candidates for the position of bailiff, as well as procedures for their professional training. Disclosed the question about the authorities responsible for control and supervision over the activities of authorities of the enforcement of judgments. Studied the experience of France and Poland in the context of the organization of the enforcement of judgments and determining the status of bailiffs. It is proved that the reform of the enforcement of judgments should be held step-by-step by adopting the necessary legal acts that will determine the legal basis and procedure for the activities of authorities of the enforcement of judgments in Ukraine.

Key words: system of enforcement of judgments, bailiffs, reforming.

Аннотация

В статье рассмотрены основные системы принудительного исполнения судебных решений, которые функционируют в странах Европы. Проведен анализ требований, которые предъявляются к кандидатам на должность судебных исполнителей, а также процедуры их профессиональной подготовки. Раскрыт вопрос о субъектах, которые осуществляют функцию контроля и надзора за деятельностью исполнителей судебных решений. Исследован опыт Франции и Польши в контексте организации системы принудительного исполнения судебных решений и определения статуса судебных исполнителей. Обосновано, что реформирование системы принудительного исполнения судебных решений должно происходить поэтапно путем принятия необходимых нормативно-правовых актов, которые определяют правовую основу и порядок деятельности органов принудительного исполнения судебных решений в Украине.

Ключевые слова: система принудительного исполнения судебных решений, судебные исполнители, реформирование.

Постановка проблемы. Исполнение судебного решения является неотъемлемой частью фундаментального права человека на справедливое судебное разбирательство в разумный срок, которое гарантируется статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Поэтому важной предпосылкой для становления Украины как действительно демократического правового государства является создание эффективной системы принудительного исполнения судебных решений.

Актуальность темы исследования. Эффективность функционирования существующей в Украине системы принудительного исполнения судебных решений весьма сомнительна, поскольку уровень реального исполнения судебных решений является предельно низким.

Согласно данным Государственной исполнительной службы Украины о работе органов государственной исполнительной службы за 2014 год на начало года в производстве находилось 2 809 708 исполнительных документов. В течение года на исполнение было получено 4 180 077 исполнительных документов. Принудительному испол-

нению подлежало 6 544 862 исполнительных документа, относительно 444 923 исполнительных документов было отказано в открытии исполнительного производства. При этом согласно статистическим данным в течение 2014 года было закрыто производство по 3 868 530 исполнительным документам. Однако, как показывает практика, закрытие производства не всегда свидетельствует о реальном исполнении судебного решения.

При сохранении системы в том виде, в котором она работает сейчас, надлежащее исполнение судебных решений не возможно. Реформирование однозначно необходимо. Однако что должно лежать в основе такого реформирования: совершенствование существующей системы или формирование новой, которая будет способна более эффективно функционировать в пределах нашего государства?

До января 2015 года своевременное, полное и непредвзятое исполнение судебных решений в Украине было возложено на Государственную исполнительную службу Украины – центральный орган исполнительной власти, деятельность которого направ-

лялась и координировалась Кабинетом Министров Украины через министра юстиции.

Однако Постановлением Кабинета Министров Украины от 21 января 2015 года № 17 Государственная исполнительная служба Украины была ликвидирована, а функции по реализации государственной политики в сфере организации принудительного исполнения судебных решений возложены на Министерство юстиции Украины.

В Министерстве юстиции Украины анонсировали, что такой шаг – это лишь первый этап реформы системы принудительного исполнения судебных решений. В связи с чем чрезвычайно важным и актуальным на сегодня становится определение основных направлений такого реформирования, их теоретико-правовое обоснование.

Состояние исследования. Проблемы, связанные с исполнением судебных решений в рамках гражданского и уголовного процесса, входили в предмет исследования многих отечественных ученых, в частности В.Т. Маляренко, М.М. Михеенко, В.М. Тертишника, Е.В. Фесенко, С.Я. Фурсы, В.П. Шибико, М.И. Штефана и других.

Целью статьи является исследование основных направлений реформирования системы принудительного исполнения судебных решений в Украине.

Изложение основного материала. Одним из возможных направлений реформы системы принудительного исполнения судебных решений сегодня рассматривается формирование частной системы исполнения судебных решений. Соответствующие законопроекты неоднократно вносились на рассмотрение в парламент. В последнее время эта идея все чаще озвучивается должностными лицами различных уровней.

Сторонники такой модели реформирования отмечают, что в большинстве европейских стран подобная система эффективно функционирует и демонстрирует высокую результативность, в частности, в аспекте надлежащего исполнения решений судов.

Возможность введения института частных исполнителей представляется многим экспертам довольно прогрессивной и целесообразной. Однако до начала проведения каких-либо реформ необходимо дать четкие и однозначные ответы на ряд вопросов. Во-первых, какие категории дел будут отнесены к сфере полномочий частных исполнителей. Во-вторых, кто будет осуществлять функции частных исполнителей, каким образом будет осуществляться профессиональная подготовка таких лиц. В-третьих, кто будет осуществлять контроль и надзор за их деятельностью.

Некоторые отечественные эксперты пытаются ответить на эти вопросы, используя опыт реформирования системы принудительного исполнения судебных решений в постсоветских странах. Однако не следует забывать, что приоритетным направлением развития внешней и внутренней политики Украины определена евроинтеграция, конечной целью которой должно стать вхождение нашей страны в Европейский Союз. Поэтому при поиске ответов на указанные вопросы ориентиром должен быть именно опыт европейских стран, в которых уровень исполнения судебных решений является чрезвычайно высоким, а не опыт бывших советских республик. Только с учетом практики реформирования

системы принудительного исполнения судебных решений в Европе можно критически оценить перспективы внедрения в Украине института частных исполнителей.

Рекомендацией Комитета министров Совета Европы государствам-членам «Об исполнении судебных решений» № Rec(2003)17 от 9 сентября 2003 года (далее – Рекомендация № Rec(2003)17) определены принципы исполнения судебных решений, в частности, касающиеся организации самой процедуры исполнения и требований, предъявляемых к судебным исполнителям (далее – исполнители).

В соответствии с Рекомендацией № Rec(2003)17 каждое государство самостоятельно определяет статус исполнителей, который должен обеспечивать достоверность и прозрачность процедуры исполнения судебных решений. Такой статус напрямую зависит от системы исполнения судебных решений, которая сформировалась в конкретной стране [1].

Преимущественно в большинстве стран функционирует государственная или частная система. Однако для некоторых стран характерна смешанная система, которая предусматривает функционирование в ее рамках как государственных, так и частных исполнителей. Выбор той или иной системы зависит от категории судебных решений, которые подлежат принудительному исполнению.

Так, исполнение судебных решений по гражданским делам в европейских странах осуществляют преимущественно частные исполнители, в то время как исполнение судебных решений по уголовным делам в большинстве стран относится к компетенции государственных исполнителей [2].

Таким образом, для Европы характерным является сосуществование в пределах одной страны двух систем исполнения судебных решений: частной при исполнении судебных решений по гражданским делам и государственной при исполнении судебных решений по уголовным делам.

В странах с государственной системой, таких как Австрия, Дания, Италия, Лихтенштейн, Германия, Сан-Марино, Финляндия, Хорватия, Швеция и другие, исполнение судебных решений могут осуществлять судьи,

судебные приставы, которые работают в государственных учреждениях, и другие исполнители, перечень которых определяется законодательством [3].

В некоторых странах (например, в Швеции) исполнение судебных решений возлагается на специальную исполнительную службу, которая состоит из работников суда, не являющихся ни судьями, ни судебными приставами. Исполнение судебных решений может возлагаться на работников суда, не имеющих статуса судьи, однако осуществляющих отдельные судебные полномочия (например, в Австрии) [3].

В странах с частной системой, таких как Эстония, Латвия, Литва, Молдова, Нидерланды, Польша, Румыния, Венгрия, Словакия, Словения и другие, исполнение судебных решений возлагается на частных исполнителей (судебных приставов). Оплата труда исполнителей осуществляется за счет средств ответчика. Это обеспечивает им определенную автономию при выполнении профессиональных обязанностей [3].

Значительное внимание в европейских странах уделяется вопросу профессиональной подготовки исполнителей.

Согласно Рекомендации № Rec(2003)17 при приеме на работу исполнителей необходимо учитывать моральные качества кандидатов, их правовую подготовку и знания относительно процедуры принудительного исполнения. Поэтому для оценки их теоретических и практических знаний исполнители должны сдавать экзамены, проходить первичную и последующую подготовку.

В Рекомендации № Rec(2003)17 также содержатся положения, связанные с морально-этическими качествами, которыми должен обладать исполнитель. Так, исполнители должны быть честными и компетентными при выполнении своих обязанностей, а также всегда действовать в соответствии с установленными высокими профессиональными и этическими стандартами. Кроме того, они должны быть беспристрастными в отношении со сторонами исполнительного производства [1].

Наличие юридического образования, прохождение специальной подготовки (которая отличается от «подготовки без отрыва от производства»)

для уже работающих исполнителей) и успешная сдача специального экзамена являются важнейшими требованиями, которые выдвигаются к кандидатам на должность исполнителя, и закрепляются на законодательном уровне. В некоторых странах уровень подготовки исполнителей должен соответствовать уровню подготовки судей и адвокатов [2; 3].

Процедура профессиональной подготовки и уровень ее организации в большинстве стран напрямую зависит от статуса исполнителя.

В странах с государственной системой исполнения судебных решений специальная подготовка и процедура отбора отсутствуют. Исполнение судебных решений возлагается на государственных служащих, работающих в судебном ведомстве под руководством компетентного судьи (например, в Андорре), или на сотрудников суда (например, в Дании, Черногории). Если привлекаются судебные приставы, то они, как правило, работают непосредственно в государственном учреждении (например, в Дании, Финляндии, Ирландии, Норвегии, Сербии).

И наоборот, специальная подготовка и процедура отбора исполнителей применяются почти во всех странах с частной системой исполнения судебных решений [2; 3].

Рассмотрим более подробно требования, которые предъявляются к исполнителям, и порядок осуществления их профессиональной подготовки во Франции и Польше – странах, где исполнение судебных решений по гражданским делам осуществляется государственными служащими на частной основе.

Во Франции к кандидатам на должность исполнителя выдвигаются следующие требования:

- наличие французского гражданства;
- соответствие морально-этическим критериям (не совершать действий, порочащих честь и добродетель исполнителя; не совершать действий, которые влекут за собой применение дисциплинарных или административных санкций в виде отстранения от должности, исключения из профессионального корпуса, отзыва, аннулирования согласия или разрешения на ведение деятельности и так далее);

– наличие диплома, свидетельствующего о получении высшего юридического образования;

– прохождение профессиональной стажировки в течение двух лет, из которых не менее одного года в конторе судебного пристава, потом у нотариуса, адвоката, присяжного оценщика или судебного поверенного, а затем прохождение курса профессионального обучения;

– сдача государственного экзамена на профессиональную пригодность;

– принятие присяги в течение месяца с момента своего назначения на должность.

Исполнители назначаются на должность министром юстиции Франции, но являются независимыми при осуществлении своих профессиональных обязанностей. Регламентацию и управление деятельностью исполнителей во Франции осуществляет Министерство юстиции и Национальная палата судебных исполнителей [4; 5; 6].

В Польше по аналогии с французской моделью введена смешанная система исполнения судебных решений по гражданским делам.

За судебными приставами в Польше закрепляется статус публичных (государственных) служащих, которые не являются работниками суда или любого другого государственного органа.

Судебные приставы осуществляют деятельность, подобную деятельности органов публичной администрации, имеют удостоверение (аналогичные тем, которые выдаются государственным служащим) и печати.

В то же время судебные приставы осуществляют свою деятельность самостоятельно, на собственный риск, несут полную ответственность за результаты исполнения судебных решений. Это фактически приравнивает их деятельность к предпринимательской.

Каждый судебный пристав должен быть зарегистрированным в одном окружном суде, но при этом может осуществлять свою деятельность в пределах всей страны.

Для занятия должности судебного пристава кандидаты должны иметь высшее образование и опыт работы в этой сфере. Так, среди требований, предъявляемых к кандидату, есть высшее юридическое образование и двухлетняя стажировка, в течение которой

кандидат получает необходимые практические знания и навыки.

Для того чтобы начать стажировку, кандидат должен успешно сдать экзамен. Для успешного завершения первого года стажировки кандидат должен под руководством судебного пристава самостоятельно осуществить определенные виды деятельности по исполнению судебных решений. Для успешного завершения второго года стажировки кандидат должен сдать итоговый экзамен. Кандидаты, успешно сдавшие итоговый экзамен, назначаются на должность помощника судебного пристава и вносятся в реестр помощников. Назначение на должность помощника судебного пристава в Польше осуществляется председателем апелляционного суда. Срок работы на должности помощника должен быть не менее 2 лет. Только по истечении этого срока помощник может подать документы на занятие должности судебного пристава.

Требование о прохождении стажировки не выдвигается к лицам, имеющим научную степень в области права, а также представителям юридических профессий, в частности судьям, прокурорам, адвокатам, юридическим советникам, нотариусам и лицам, прошедшим подготовку, необходимую для занятия соответствующих должностей.

Назначение судебного пристава на должность осуществляется министром юстиции после согласования кандидатуры с председателем апелляционного суда, в территориальной юрисдикции которого кандидат проходил стажировку. Перед назначением на должность министр юстиции проводит консультации относительно кандидата с Ассоциацией судебных приставов Польши. Министр юстиции также увольняет судебных приставов с занимаемых должностей.

Для осуществления деятельности по исполнению судебных решений судебный пристав должен открыть офис в округе, где он зарегистрирован. Количество сотрудников офиса зависит от количества дел судебного пристава [5; 7].

Важной гарантией правосудия в Европе является осуществление контроля и надзора за деятельностью исполнителей.

В большинстве стран такой контроль и надзор является систематиче-

ским и осуществляется несколькими органами.

Среди органов, на которых возложена функция контроля и надзора за деятельностью исполнителей, можно выделить такие:

- органы прокуратуры (например, в Бельгии, Франции, Люксембурге, Монако и других странах), которые никогда не осуществляют контроль и надзор за деятельностью исполнителей самостоятельно, а разделяют функцию контроля и надзора преимущественно с судьями или профессиональным органом;

- судебные органы (например, в Андорре, Бельгии, Литве, Монако, Польше, Румынии, Венгрии, Франции, Хорватии, Чехии и других странах);

- министерства юстиции (например, в Бельгии, Болгарии, Италии, Латвии, Литве, Нидерландах, Польше, Румынии, Венгрии, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии и других странах);

- специально созданные профессиональные органы (например, в Австрии, Бельгии, Болгарии, Латвии, Нидерландах, Польше, Румынии, Венгрии, Франции, Чехии и других странах);

- другие органы, которые определяются законодательством (например, в Бельгии, Дании, Латвии, Нидерландах, Норвегии, Финляндии, Швеции и других странах) [2; 3].

Контроль и надзор за деятельностью исполнителей во Франции осуществляют такие органы:

- Национальная палата судебных исполнителей;

- Министерство юстиции (контроль за исполнением судебных решений, определение количества исполнителей, рассмотрение жалоб на действия исполнителей, внесение соответствующих изменений в законодательные акты, касающиеся деятельности исполнителей);

- Прокурор Франции (проведение инспекций и проверок финансовых и бухгалтерских документов, открытие уголовного производства против исполнителя);

- специальная категория судей – «судьи по исполнению» (рассмотрение жалоб на действия исполнителя, решение вопросов, возникающих в процессе принудительного исполнения судебных решений) [6].

Функция контроля и надзора за деятельностью судебных приставов в Польше возложена на такие органы:

- орган самоуправления судебных приставов;

- Министерство юстиции;

- судебные органы, в пределах юрисдикции которых зарегистрированы судебные приставы [7].

Изучив опыт Франции и Польши относительно функционирования системы принудительного исполнения судебных решений, приходим к определенным выводам.

Во-первых, введение частной системы исполнения судебных решений для всех категорий дел, по нашему мнению, является преждевременным и популистским предложением. Частная система не может одинаково эффективно работать при исполнении судебных решений как по гражданским делам, так и по уголовным делам. Единственным возможным для Украины направлением является применение двух систем одновременно: оставить институт государственных исполнителей для принудительного исполнения судебных решений по уголовным делам и ввести институт частных исполнителей для принудительного исполнения судебных решений по гражданским делам. При введении института частных исполнителей положительным будет использование опыта Франции и Польши, где исполнители хотя и осуществляют деятельность на частной основе, но являются публичными (государственными) служащими.

Во-вторых, одно лишь предоставление исполнителям частного статуса не решит проблему надлежащего исполнения судебных решений. Вполне очевидно, что частными исполнителями (при условии введения такого института в Украине) станут преимущественно государственные исполнители, уровень профессиональной компетенции которых остается чрезвычайно низким. Кроме того, без обеспечения необходимых условий труда и предоставления достойного вознаграждения за работу даже частные исполнители не будут заинтересованы в результатах своей деятельности.

В-третьих, в случае введения института частных исполнителей необходимо выполнить следующие действия:

- разработать соответствующую концепцию, четкое видение функционирования этого института в правовой системе Украины;

- подготовить проекты законодательных актов, которые закрепляли бы правовой статус частных исполнителей, требования к кандидатам на должность исполнителя, среди которых обязательными являются наличие высшего юридического образования и прохождение специальной подготовки;

- создать предпосылки для построения эффективной системы профессиональной подготовки исполнителей, поскольку от профессионализма исполнителей при осуществлении своих полномочий зависит качество их работы, а значит – и количество реально исполненных судебных решений;

- ввести надежную систему контроля и надзора за деятельностью частных исполнителей; при этом необходимо четко определить перечень субъектов, на которых будут возложены функции контроля и надзора, а также закрепить действенные механизмы осуществления такого контроля и надзора.

Выводы. Таким образом, реформирование системы принудительного исполнения судебных решений должно происходить поэтапно путем принятия необходимых нормативно-правовых актов, которые определяют правовую основу и порядок деятельности органов принудительного исполнения судебных решений в Украине. При быстром переходе от государственной к частной системе без формирования необходимой законодательной базы не исключено, что деятельность частных судебных исполнителей сведется к самопроизвольному вымогательству денег у населения, как это имело место в первые годы деятельности коллекторских фирм в Украине.

Список использованной литературы:

1. Recommendation Rec(2003)17 of the Committee of Ministers to member states on enforcement [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=Rec\(2003\)17&Sector=secCM&Language=lanEnglish&Ver=original&BackColorInternet=eff2fa&BackColorIntranet=eff2fa&BackColorLogged=c1cbe6](https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=Rec(2003)17&Sector=secCM&Language=lanEnglish&Ver=original&BackColorInternet=eff2fa&BackColorIntranet=eff2fa&BackColorLogged=c1cbe6).

2. European judicial systems. Edition 2014 (2012 data): efficiency and quality of justice. Report of European Commission for the Efficiency of Justice [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.coe.int/t/dghl/cooperation/cepej/evaluation/2014/Rapport_2014_en.pdf.

3. Enforcement of Court Decisions in Europe. Report of European Commission for the Efficiency of Justice [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.coe.int/t/dghl/cooperation/cepej/series/Etudes8Execution_en.pdf.

4. Enforcement of judgments [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ec.europa.eu/civiljustice/enforce_judgement/enforce_judgement_gen_en.htm.

5. Information from European e-Justice Portal [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://e-justice.europa.eu/home.do?plang=en&action=home>.

6. Міжнародний досвід у сфері виконавчого провадження [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fssprus.ru/ispolnenija_ispolnitelnykh_dokumentov_v_v_inostrannykh_gosudarstvakh.

7. Fronczek R. The bailiff profession in Poland / R. Fronczek [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ebrd.com/downloads/research/law/lit14ek.pdf>.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОЕННЫХ ПРОКУРАТУР В УКРАИНЕ

Елена КОЗАЧУК,

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин
Национальной академии прокуратуры Украины,
юрист II класса

Summary

The research methodology of the issues regarding military prosecutor's offices operation beyond the criminal area in Ukraine is under consideration. The classification of methods of scientific research is being carried out. It is outlined that scientific achievements without using them in practice are senseless. The notion "military prosecutor's offices operation" is defined. The attention is drawn to the range of special scientific methods of research of problematic issues regarding organization and operation of military prosecutor's offices. The article detects that the methods, defining the direction of research, make up the tools, the methodological basis for study of the issues of military prosecutor's offices operation in Ukraine. Finally, a conclusion is being drawn that the used series of methods will also in general facilitate formulating reasonable and solid, proved and true conclusions on research of particularities of organization and operation of military prosecutor's offices in Ukraine.

Key words: methodological grounds, methodology, method, classification, theory, practice, military prosecutor's office, result.

Аннотация

В статье рассматривается методология исследования проблем функционирования военных прокуратур в Украине вне уголовной сферы. Проведена классификация методов научного исследования. Обращается внимание на то, что научные достижения без применения на практике бессмысленны. Выведено определение понятия «функционирование военных прокуратур». Акцентируется внимание на комплексе специально-научных методов исследования проблемных вопросов организации и деятельности военных прокуратур. Отмечено, что представленные научные методы, определяющие направление исследования, составляют своеобразный инструментарий, методологическую основу для изучения проблем деятельности военных прокуратур в Украине на современном этапе. Сделан вывод о том, что использованный комплекс методов в целом позволяет сформулировать обоснованные выводы о конкретных направлениях исследования особенностей организации и деятельности военных прокуратур в Украине.

Ключевые слова: методологические основы, методология, метод, классификация, теория, практика, военные прокуратуры, результат.

Постановка проблемы. Деятельность людей в любой ее форме (научной, практической и так далее) определяется целым рядом факторов. Конечный ее результат зависит не только от того, кто действует (субъект) или на что она направлена (объект), но и от того, как совершается данный процесс, какие способы, приемы, средства при этом применяются [1, с. 167]. К средствам научной деятельности относятся также методы получения, проверки, обоснования и построения знания, которые выделены в самостоятельный фактор в силу их специфики и особой значимости в научно-познавательной деятельности.

Правильность полученных результатов (выводов) исследования обуслав-

ливается правильностью выбранных методов. Выбор, а тем более создание нового метода, наиболее адекватного сущности изучаемого объекта, – одно из высших проявлений творческих способностей ученого. Р. Декарт говорил: «Уж лучше совсем не помышлять об отыскании каких бы то ни было истин, чем делать это без всякого метода» [2].

Метод (от греч. μέθοδος – путь через, способ познания; англ. method, нем. method) – путь к чему-либо, способ деятельности субъекта в любой ее форме [1, с. 167], систематизированная совокупность шагов, которые необходимо осуществить для выполнения определенной задачи, достижения цели [3, с. 250–268].

История и современное состояние познания и практики убедительно показывают, что далеко не всякий метод, не любая система принципов и других средств деятельности обеспечивают успешное решение теоретических и практических проблем. Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным.

В «Большой советской энциклопедии» указано, что методология – это учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности [4, с. 227]. В литературе обращается внимание, что она обобщает проверенные широкой общественно-исторической практикой рациональные формы организации деятельности [5, с. 35]. В целом понятие методологии имеет два основных значения: 1) система определенных способов и приемов, применяемых в той или иной сфере деятельности; 2) учение об этой системе, общая теория метода, теория в действии [6, с. 300]. А.М. Новиков и Д.А. Новиков, устраняя абстрактную диаду «практическая – теоретическая деятельность», которая в виде противопоставления существовать не может, определяют методологию только во втором значении как учение об организации деятельности [5, с. 21]. Однако, по нашему мнению, применение потребует оба подхода, поскольку в реальной жизни, конечно, более важным является определение содержания методологии как соответствующей «системе принципов и средств». Тем самым четко ограничивается объект «учение о такой системе». Кроме того, в целях нашего исследования теоретическая составляющая военной прокуратуры также должна выделяться, поскольку в большинстве случаев она имеет свои существенные особенности.

В контексте продолжающегося процесса реформирования украинской правовой системы, принятия нового Закона Украины «О прокуратуре» от 14 октября 2014 года [7], воссоздания военных прокуратур дискуссия по проблемам их функционирования приобретает особую актуальность. В связи с этим важно определить с методологической основой исследования проблем деятельности военных прокуратур.

Целью статьи является правильное определение методологии научного исследования проблем деятельности

военных прокуратур вне уголовной сферы как подсистемы системы прокуратуры Украины и как органа государственной власти, элемента всей системы правоохранительных органов Украины. При этом очевидно, что актуальность исследования в таком спектре обуславливается тем, что институт военных прокуратур нельзя исследовать в отрыве от реально существующей государственно-правовой действительности.

Изложение основного материала.

По нашему мнению, *функционирование военных прокуратур* следует понимать как деятельность специализированных прокуратур, включенных в единую систему органов прокуратуры Украины, с реализацией своих полномочий по всему спектру прокурорской компетенции с целью обеспечения законности и укрепления правопорядка, защиты прав и свобод граждан и интересов государства в специфических сферах человеческой деятельности.

Кроме того, хотелось бы отметить, что в процессе научного познания должно иметь место не только единство эмпирии и теории, но и взаимосвязь, взаимодействие последней с практикой. Говоря о механизме такого взаимодействия, К. Поппер справедливо указывает на недопустимость разрушения единства теории и практики [8, с. 258, 296–271].

Методологический арсенал исследования проблем функционирования органов военной прокуратуры Украины в ходе научного познания позволяет выявить природу, сущность, правовой режим деятельности военной прокуратуры вне уголовной сферы. В частности, это комплекс методов, которые образуют четыре группы:

- 1) философские методы;
- 2) общенаучные методы: логический, исторический, системный, синергетический, индукции, дедукции, анализа, синтеза, обобщения, абстрагирования, моделирования, прогнозирования, рациональной критики и так далее;
- 3) специально-научные методы: сравнительно-правовой, специально-юридический, нормативно-догматический, статистико-правовой и так далее;
- 4) конкретно-научные методы, которые используются современными гуманитарными, в том числе

юридическими, науками: конкретно-социологический, метод периодизации [9, с. 140–141].

Избранные методы исследования проблем деятельности военных прокуроров составляют предмет задачи статьи. Они исходят из необходимости комплексного и надлежащего анализа предмета исследования, а также особенностей отношений, которые складываются при осуществлении деятельности военной прокуратурой.

Среди философских методов наиболее древним является диалектический. Однако философские методы, по мнению В.П. Кохановского, не исчерпываются только диалектическим. Мы придерживаемся его точки зрения и также считаем, что к их числу можно отнести такие методы, как аналитический, интуитивный, феноменологический, герменевтический (понимание) и другие [1, с. 183]. Именно классические диалектические методы, используемые в нашем исследовании, дают возможность проанализировать проблему развития и функционирования военной прокуратуры, перспективы развития и повышения эффективности ее деятельности, взаимосвязь с государственно-правовыми явлениями, оценить все эти события и факты в их развитии и взаимосвязи. Кроме того, эти методы помогают выявить и ликвидировать противоречия в объяснении фактов государственно-правовых явлений, выработать свое критическое отношение к любым неточностям и непоследовательности в получении информации.

Второй уровень методологии можно обозначить как общенаучную методологию, то есть методы, которые используются в большинстве наук. Использование общенаучных методов обеспечивает целостное восприятие объекта исследования и всесторонний анализ связи между отдельными элементами в рамках целого.

Методы индукции и дедукции обеспечивают выделение общих черт в деятельности военной прокуратуры и специальных (особенных) в осуществлении такой деятельности, а также в выявлении военно-правового режима.

Методы анализа, аналогии, синтеза, сравнения, аргументации, абстрагирования, конкретизации, обобщения, формализации, идеализации, аналогии, моделирования, мысленного экспери-

мента, систематизации, классификации [8, с. 291], актуализации [10, с. 17–21] и герменевтический метод применялись при постановке задач, в описательной части и при формулировке выводов статьи. Указанные методы обеспечивают уточнение (детерминацию и редукцию) ряда юридических понятий и правовых категорий в широком и узком смысле. Также приемы логики, дедукции и индукции, анализа и синтеза помогают избежать случайностей, неточностей, несущественного в процессе обработки материалов Главной военной прокуратуры Украины, военных прокуратур регионов и подчиненных им. И только вся совокупность методологического материала вместе позволяет уточнить особенности развития и функционирования военных прокуратур в Украине.

Исторический метод следует использовать для исследования генезиса военных прокуратур на территории современной Украины. Ведь прежде чем изучать современное состояние функционирования военной прокуратуры (прокуратуры по надзору за соблюдением законов в военной сфере) в механизме государства Украины, следует проанализировать и оценить предварительные этапы становления, развития этого института, что происходило под влиянием факторов, которые соответствуют определенному историческому периоду. Этот метод составляет основу историко-правовой части исследования. Он применяется не только с позиций обстоятельств и воздействий, но и сухого эмпиризма деятельности и развития прокуратуры (деятельности прокуратуры в военной сфере) в разные исторические периоды, не ограничивается только описательным изложением историко-правовых событий, а используется более широко [11, с. 20].

Всесторонней характеристике исследуемого явления (военной прокуратуры, системы военных прокуратур) способствует системный подход, при котором прокуратуру и ее подсистему – военную прокуратуру – мы рассматриваем как целую систему, которая объединяет взаимосвязанные элементы, охваченные диалектикой целого и частей, общего и частного.

Для комплексного познания оснований и условий процесса организационного построения, функций, особенностей полномочий военных прокуроров

как составляющей (структурного элемента) всей системы прокуратуры Украины и как составляющей государственного механизма следует использовать метод системного анализа (структурно-системного анализа, структурно-функционального анализа).

Сравнение следует применять для классификации право-государственных явлений, выяснения их исторической последовательности, генетических связей между ними, общих и конкретных закономерностей развития, традиций и новаций. Такие методы являются также мощным средством сравнительно-типологического изучения организационно-правового статуса органов прокуратуры зарубежных стран, имеющих полномочия в военной сфере. Метод системного анализа применяется во взаимодействии с системным подходом, поскольку периодизация как методологическая операция является разновидностью систематизации, которая в принципе не возможна без рассмотрения историко-правового процесса как системы. Рассмотрение последней как открытой, такой, которая взаимодействует с окружающей средой, самоорганизующейся системы требует также применения синергетического подхода для преодоления в работе и суждениях догматизма, одномерного и линейного мышления [12, с. 12]. Это позволяет менять интуитивные прогнозы в развитии военной прокуратуры Украины на ее конструктивную модель, понимать природу кризисов государственно-правового характера и их влияние на эволюцию механизма государства и военной прокуратуры как его составляющей.

Методы ретроспективного и перспективного анализа, прогнозирования и моделирования должны использоваться при выявлении недостатков действующего законодательства относительно военной сферы и организации деятельности прокуратуры, в том числе по отдельным смежным понятиям. Например, это относится к понятию «військової» (военной) сферы и его корректному применению в терминологии, касающейся прокурорской деятельности, – названии ведомственного Приказа Генерального прокурора Украины «Об особенностях деятельности военных прокуратур» от 29 августа 2014 года № 12гн [13]. Такие методы

послужат для формулировки предложений, направленных на совершенствование законодательства, регулирующего отношения в военной сфере в целом и по вопросам деятельности военной прокуратуры в частности. А главное – для повышения эффективности такого вида государственной деятельности.

Метод абстрагирования (абстракции) используется нами для отвлечения от свойств и отношений, не значительных для данного исследования. Соответственно, «оставшиеся» оказываются на переднем плане и представлены как необходимые для решения задач исследования, выступают в качестве предмета изучения. Также это метод служит основой научного познания. Он может использоваться и для создания системы понятий, формулировки новых идей, концепций и принципов, на которых должна основываться деятельность военной прокуратуры.

В целом метод идеализации основан на абстрагировании, но предполагает также мысленное конструирование таких объектов. Этот познавательный прием предполагает как фантазию, воображение, так и расчет, строгую логическую последовательность. Он позволяет еще больше, чем в обычной абстракции, обнажить значимые для исследования признаки военной прокуратуры, увидеть проявления объективной закономерности в развитии ее деятельности. Создание формализованных описаний не только имеет собственно познавательную ценность, но и является условием для использования на теоретическом уровне метода теоретико-правового моделирования [8, с. 306]. В сочетании с прогностическим методом они позволяют создать идеальную модель военной прокуратуры, которая может эффективно работать на данном этапе социально-политического развития нашего государства, а также выработать предложения по совершенствованию и реформированию военной прокуратуры в механизме государства Украины, оценить преимущества и недостатки различных концепций решения этого вопроса [14, с. 30–31].

Под специально-научными методами юридических дисциплин понимаются методы, применяемые в конкретной сфере научного знания или в нескольких науках, то есть сфера их применения является ограниченной. Специальные

методы отдельных юридических наук делятся на их собственные методы, разработанные и применяемые только ими или в некоторых юридических научных дисциплинах, а также специальные методы других наук.

Например, к предмету сравнительного правоведения относятся общие и отличительные свойства национальных правовых систем, международного права и правовых систем межгосударственных объединений, а основу методологии составляет сравнительно-правовой метод. Этот метод может использоваться для проведения анализа содержания действующего украинского законодательства, сопоставления законов, других нормативно-правовых актов, отраслевых приказов, юридических терминов и понятий. Именно этот метод дает возможность проанализировать мировой опыт организации и деятельности военной прокуратуры во многих европейских странах, в том числе постсоциалистических, с целью установления особенностей деятельности прокуратуры в военной сфере.

Специально-юридический метод способствует конкретизации юридических понятий, определению особых признаков правовых явлений. Нормативно-догматический метод помогает изучить институт военной прокуратуры как государственно-политическое и социальное явление, выработать типологию и классификацию прокуратур зарубежных стран, имеющих полномочия в военной сфере. Статистически-правовой метод способствует оценке военной прокуратуры как подсистемы системы органов прокуратуры Украины, составляющей механизма государства со стороны аспекта количественных и качественных показателей, изменений правовых фактов, их предпосылки, закономерностей и последствий [11, с. 23; 15, с. 398].

Предложенная и проведенная нами классификация методов не является исчерпанной и единственно возможной. Она могла бы быть проведена и несколько иначе в зависимости от подхода к этой проблематике другого автора и его научной позиции. Наука вообще и учение о методах в частности – это развивающееся и меняющееся явление [15, с. 412–418].

Выводы. Таким образом, представленные научные методы, опреде-

ляющие направление исследования, составляют своеобразный инструментарий, методологическую основу для изучения проблем деятельности военных прокуратур в Украине.

Принимая во внимание значимость методологии, необходимо учитывать влияние методологических инноваций, характерных для общего развития правовой науки как таковой, в исследовании проблем функционирования военных прокуратур в Украине. Также следует учесть достижения философии права, которые имеют огромное влияние на формирование методологической, теоретической базы исследования (в виде новых концептуальных подходов и модификаций общенаучных методов).

При определении методологических основ исследования следует иметь в виду, что в них воплощена конкретика исследовательской работы, категориального аппарата, а следовательно, методологические основы исследования проблем функционирования военных прокуратур в Украине на современном этапе, что никем не было произведено ранее. Кроме того, использованный комплекс методов в целом позволяет сформулировать обоснованные выводы о конкретных направлениях исследования особенностей организации и деятельности военных прокуратур в Украине.

Список использованной литературы:

1. Кохановский В.П. Философия и методология науки : [учебник для высш. учеб. завед.] / В.П. Кохановский. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 576 с.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе. Метафизические размышления. Начала философии / Р. Декарт. – М. : Вежа, 1998. – 302 с.
3. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Р. Декарт // Декарт Р. Сочинения : в 2 т. / Р. Декарт. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 1989. – С. 250–296.
4. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / глав. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1969–1978. – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Методология>.

5. Новиков А.М. Методология / А.М. Новиков, Д.А. Новиков. – М. : СИН-ТЕГ, 2007. – 668 с.

6. Философия для аспирантов : [учеб. пособие] / В.П. Кохановский, Е.В. Золотухина, Т.Г. Лешкевич, Т.Б. Фатхи. – 2-е изд. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2003. – 448 с.

7. Про прокуратуру : Закон України від 14 жовтня 2014 року № 1697-VII // Голос України. – 2014. – № 206.

8. Микешина Л.А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : [учеб. пособие] / Л.А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция ; МПСИ ; Флинта, 2005. – 464 с.

9. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки : [монография] / Э.Г. Юдин. – М. : Наука, 1978. – 391 с.

10. Єріна А.М. Методологія наукових досліджень : [навч. посібник] / А.М. Єріна, В.Б. Захожай, Д.Л. Єрін. – К. : Центр навчальної літератури, 2004. – 212 с.

11. Кравчук В.М. Інституційно-правовий аспект функціонування прокуратури України як органу державної влади : [монографія] / В.М. Кравчук. – Тернопіль : ТзОВ «Терно-граф», 2013. – 272 с.

12. Кривцова І.С. Методологічна роль синергетики у порівняльно-правовому пізнанні : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 «Теорія та історія держави і права; історія політичних та правових учень» / І.С. Кривцова. – О., 2008. – 20 с.

13. Про особливості діяльності військових прокуратур : Наказ Генерального прокурора України від 29 серпня 2014 року № 12Гн [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.gp.gov.ua>.

14. Котюк В.О. Загальна теорія держави і права : [навч. посібник] / В.О. Котюк. – К. : Атіка, 2005. – 592 с.

15. Философия и методология познания : [учебник для магистров и аспирантов] / под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой. – СПб. : Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2003. – 560 с.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТА В УКРАИНЕ И РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

Валерий КОЛЮХ,

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политических наук

Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The article contains the comparative analysis of the president's institute in the context of their form of government established by the Constitution of the Ukraine and the Constitution of the Republic of Moldova with their subsequent amendments. The main attention is paid to the analysis of the process of electing the president of the Ukraine and the Republic of Moldova, the detecting differences in their functions and powers in the executive and legislative branches, the impact by the president's institute on the functioning of the parliament and government, the political stability in the country.

Key words: form of government, president, parliament, government.

Аннотация

Статья содержит сравнительный анализ института президента в контексте учрежденной конституциями Украины и Республики Молдова формы государственного правления с ее последующими изменениями. Основное внимание уделяется анализу способа избрания президентов Украины и Республики Молдова, выяснению отличий в их функциях и полномочиях в сфере исполнительной и законодательной власти, а также влиянию института президента на функционирование парламента и правительства, политическую стабильность в стране.

Ключевые слова: форма государственного правления, президент, парламента, правительство.

Постановка проблемы. Важной составляющей конституционного института президента является способ его избрания. Как уже отмечалось, в президентской и смешанной республике президент избирается, как правило, путем всеобщих и прямых выборов, в парламентской республике – парламентом. Избрание президента путем всеобщих и прямых выборов является конфликтогенным фактором по отношению к обществу, сначала дифференцируя его на сторонников различных кандидатов на пост президента, а в итоге, во втором туре выборов, раскалывая общество на приверженцев и оппонентов каждого из двух кандидатов.

Изложение основного материала.

Поскольку в выборах президента принимает участие обычно 50–60% граждан, имеющих право голоса, половины голосов которых достаточно для избрания президента, то «всенародно избранный президент» – это чаще всего политический деятель, фактически навязанный меньшинством общества его большинству.

Президентские выборы требуют огромных непроизводительных расходов финансовых средств, в том числе из государственного бюджета, сопровождаются манипулированием массовым сознанием с использованием утонченных психологических приемов и разнообразных технических средств.

Кроме того, избрание президента путем всеобщих и прямых выборов порождает явления двойной легитимности и разделенного правления, отрицательно влияющие на функционирование всей системы государственной власти и наиболее отчетливо проявляющиеся в президентской республике.

Двойная легитимность заключается в том, что при избрании президента путем всеобщих и прямых выборов народ как единственный источник власти в государстве делегирует властные полномочия двум относительно не зависимым друг от друга высшим органам государства – президенту и парламенту. Каждый из этих органов претендует на «выражение воли народа». Они соперничают в борьбе за властные полномочия, влияние на политику государства. Иногда такая борьба приобретает форму вооруженной конфронтации.

Избираемый путем всеобщих и прямых выборов президент обычно является лидером одной из наиболее влиятельных в стране политических партий. Если такая партия преобладает в парламенте, особенно если ей принадлежит абсолютное большинство депутатских мандатов, президент становится фактически единоличным правителем в государстве: возглавляя исполнительную власть, он через парламентское большинство из представителей пропрезидентских партий одновременно контролирует власть

законодательную. Если же в парламенте преобладают оппозиционные к президенту и представляемой им партии политические силы, возникает ситуация так называемого разделенного (между парламентом и президентом) правления, характеризующаяся острой политической борьбой между ними и отрицательно сказывающаяся на всем государственном правлении.

В смешанной республике к этим двум источникам противоречий и нестабильности в государственном правлении прибавляется третий – дуализм исполнительной власти, заключающийся в разделении полномочий по ее осуществлению между двумя относительно не зависимыми друг от друга высшими органами государства: президентом и правительством. Система жестко централизованной исполнительной власти не совместима с двоевластием, наличие которого не только снижает эффективность ее функционирования, но и порождает противостояние президента и премьер-министра.

Парламентская форма республиканского правления, при которой президент избирается парламентом и осуществляет свои полномочия под контролем формируемого парламентом правительства, исключает явления двойной легитимности, разделенного правления и дуализма исполнительной власти.

За годы независимости Украина в полной мере ощутила на себе отрица-

тельное воздействие всех трех институциональных источников политической нестабильности (и двойной легитимности, и разделенного правления, и дуализма исполнительной власти). Согласно Конституции Украины Президент Украины имел или имеет право назначать и увольнять министров, руководителей других центральных органов исполнительной власти, председателей местных государственных администраций, создавать, реорганизовывать и ликвидировать министерства и другие центральные органы исполнительной власти, отменять акты правительства или приостанавливать их действие. Конституционная реформа 2004 года существенно ограничила полномочия Президента Украины в сфере исполнительной власти, но не устранила действие этих источников. Президент Украины, как и ранее, избирается путем всеобщих и прямых выборов, наделяется значительными полномочиями в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти и время от времени (в зависимости от расклада партийно-политических сил в Верховной Раде Украины и состава сформированного ею Кабинета Министров Украины) конфликтует с парламентом и правительством.

Дошло до того, что Коммунистическая партия Украины, ее фракция в Верховной Раде Украины седьмого созыва в своих предложениях по изменению Конституции Украины предложила вообще упразднить институт Президента Украины: «Ввиду того, что более чем двадцатилетнее существование в Украине института президентства не только не способствовало консолидации украинского общества, а наоборот, нередко становилось источником нестабильности, генератором конфликтов, практически все годы независимости провоцировало борьбу за властные полномочия, предлагаем упразднить этот институт» [1].

Упразднили не институт президентства, а саму Коммунистическую партию Украины: сначала путем внесения изменений в Закон Украины «О Регламенте Верховной Рады Украины» распустили депутатскую фракцию Коммунистической партии в Верховной Раде Украины седьмого созыва, а затем возбудили в суде дело о запрете Коммунистической партии Украины

«за поддержку сепаратистов» на востоке Украины. По итогам выборов в Верховную Раду Украины, состоявшихся 26 октября 2014 года, Коммунистическая партия Украины не преодолела 5-процентный избирательный барьер и не получала представительства в парламенте. Вопрос о ее запрете потерял актуальность. Правда, собираются конституционно запретить саму коммунистическую идеологию.

В Украине категорически не воспринимается идея не только упразднения института президентства, но и перехода к избранию Президента Украины Верховной Радой Украины. Главный и, пожалуй, единственный аргумент против такого перехода сводится к тому, что «народ хотят лишиться права избирать себе президента». Отрицательные стороны избрания Президента Украины путем всеобщих и прямых выборов и его последующего правления в расчет не принимаются.

В связи с этим заслуживает внимания опыт Республики Молдова, которая также в немалой степени испытала отрицательные последствия правления «всенародно избранного» Президента Республики Молдова, по переходу к избранию главы государства Парламентом. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 года [2] учредила сначала следующий порядок избрания Президента Республики Молдова:

«Статья 78. *Выборы Президента*

1. Президент Республики Молдова избирается на основе всеобщего равногo и прямого избирательного права при тайном и свободном голосовании <...>

(3) избранным признается кандидат, набравший не менее половины голосов избирателей, принявших участие в выборах.

2. В случае если ни один из кандидатов не набрал необходимого большинства голосов, проводится второй тур голосования по первым двум кандидатам, установленным в порядке убывания числа голосов, полученных в первом туре. Избранным признается кандидат, получивший наибольшее число голосов, при условии, что оно превышает число голосов, поданных против него».

Президент Республики Молдова, таким образом, избирался путем всеобщих и прямых выборов по мажоритарной системе абсолютного большинства.

Изменения Конституции Республики Молдова Законом от 5 июля 2000 года [3] учредили парламентский способ избрания главы государства:

«Статья 78. *Выборы Президента*

1. Президент Республики Молдова избирается Парламентом тайным голосованием <...>

(3) избранным считается кандидат, набравший три пятых голосов избранных депутатов. Если ни один из кандидатов не набрал необходимого количества голосов, проводится второй тур голосования по первым двум кандидатурам, установленным в порядке убывания числа голосов, полученных в первом туре.

2. Если и во втором туре голосования ни один из кандидатов не набрал необходимого количества голосов, проводятся повторные выборы.

3. Если и после повторных выборов Президент Республики Молдова не избран, действующий Президент распускает Парламент и назначает дату выборов нового Парламента.

4. Процедура избрания Президента Республики Молдова устанавливается органическим законом».

Наверное, при учреждении порядка избрания в Республике Молдова Президента по системе квалифицированного большинства расчет делался на то, что сама возможность роспуска вынудит Парламент избрать Президента при любом раскладе в нем партийно-политических сил. Но такой расчет не оправдался: в течение нескольких лет, даже после роспуска, Парламент Республики Молдова не мог избрать Президента.

При учреждении в Молдове парламентского способа избрания Президента по системе квалифицированного большинства не был учтен опыт зарубежных государств, заключающийся в том, что в случае невозможности избрания президента в первом туре голосования в последующих турах снижаются требования к большинству голосов, необходимому для избрания. Приведем соответствующие примеры из конституций парламентских республик.

Наиболее показательной в этом отношении является Конституция Венгерской Республики от 18 августа 1949 года [4]. В ней в ч. 1 ст. 29/А указано: «Президента Республики избирает Государственное собрание на пять лет».

В ч. 2–6 ст. 29/В Конституции Венгерской Республики утверждается:

«2. Государственное собрание избирает Президента Республики тайным голосованием. По мере необходимости имеет место многократное голосование. На основании первого голосования избранным Президентом Республики является тот, кто получит две трети голосов депутатов.

3. Если в случае первого голосования это большинство не получил ни один из кандидатов, то на основе состоявшегося <...> нового выдвижения нужно проводить новое голосование. Для избрания на основе второго голосования точно так же нужно получить две трети голосов депутатов Государственного собрания.

4. Если в случае второго голосования ни один из депутатов не получил желаемого большинства, нужно проводить голосование в третий раз.

5. В этом случае можно голосовать только за тех двух кандидатов, которые в результате второго голосования получили большинство голосов. На основе третьего голосования избранным Президентом Республики является тот, кто (независимо от числа принимавших участие в голосовании) получил большинство голосов.

6. Процесс голосования должен быть завершен на протяжении самое большее трех следующих друг за другом дней».

Конституция Чешской Республики от 16 декабря 1992 года [5], в соответствии с которой Президент Республики избирается Парламентом на совместном заседании палат, в ст. 58 предусматривает роспуск Парламента только в случае невозможности избрания Президента в третьем туре выборов более чем половиной присутствующих на заседании депутатов и сенаторов.

Конституция Греции, вступившая в силу 11 июня 1975 года [6], в ст. 32 предусматривает, что для избрания Президента Республики в первом и втором туре голосования необходимы две трети голосов общего числа депутатов Парламента, в третьем туре – три пятых голосов. Если и в третьем туре такое квалифицированное большинство голосов не достигнуто, Парламент распускается. Новоизбранный Парламент может избрать Президента Республики сначала большинством в три пятых го-

лосов общего числа депутатов, затем – абсолютным большинством, после этого – относительным большинством голосов.

Аналогичным образом президент избирается во многих других парламентских республиках.

Важной составляющей конституционного статуса президента являются его полномочия в сфере законодательной власти. Основными такими полномочиями являются право законодательной инициативы, право досрочного прекращения полномочий (ропуска) парламента и право вето относительно принятых парламентом законов. И Президент Украины, и Президент Республики Молдова являются субъектами таких прав, однако с некоторыми, подчас существенными, отличиями.

Конституция Республики Молдова [3] в ст. 73 (в редакции от 25 июля 2003 года) устанавливает: «Право законодательной инициативы принадлежит депутатам Парламента, Президенту Республики Молдова, Правительству и Народному Собранию автономно-территориального образования Гагаузия».

Законом от 5 июля 2000 года была введена ч. 3 ст. 74 такого содержания: «Проекты законов, представленные Правительством, и законодательные предложения депутатов, одобренные им, рассматриваются Парламентом, в том числе в срочном порядке, в соответствии с установленными Правительством порядком и приоритетами. Другие законодательные предложения рассматриваются в установленном порядке».

Конституция Украины [7], наоборот, приоритет отдает законопроектам Президента. В частности, в ст. 93 утверждается: «Право законодательной инициативы в Верховной Раде Украины принадлежат Президенту Украины, народным депутатам Украины и Кабинету Министров Украины. Законопроекты, определенные Президентом Украины как неотложные, рассматриваются Верховной Радой Украины вне очереди».

Конституция Республики Молдова предусматривает возможность роспуска Президентом Парламента в таких случаях: «В случае невозможности формирования Правительства или блокирования в течение трех месяцев принятия законов Президент Респу-

блики Молдова после консультаций с парламентскими фракциями вправе распустить Парламент. Парламент может быть распущен в случае, если он не выразил вотум доверия Правительству в 45-дневный срок после внесения предложения, и только после отклонения предложения не менее двух раз. В течение одного года Парламент может быть распущен один раз. Парламент не может быть распущен в последние шесть месяцев до истечения срока полномочий Президента Республики Молдова, за исключением случая, предусмотренного ч. 5 ст. 78 (этот случай заключается в невозможности избрания Парламентом Президента, о чем речь шла выше – *В. К.*), а также в период действия чрезвычайного, осадного или военного положения» (ч. 4 ст. 85 в редакции Конституции Республики Молдова от 5 июля 2000 года).

В соответствии с Конституцией Украины [7] Президент Украины может распустить парламент в случае его неработоспособности или неспособности сформировать парламентское большинство и правительство. В ч. ч. 2, 3 ст. 90 Конституции Украины говорится:

«2. Президент Украины имеет право досрочно прекратить полномочия Верховной Рады Украины, если:

- в течение одного месяца в Верховной Раде Украины не сформирована коалиция депутатских фракций <...>;
- в течение шестидесяти дней после отставки Кабинета Министров Украины не сформирован персональный состав Кабинета Министров Украины;
- в течение тридцати дней одной очередной сессии пленарные заседания не могут начаться.

3. Решение о досрочном прекращении полномочий Верховной Рады Украины принимается Президентом Украины после консультаций с Председателем Верховной Рады Украины, его заместителями и председателями депутатских фракций в Верховной Раде Украины».

Конституция Украины также устанавливает ограничения относительно досрочного прекращения полномочий Верховной Рады Украины (ч. ч. 4, 5 ст. 90).

Право вето Президента Украины относительно законов, принятых Верховной Радой Украины, является сильным. Преодолеть его Верховная Рада Украины может только квалифи-

цированным большинством в две трети голосов народных депутатов от ее конституционного состава. В ч. ч. 1–4 ст. 94 Конституции Украины в редакции от 8 декабря 2004 года говорится:

«1. Закон подписывает Председатель Верховной Рады Украины и безотлагательно направляет его Президенту Украины.

2. Президент Украины в течение пятнадцати дней после получения закона подписывает его, принимая к исполнению, и официально обнародует его либо возвращает закон со своими мотивированными и сформулированными предложениями в Верховную Раду Украины для повторного рассмотрения.

3. В случае если Президент Украины в течение установленного срока не возвратил закон для повторного рассмотрения, закон считается одобренным Президентом Украины и должен быть подписан и официально обнародован.

4. Если при повторном рассмотрении закон будет вновь принят Верховной Радой Украины не менее чем двумя третями от ее конституционного состава, Президент Украины обязан его подписать и официально обнародовать в течение десяти дней. В случае если Президент Украины не подписал такой закон, он неотложно официально обнародуется Председателем Верховной Рады Украины и публикуется за его подписью».

Право вето Президента Республики Молдова является слабым. Для его преодоления достаточно такого же большинства голосов депутатов Парламента, как и для принятия закона:

«Статья 93. Промульгация законов

1. Президент Республики Молдова осуществляет промульгацию законов.

2. Президент Республики Молдова вправе, если у него есть замечания по закону, не позднее чем в двухнедельный срок направить его Парламенту для пересмотра. Если Парламент проголосует за прежнее решение, Президент осуществляет промульгацию закона» [3].

Как показал опыт Украины, глава государства может использовать право сильного вето в борьбе с парламентом за влияние на законодательный процесс с целью навязывания стране собственного видения путей решения сто-

ящих перед ней проблем. С помощью права сильного вето глава государства может вообще заблокировать законодательный процесс. В связи с этим характерным является положение ч. 4 ст. 94 Конституции Украины (она была введена Законом Украины «О внесении изменений в Конституцию Украины» от 8 декабря 2004 года после того, как Президент Украины неоднократно не подписывал закон даже после преодоления его вето Верховной Радой Украины): «В случае если Президент Украины не подписал такой закон, он неотложно официально обнародуется Председателем Верховной Рады Украины и публикуется за его подписью».

Выводы. Таким образом, сравнительный анализ институтов Президента Украины и Президента Республики Молдова свидетельствует, что в условиях Украины в контексте смешанной формы республиканского правления функционирование института президента выступает конфликтогенным фактором, порождая такие отрицательно влияющие на осуществление государственной власти институциональные явления, как двойная легитимность, разделенное правление и дуализм исполнительной власти. Следствием этих явлений становится соперничество главы государства с парламентом и правительством за влияние на осуществление государственной власти, которое время от времени проявляется как открытая политическая борьба. Республика Молдова значительно дальше, чем Украина, продвинулась по пути ограничения институциональных предпосылок авторитарного президентского правления и перехода к сугубо парламентской форме правления как более демократической, чем президентская. Продвижение Украины к парламентской форме правления является частичным и непоследовательным, Украина все еще не перешла к парламентскому способу формирования правительства и избранию Президента Украины парламентом. Конституционный статус Президента Украины даже после существенного ограничения его полномочий конституционной реформой 2004 года все еще содержит институциональные предпосылки для его значительного влияния на осуществление исполнительной и законодательной власти в стране.

Список использованной литературы:

1. Пропозиції Компартії України, її фракції у Верховній Раді України щодо можливих змін до Конституції України // Голос України. – 2014. – 1 лютого.

2. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 года // Конституции государств Европы : в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М. : Норма, 2001–. – Т. 2. – 2001.

3. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 года (с изменениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=3114968.lang=2>.

4. Конституция Венгерской Республики от 18 августа 1949 года // Конституции государств Европы : в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М. : Норма, 2001–. – Т. 1. – 2001.

5. Конституция Чешской Республики от 16 декабря 1992 года // Конституции государств Европы : в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М. : Норма, 2001–. – Т. 3. – 2001.

6. Конституция Греции // Конституции государств Европы : в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М. : Норма, 2001–. – Т. 3. – 2001.

7. Конституція України : прийнята на V сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року (зі змінами, внесеними Законом України від 8 грудня 2004 року № 2222-IV). – К. : Парламентське видавництво, 2006. – 160 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВА

Юлия КОРОЛЁВА,
соискатель

Киевского университета туризма, экономики и права

Summary

The article examines one aspect of the systems approach to the study of the sources of law, their social base. As such, the suggested way of being human, viewed in the unity of its qualitative characteristics – compatibility, activity and consciousness due biosocial nature of man. Defined the social basis of the sources of law as a way of life of people, considered through such quality features as a joint (communication), activities (behavior) and consciousness (psychological setting), due to bio-social nature of man. It is a way existence of people may be regarded as a genetic source of law.

Key words: social basis of sources of law, genetic source of law, legal consciousness of human biosocial basis.

Аннотация

В статье анализируется один из аспектов системного подхода к исследованию источников права, их социальная основа. В качестве таковой предложено способ бытия людей, рассматриваемый в единстве его качественных характеристик – совместности, деятельности и сознания, обусловленных биосоциальной природой человека. Определена социальная основа источников права как способа бытия людей, рассматриваемая через такие качественные характеристики, как совместность (коммуникативность), деятельность (поведение) и сознание (психологические настройки), обусловленные биосоциальной природой человека. Именно способ бытия людей можно рассматривать в качестве генетического источника права.

Ключевые слова: социальная основа источников права, генетический источник права, правовое сознание, биосоциальная основа человека.

Постановка проблемы. Современный этап развития Украинского государства связан с осуществлением экономической, политической, судебной, административной и политико-правовой реформ, призванных повысить эффективность государственного управления, обеспечить реальное верховенство прав и свобод человека и гражданина. Действенность государственных реформ зависит от нормативной основы их обеспечения, что и обуславливает актуальность исследования правовой формы как средства внешнего выражения права. Эта актуальность подтверждается не только совершенствованием национального законодательства, но и процессом вхождения Украины в европейское правовое пространство, требующего адаптации законодательства Украины к законодательству Евросоюза [1, с. 5]. Важность научного исследования системы источников права обусловлена и тем, что эффективность её функционирования влияет на все сферы общественной жизни и является необходимым условием эффективности механизма правового регулирования. А тот факт, что сами источники права зависят от объективных условий развития общества и деятельности субъектов общественных отношений, обуславливает необходимость изучения источников права через системный подход.

Несмотря на то, что проблематика источников права не принадлежит к малоисследованным проблемам и была предметом научных исследований многих

ученых (С.С. Алексеева, М.И. Байтина, С.В. Боботова, С.Г. Дробязко, С.Л. Зивса, Д.А. Керимова, Е.А. Лукашовой, О.В. Мицкевича, В.М. Синюкова, Н.Н. Онищенко, М.П. Орзиха, Н.М. Пархоменко, А.С. Пиголкина, С.В. Полениной, Ю.О. Тихомирова, Р.О. Халфиной), такой её аспект, как системный анализ, не был самостоятельным предметом исследования.

Целью статьи есть характеристика системного анализа источников права посредством определения социальных, государственно-политических и формальных аспектов их выражения.

Изложение основного материала. По-нашему мнению, обоснованность теоретического исследования источников права зависит от многих факторов, основным среди которых является определение истинных способов, принципов и методов научного поиска. Особое значение в системе методов, исходя из предмета исследования, имеет системный анализ, представляющий возможность определить право как систему. Он обусловлен системно-функциональной природой права как средства управления обществом. Системный метод исходит из того, что система – это целостный комплекс взаимосвязанных элементов; она едина со средой; любая исследуемая система в свою очередь выступают в качестве системы более низкого порядка [2, с. 962]. Именно это содержание системного анализа предоставляет возможность сделать вывод о том, что он имеет широкое и узкое применение. В широком аспекте

системный подход обеспечивает исследование источников права в их взаимодействии с обществом и в зависимости от социальных, политических и специально-юридических документов, имеющих различную юридическую силу, а также структурно состоит из элементов, составляющих систему.

Для достижения поставленной нами цели будем использовать широкое понимание системного анализа, предоставляющего возможность установить социальные, государственно-политические и специально-юридические источники права. Термин «источники права» может эффективно применяться для характеристики сущности и природы права, которые составляют предмет теории права [3, с. 11; 4, с. 15] для обозначения факторов объективного и субъективного характера, порождающих право и определяющих его функционирование как сложного, многоаспектного социального института.

Анализ социальных источников права непосредственно связан с определением его социальной природы, которая сложна, многогранна и динамична. Используя накопленный опыт исследований в этой сфере и основываясь на интегративном направлении правопонимания, попытаемся определить социальные источники современного права.

Проблема социальной обусловленности права получила концептуальное развитие в работах И. Сабо и А. Нашица, которые, подчеркивая сложность социальной основы права, отмечали, что она

состоит из множества разнообразных по своей природе элементов, относящихся как к материальной, так и духовной сферам человеческого бытия. А. Нащиц обосновал собственную классификацию социальных источников права, которые он называет правообразующими факторами. Они влияют на объект, субъектов, содержание и форму права. Среди них названы следующие: естественная среда, социально-экономическая, политическая, идеологическая среда, человеческий фактор [5, с. 75]. Именно это определение социальных источников права и было положено в основу изучения этой категории другими учеными.

В.М. Кудрявцев и В.П. Казимирчук считают, что социальная основа права предполагает анализ общественных отношений, требующих правового упорядочения. Именно социальный характер права определяет социологический характер теории права [6, с. 14]. Известный ученый-исследователь проблем источников права Л.М. Гранат считает, что более верно говорить в смысле социальных факторов, определяющих появление и действие права. Таковыми являются материальные и духовные, духовно-культурные условия жизни общества [7, с. 6]. Некоторые ученые социальные условия жизни, вызывающие необходимость в правовом регулировании, относят к материальным.

Утверждая, что это право является социальным, а не природным явлением, мы определяем общество как специфическую сферу, которая имеет объективный характер и в рамках которой возникает, функционирует и совершенствуется право. Именно последняя идея дает возможность сделать вывод о том, что право – это социальное явление, генетическую основу которого составляет общество. Таким образом, социально-генетическая природа источников права, с одной стороны, акцентирует внимание на общественных отношениях, влияющих на виды и формы источников права, а с другой – свидетельствует об их социальной природе как средстве упорядочения социальных отношений. По нашему мнению, в процессе исследования общества в качестве социально-генетического источника права, требуют дополнительного изучения такие категории, как способ бытия людей и биосоциальная природа человека. Взаимная обусловленность этих категорий предопределяет следующее утверждение. Осмысление основных характеристик

способа бытия людей, обусловленного биосоциальной природой человека, является необходимым для понимания эволюции сферы должного в обществе, возникнувшей в дополнение к сфере нравственной для обеспечения порядка в обществе. Это позволяет говорить о том, что социальная основа права носит не просто объективный, а и объективно-субъективный характер, поскольку право является продуктом сознательной деятельности людей, его социальное назначение состоит в обеспечении общественного порядка и развитии самого общества.

Самостоятельный характер и назначение способа бытия людей определяет его качественные характеристики, влияющие на процесс возникновения и эволюции права. В процессе характеристики способа бытия людей ученые определяют такие его основные черты, как совместность, деятельность, сознание. Именно эти свойства ученые называют онтологическими основаниями человеческого способа жизни [8, с. 176]. Эти свойства взаимосвязаны друг с другом, но не сводимы один к другому. Каждые из них имеют специфическое содержание.

Основанием определения совместности как социально-генетической основы источников права может служить высказывание И.А. Ильина о том, с самого момента рождения человек нуждается в помощи других людей и неминуемо погибает. Принимая эту первоначальную помощь, каждый из нас завязывает тем самым первые общественные связи задолго до того, как начинает сознавать и понимать себя [9, с. 53]. При этом первичная социализация, то есть вхождение индивида в объективный мир при помощи других людей, закономерно переходит во вторичную. Членство в сообществе себе подобных остается необходимым для становления человека в качестве самостоятельного члена человеческого общества, для формирования личности. Качество совместности, таким образом, предопределено именно двуединством природы человека – его биогенетическими и социальными характеристиками, взаимосвязанными между собой. Биологическое представляет собой органическую основу социального развития, которое осуществляется в пределах естественных возможностей человека, а сами эти возможности испытывают обратное воздействие развивающихся социальных качеств. По мнению П. Берга и Т. Лукмана, зависи-

мость человека от окружающей социальной сферы обусловлена его собственной, весьма несовершенной, биологической конструкцией [10, с. 81]. Таким образом, человеческий организм, развиваясь биологически, находится во взаимосвязи со своим окружением, которое представляет собой особый социокультурный порядок. Можно с уверенностью сказать, что человек находится в системе двойного нормативного регулирования, функционируя под воздействием законов природы и законов общества. По мнению И.И. Хонича, индивид представляет собой целостную систему, состоящую из двух структурных элементов, фиксируемых в понятиях «организм» и «личность», что и подчеркивает неразрывную связь биологического и социального в человеке [11, с. 7].

Социализация индивида всегда связана с обществом, представляющим собой сложный, многогранный процесс. Понятие общения, используемое в контексте исследования источников права, определяет право как нормативный регулятор поведения людей, исторически сложившуюся формулу общения социализированных индивидов, дополняющую их биологическое развитие, стабилизирующую процесс их жизнедеятельности. Поэтому определение человека в качестве субъекта жизнедеятельности является основополагающим для понимания природы права.

Становление человека в качестве активного социального субъекта обусловлено уровнем его психологической организации, позволившей ему стать сначала производителем материальных благ, необходимых для обеспечения его жизнедеятельности и стабильного развития, а затем и нематериальных благ, важное место в системе которых принимает позитивное право. Как результат познавательной, творческой деятельности людей право имеет в своей основе сознательно-волевую природу человека и существует в доступной людям знаковой форме.

Одним из необходимых условий возникновения права является уровень развития психологической организации человека. Высший уровень психики образует сознание, формирующие качественные характеристики деятельности человека и его общение, привносит организованность и упорядоченность, делает возможным становление социального порядка и познание окружающей среды. Именно в процессе рационального познания дей-

ствительности возможно возникновение права как социального нормативного регулятора поведения людей и специфической формы общественного сознания. Именно человеческому обществу необходим социальный порядок, одним из элементов которого и является право.

Выводы. Вышеизложенное дает возможность определить социальную основу источников права как способ бытия людей, рассматриваемый через такие качественные характеристики, как совместность (коммуникативность), деятельность (поведение) и сознание (психологические настройки), обусловленные биосоциальной природой человека. Именно способ бытия людей можно рассматривать в качестве генетического источника права.

Список использованной литературы:

1. Пархоменко Н.М. Джерела права: проблеми теорії та методології : [монографія] / Н.М. Пархоменко. – К. : Юридична думка, 2008. – 336 с.
2. Міжнародна поліцейська енциклопедія : у 10 т. / відп. ред. Ю.І. Римаренко, Я.Ю. Кондратьєв, В.Я. Тацій, Ю.С. Шемшученко. – К. : Ін-Юре, 2003. – 1231 с.
3. Дробязко С.Г. Общая теория права : [учебное пособие] / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. – Минск : Амалфея, 2009. – 484 с.
4. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. – М. : Норма, 2010– . Т. 1. – 2010. – 568 с.
5. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / А. Нашиц. – М. : Прогресс, 1974. – 256 с.
6. Кудрявцев В.М. Современная социология права / В.М. Кудрявцев, В.П. Казимирчук. – М. : Юрист, 1995. – 297 с.
7. Гранат Л.М. Источники права / Л.М. Гранат // Юрист. – 1998. – № 9. – С. 6–12.
8. Слободчиков В.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: введение в психологию объективности : [учебное пособие для вузов] / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаева. – М. : Школа ; Пресс, 1995. – 384 с.
9. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве / И.А. Ильин // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Русская книга, 1996– . – Т. 4. – 1996. – С. 45–148.
10. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
11. Хомич И.И. Человек – живая система. Естественнонаучный и философский анализ / И.И. Хомич. – Минск : Беларусь, 1989. – 271 с.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ НЕИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ (СТ. 382 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ)

Екатерина ЛАГОДА,

соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин
факультета права и массовых коммуникаций
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The article is devoted to criminological analysis of the structural features of reproduction of judgments' non-execution. Based on the conducted empirical research the author describes and explains the socio-demographic, criminal and legal, criminological structure of judgments' non-execution in Ukraine. The prevalence of able-bodied unemployed men aged 29–41 with conventionally high educational level is established in the structure of convicted persons. The most frequent non-executable judgments are in civil proceedings and in cases on administrative offenses. The growth of recidivism, as well as the prevalence of lucre motivation in the mechanism of criminal behavior is stressed.

Key words: justice, non-execution of the judgment, structure, specific weight, nature of crime, recidivism, lucre.

Аннотация

Статья посвящена криминологическому анализу структурных особенностей воспроизводства неисполнения судебных решений. На основании проведенного эмпирического исследования дается описание и объяснение социально-демографической, уголовно-правовой и криминологической структуры неисполнения судебных решений в Украине. В структуре осужденных лиц установлено преобладание трудоспособных неработающих мужчин в возрасте 29–41 год с условно высоким образовательным уровнем. Наиболее часто неисполняемыми являются судебные решения в гражданском судопроизводстве и в делах об административных правонарушениях. Отмечается рост рецидива, а также преобладание корыстной мотивации в механизме преступного поведения.

Ключевые слова: правосудие, неисполнение судебного решения, структура, удельный вес, характер преступности, рецидив, корысть.

Постановка проблемы. Задача последовательного формирования в Украине основ правового, социального, демократического государства связана с первичной необходимостью утверждения эффективного механизма защиты прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, всего общества. Особая роль в этом механизме принадлежит институту правосудия. Его надлежащее функционирование – залог успешной трансформации права как предписаний закона в право как составляющую часть сознания и социальных практик, как реальную разумную меру осознания и общественно значимого действия.

Актуальность темы исследования. В то же время приходится констатировать сохранение в Украине высокого уровня неблагоприятной динамики неисполнения судебных решений (ст. 382 Уголовного кодекса Украины

(далее – УК Украины)). В резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы «Выполнение решений Европейского суда по правам человека» от 26 января 2011 г. № 1787 прямо указывается на существование основных системных недостатков, которые вызывают большое количество повторяющихся выводов о нарушении Конвенции о защите прав и основных свобод человека, серьезно подрывают верховенство права. В Украине эти проблемы связаны, в частности, с хроническим невыполнением решений национальных судов. Это приводит к ситуации, несовместимой с принципом верховенства права. Попытки разрешить сложившуюся проблемную ситуацию диктуют необходимость в осуществлении первичного криминологического анализа состояния невыполнения судебных решений, в описании которого немаловажную роль играет информа-

ция о структуре этой разновидности криминальных практик.

Проблемы противодействия преступлениям против правосудия были предметом трудов таких учёных, как Ю.В. Александров, А.М. Бандурка, В.И. Борисов, Ю.В. Баулин, В.В. Голина, В.А. Глушков, Н.А. Гурова, А.Н. Джужа, А.П. Закалюк, В.С. Зеленецкий, А.Г. Кальман, Н.В. Косюта, В.Н. Кудрявцев, С.С. Мирошниченко, А.А. Музыка, В.И. Осадчий, П.Л. Фрис, Н.И. Хавронюк, С.С. Яценко и других. Вместе с тем криминологическая структура неисполнения судебных решений до сих пор не нашла своего описания и объяснения, что и обуславливает актуальность темы статьи.

Цель статьи – выявить, описать и объяснить основные криминологически значимые параметры структуры неисполнения судебных решений в Украине.

Изложение основного материала. Говоря о структуре преступности, обратим внимание, что в криминологии принято выделять в аналитических целях три ее разновидности: социально-демографическую, уголовно-правовую и криминологическую, которые раскрываются в соответствующей последовательности. Следуя этой в целом признанной в науке логике изложения материала, обратимся сначала к описанию социально-демографических структурных особенностей неисполнения судебных решений.

Проведенный нами анализ материалов 370 уголовных производств, а также 300 приговоров о преступлениях, предусмотренных ст. 382 УК Украины, позволяет выделить следующие особенности изучаемого вида преступной активности.

1. Он проявляется преимущественно в поведении мужчин. Так, последние среди осужденных составляют около 86%, а женщины, соответственно, – 14%, что в целом соответствует аналогичному соотношению в структуре общей преступности. Это связано прежде всего с традиционными элементами социально-ролевой дифференциации по гендерному признаку в украинском обществе. Как правило, социальные связи мужчин несколько шире, а сферы их деятельности, в том числе и те, которые затрагивают публичные отношения, являются бо-

лее многообразными. В свою очередь, указанные особенности имеют своим источником специфические аспекты гендерного самосознания. По мнению Л.А. Шевченко, оно включает в себя такие психологические образования: осознание себя и своего тела как представителя определенного пола; знание гендерных стереотипов, идеалов, ролей и статусов собственного пола. В обществе существует определенная система норм поведения, которая прописана в исполнении ролей полами [1, с. 352].

Полагаем, что акт преступления отчасти является результатом несоответствия сложившимся психологическим стереотипам женского поведения, несогласованности с базовым набором социальных ролей, присущих женщинам в украинском обществе. Поэтому представляется не случайностью то обстоятельство, что около 96% из всех женщин, которые допустили преступное неисполнение судебного решения, оказались незамужними. Еще в 26% случаев женщины не имели детей или демонстрировали социально рискованное поведение в отношении них, следствием которого была безнадзорность, а в отдельных случаях – и лишение родительских прав. Это свидетельствует о когнитивном диссонансе, обусловленном несоответствием желаемого статуса и психологически идентифицированного, пусть и вытесненного, маскулинного или андрогинного образа. Такие женщины, как правило, хуже адаптированы к социальной среде; у них фиксируются признаки психологической дезорганизации.

2. Возрастное распределение преступников обнаруживает следующие соотношения. Преобладающей группой являются лица в возрасте 29–35 лет, доля которых составляет 38% от общего числа осужденных за неисполнение судебного решения. Соответственно, лица в возрасте от 36 до 41 года – 32%, 21–28 лет – 14%, 42–52 лет – 11%, 53–70 лет – 5%. Таким образом, именно лица среднего возраста (29–41 год, совокупная доля которых составляет около 70%) составляют основу уголовно активной части населения, в поведении которой воспроизводятся преступления, предусмотренные ст. 382 УК Украины. Это обосновывается тем, что лица этой возрастной категории проявляют наибольшую социаль-

ную, включая деловую, активность, способствует налаживанию и интенсификации значительного количества социальных статусов, ролей, в том числе и тех, реализация которых происходит в конфликтных ситуациях, требующих вмешательства суда в порядке того или иного вида судопроизводства. Этими же факторами можно объяснить и полное отсутствие в структуре осужденных несовершеннолетних, а также лиц в возрасте до 20 лет.

3. Соотношение женатых (замужних) к холостым (незамужним) в структуре лиц, осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 382 УК Украины, составляет 52% к 48%, что не соответствует аналогичному показателю по общей преступности в целом. Преобладание в структуре преступников данной категории семейных лиц указывает на определенные особенности детерминации криминальной активности и присутствие в ее механизме элементов корыстной мотивации; выражает стремление отстоять интересы своей семьи, пренебрегая требованиями законности и правопорядка.

4. Характерной особенностью преступников исследуемой категории является и их условно высокий образовательный уровень. Так, среди осужденных за неисполнение судебного решения лица с высшим образованием составляют 43%, с общим средним – 27%, средним специальным – 20%, базовым средним – 10%. Это довольно тревожный сигнал в аспекте дисфункции институтов социальной памяти, среди которых институты образования, а тем более высшего, занимают (должны занимать) ведущее место. Этим подтверждается падение качества высшего образования, что не способствует формированию высоких нравственных ориентиров в жизнедеятельности личности, которые бы блокировали проявления правового нигилизма и пренебрежения к государственным институтам, суду как социальному арбитру. Поэтому одним из базовых направлений в организации противодействия невыполнению судебных решений на общесоциальном уровне должно стать комплексное и глубокое реформирование системы образования в целом и высшего образования, в частности.

5. Анализ фактора трудовой занятости преступников обнаруживает

преобладание безработных. Так, фиксируется существенное преобладание неработающих, доля которых составляет 46,7%. То есть фактически каждый второй осужденный за неисполнение судебного решения на момент совершения преступления был не занят общественно полезным трудом. Это обстоятельство выглядит симптоматичным на фоне превалирования в структуре преступников лиц с высшим образованием и указывает на глубину социально-экономических кризисных явлений в Украине, детерминирующих преступность в целом и против правосудия в частности.

Среди служебных лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 382 УК Украины, основную часть (около 67%) составляют руководители частных предприятий. Еще 18% приходится на должностных лиц органов местного самоуправления, 15% – работ-

ники Государственной исполнительной службы Украины (далее – ГИС). Преступления последних, как правило, квалифицируются по совокупности ст. 366 и/или 364 УК Украины и выражают направленность преступных действий против интересов службы. В общей структуре рассматриваемого вида преступности согласно официальной государственной статистической отчетности государственные исполнители, таким образом, составляют не более 3%, что дополнительно свидетельствует в пользу тезиса о сверхвысоком уровне латентности этих преступлений. Добавляют убедительности в скрытости преступлений, предусмотренных ст. 382 УК Украины, неправомерные действия государственных исполнителей и статистические сведения о количестве жалоб на их действия или бездействия, а также привлеченных к ответственно-сти (см. диаграмму).

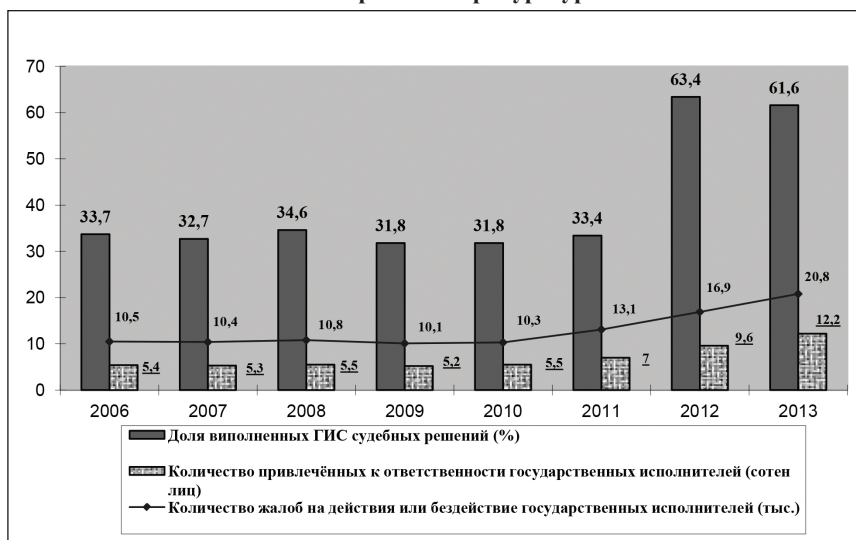
существенно латентном уровне злоупотреблений (в том числе и имеющих уголовно наказуемый характер) со стороны государственных исполнителей.

В *уголовно-правовой структуре* неисполнение судебных решений обращает на себя внимание тем, что абсолютное большинство этих преступлений совершается единолично. Показатели групповой криминальной активности нестабильны. Так, в 2004 г. в группе лиц совершено 9 преступлений, в 2005 г. – 4, в 2006 и 2007 гг. ни одного группового преступления, предусмотренного ст. 382 УК Украины не выявлено; в 2008 г. – 1, в 2009 г. – 4, в 2010 г. – 2, в 2011 г. – 1, в 2012 г. – 3, в 2013 г. – 2, за январь-ноябрь 2014 г. – 1 преступление. Это обстоятельство не позволяет говорить о существовании фактора соучастия в невыполнении судебных решений.

Также стоит обратить внимание и на то, что большинству из лиц, осужденных за неисполнение судебного решения, ставилось в вину совершение преступления, юридический состав которого был без отягчающих обстоятельств. То есть около 80% уголовных производств осуществляется по ч. 1 ст. 382 УК Украины. Около 15% квалифицируются по ч. 3 ст. 382 УК Украины по признаку совершения преступления должностным лицом, занимающим ответственное или особо ответственное положение. Еще 5% – по ч. 2 ст. 382 УК Украины. Квалификации по ч. 4 этой статьи в ходе исследования не выявлено.

Обращаясь к характеристике криминологической структуры неисполнение судебных решений, отметим, что среди фактов совершения этого преступления преобладают те, которые связаны с неисполнением решений, выносимых судами в порядке гражданского судопроизводства. На них приходится 41,7% от общей массы преступлений, предусмотренных ст. 382 УК Украины. На втором месте по распространенности – неисполнение решений по делам об административных правонарушениях (20,2%), далее – по делам, рассматриваемым в порядке хозяйственного судопроизводства (15,4%), в порядке уголовного судопроизводства (15,3%). Остальные 7,4% составляют неисполнение судебных решений о взыскании судебного сбора и других взысканий в пользу государства. В результате исследования нами не выявлено ни одно-

Диаграмма
Сравнительное графическое изображение динамики соотношения доли исполненных судебных решений ГИС Украины и количества жалоб на действия государственных исполнителей и результатов реагирования на них органами прокуратуры

Как можно увидеть из диаграммы, наблюдается значительная корреляция между всеми тремя показателями. В частности, с увеличением доли исполненных судебных решений растет и количество жалоб на действия государственных исполнителей, а также, соответственно, количество государственных исполнителей, которые были привлечены к ответственности (за исключением периода относительного снижения доли исполненных решений в 2013 г., в котором динамика

жалоб не отреагировала аналогичной тенденцией). И хотя в статистической отчетности Генеральной прокуратуры Украины нет детального описания видов юридической ответственности, к которой привлекаются работники ГИС Украины, все же есть достаточно оснований для вывода, что качество исполнения судебных решений не удовлетворяет требования взыскателей. Это, в свою очередь, свидетельствует и об эффективности работы ГИС Украины в целом, и о значительном и преиму-

го случая преступного неисполнения решения административного суда.

В целом же приведенное структурное соотношение неисполнений судебных решений по виду судебных производств является вполне логичным и может быть обосновано статистическими закономерностями в структуре общей нагрузки на судебную ветвь государственной власти. Вместе с тем целесообразно также считать обратить внимание и на особенности структуры неисполнений судебных решений в зависимости от предмета последних. Проведенный анализ и обобщение 350 приговоров судов по ст. 382 УК Украины позволяет выделить следующее соотношение:

1) *неисполнение судебных решений в гражданском судопроизводстве*: а) об уплате алиментов на содержание ребенка – 48%; б) о носе самовольных застроек (ограждений, заборов, пристроек, гаражей и т. п.) – 20%; в) о возмещении материального ущерба по деликтным гражданско-правовым обязательствам – 10%; г) в трудовых спорах (о восстановлении на работе, об изменении оснований увольнения и т. п.) – 10%; д) о возмещении морального вреда – 5%; е) о выселении и/или снятии с регистрации – 4%; ж) других решений – 3%;

2) *неисполнение судебных решений по делам об административных правонарушениях*:

– неисполнение решения суда об отбывании общественных работ (85%) за совершение административного правонарушения, предусмотренного: а) ст. 130 Кодекса Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП) «Управление транспортными средствами или судами лицами, находящимися в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения или под воздействием лекарственных препаратов, снижающих их внимание и скорость реакции» – 57%; б) ст. 173-2 КУоАП «Совершение насилия в семье, неисполнение защитного предписания или непрохождение коррекционной программы» – 27%; в) ст. 184 КУоАП «Неисполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию детей» – 12%; г) за совершение иных административных проступков – 4%;

– неисполнение решения суда об уплате административного штрафа – 15%;

3) *неисполнение судебных решений в хозяйственном судопроизводстве*:

а) решение об уплате долга по хозяйственно-правовым и гражданско-правовым обязательствам в сфере хозяйственной деятельности – 67%; б) освобождение занятого земельного участка (самовольно занятого и по гражданско-правовым основаниям (истечение срока договора аренды земли, признание договора недействительным и т. п.)) – 28%; в) иные решения – 5%;

4) *неисполнение судебных решений в уголовных производствах*: а) о возмещении ущерба, причиненного преступлением – 48%. Из них преобладают те, что нанесены совершением преступлений, предусмотренных ст. 286 УК Украины – 68%, ст. 122 УК Украины – 23%; б) об уплате штрафа как меры наказания – 25%. Из них преобладают случаи привлечения к уголовной ответственности за преступления корыстной направленности (вымогательство, мошенничество, присвоение или растрата чужого имущества, невыплата заработной платы); в) неисполнение приговора об отбывании наказания в виде общественных работ – 20%; г) иные – 7%.

Среди случаев преступного неисполнения судебных решений государственными исполнителями 75% составляют неисполнение решений хозяйственных судов о взыскании задолженности, еще 20% – решения по делам об административных правонарушениях о взыскании штрафа. Как правило, неисполнение государственным исполнителем судебного решения сопровождается совершением служебного подлога, злоупотреблением служебным положением.

Описывая структурные особенности преступлений, предусмотренных ст. 382 УК Украины, заметим, что для них не присущей является алкогольная отягощенность во время совершения преступления. Так, в состоянии алкогольного опьянения ежегодно совершается не более 2–3 преступлений от их общего их зарегистрированного количества. Это, по нашему мнению, может свидетельствовать о вполне осознанном характере преступной деятельности, а следовательно, и о глубине правового нигилизма, который играет существенную роль в процессе детерминации неисполнения судебных решений. На это же может указывать и то

обстоятельство, что фиксируется тенденция к росту доли общего рецидива. Так, если в 2004 г. лишь 1,8% осужденных ранее были судимы, то в 2010 г. этот показатель достиг 9,6%, в 2013 – 18,8%, а в 2014 – 20,1%. Помимо прочего, такая тенденция наглядно указывает на крайне низкую эффективность деятельности органов и учреждений исполнения наказаний, которые не обеспечивают достижения поставленных перед ним задач по исправлению личности преступника и предупреждению совершения им преступлений. Очевидным становится тот факт, что, имея в прошлом контакты с правоохранительными органами и судом, антиобщественные характеристики личности не только не смягчаются, нейтрализуются, но и приобретают дополнительные углубленные характеристики.

Выводы. Осуществлённый криминологический анализ структуры неисполнения судебных решений даёт основания сделать определённые выводы о характере этой разновидности криминальной активности. В частности, можно констатировать его воспроизводство в поведении молодых людей с условно высоким образовательным уровнем, что свидетельствует о глубоком социально-правовом кризисе и нигилистическом отношении к праву в целом и значению института правосудия в частности. Выявленные криминологические структурные особенности позволяют судить о преобладании корыстной мотивации в механизме преступного поведения виновных лиц, что подчёркивает недостатки осуществляемых попыток внедрения в неподготовленную культурно-психологическую почву либеральных основ организации общественных отношений.

Список использованной литературы:

1. Шевченко Л.А. Гендерные модели поведения преступников / Л.А. Шевченко // Право и безопасность. – 2012. – № 4(46). – С. 352–355.
2. Кальман А.Г. Криминологическая характеристика преступлений против правосудия / А.Г. Кальман, С.С. Мирошниченко // Борьба с организованной преступностью и коррупцией (теория и практика). – 2011. – № 24. – С. 171–182.

КОДИФИКАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА УКРАИНЫ: ПОНЯТИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Иван ЛОГАЧЁВ,
соискатель

Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The article is devoted to the main approaches of formation of the definition “codification”. The analysis of interrelation between the concepts “codification” with other types of systematization of legislation is realized. The main directions of further development of the codification of administrative and tortious legislation in Ukraine are determined. The author of the paper points out that the conceptual source of administrative liability is the Constitution of Ukraine, but the specific rules regulating the issues of administrative liability are contained in the Code of Ukraine on Administrative Offences, which was adopted in the 80s of the last century. Special attention is paid to the current state, when Ukrainian society is going through a typical turning-point in the awareness of human rights and freedoms.

Key words: codification, incorporation, consolidation, harmonization of legislation, administrative and tortious legislation, codification of administrative and tortious legislation of Ukraine.

Аннотация

Статья посвящена основным подходам к формированию определения понятия «кодификация». Осуществлен анализ отношения понятий «кодификация» с другими видами систематизации законодательства. Определены главные направления дальнейшего развития кодификации административно-деликтного законодательства в Украине. В работе указывается на то, что концептуальным источником административной ответственности является Конституция Украины, но конкретные нормы, регулирующие вопросы административной ответственности, содержатся в Кодексе Украины об административных правонарушениях, который был принят в 80-х годах прошлого века. Уделено внимание современному состоянию, когда украинское общество переживает характерный перелом в осознании прав и свобод человека.

Ключевые слова: кодификация, инкорпорация, консолидация, гармонизация законодательства, административно-деликтное законодательство, кодификация административно-деликтного законодательства Украины.

Постановка проблемы. Создание абсолютно новой правовой базы не могло быть одномоментным, поэтому во многих сферах общественных отношений длительное время приходилось и приходится пользоваться старыми правовыми актами, приспособивая их к новым условиям.

Однако такая ситуация не может продолжаться бесконечно долго. На определенном этапе общественного развития необходимым становится переосмысление концептуальных основ нормативно-правового регулирования тех или иных общественных отношений с учетом требований настоящего, приведения их в соответствие с насущными потребностями общества.

Не составляют исключения и административно-деликтные отношения, нормативная модель которых представляет собой институт административной ответственности. С одной стороны, развитие этого института до сих пор происходит на принципах, заложенных еще в советское время, с учетом соответствующей идеологии, а с другой – наблюдается его распространение на отношения, которые просто не существовали и не могли существовать в то время. В основном это обусловлено трансформацией механизмов государственного регулирования

экономики и изменением понимания характера отношений между человеком и государством.

Целью статьи является определение этимологического значения понятия «кодификация» и анализ его соотношения с другими видами систематизации законодательства, а также определение главных направлений дальнейшего развития кодификации административно-деликтного законодательства в Украине.

Изложение основного материала. Концептуальным источником административной ответственности является Конституция Украины, в частности п. 22 ст. 92, в которой говорится, что исключительно законами Украины определяются основы гражданско-правовой ответственности; действия, являющиеся преступлениями, административными или дисциплинарными правонарушениями, и ответственность за них. Она также базируется на положениях актов Верховной Рады Украины, Президента Украины, Кабинета Министров Украины, центральных и местных органов исполнительной власти.

Конкретные нормы, регулирующие вопросы административной ответственности, содержатся в Кодексе Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП) [1], который был при-

нят в 80-х годах прошлого века. Именно он занимает центральное место в системе законодательства Украины об административной ответственности.

С момента первой кодификации административно-деликтного законодательства в украинском обществе произошли существенные изменения, которые требуют проведения значительных законодательных работ, направленных на упорядочение правовых норм административно-деликтного законодательства, которые не соответствуют реалиям и требованиям. И. Федоров справедливо отмечает: «Административное право, административное законодательство, в частности их деликтная составляющая, являясь одним из основных средств проведения административной реформы, сама нуждается в реформировании, поскольку по своему содержанию не соответствует требованиям становления и развития демократического, правового, социального государства. Даже несмотря на многочисленные изменения и дополнения в КУоАП, она не согласуется с новой концепцией института административной ответственности, а другие многочисленные действующие нормативно-правовые акты – составляющие административно-деликтного законодательства – преимущественно фрагментарно

определяют основы административной ответственности. Такое положение дел существенно затрудняет нормотворческую и правоприменительную деятельность в соответствующей сфере отношений, создает многочисленные проблемы в деятельности субъектов административной юрисдикции, негативно влияет на степень защищенности прав, свобод лиц, привлекаемых к административной ответственности, обуславливает необходимость проведения очередного этапа кодификации отечественного административно-деликтного законодательства, разработки и принятия нового кодифицированного акта» [2, с. 5].

Следует отметить, что административно-деликтное право – одна из немногих подотраслей отечественного административного права, для которой в разные исторические периоды характерной было наличие кодифицированных актов, в том числе и кодексов как источников права. Следует отметить, что сам термин «административно-деликтное право» является относительно новым для отечественной административно-правовой доктрины. Его можно встретить в работах ученых-административистов, вышедших в свет в XXI веке (например, работы В. Колпакова, Т. Коломоец, Д. Лукьянца, Р. Мельника, И. Федорова и др.). С того времени использование термина «административно-деликтное» получило распространение в научной отраслевой среде. Появляются монографии В. Колпакова «Административно-деликтный правовой феномен», И. Федорова «Кодификация административно-деликтного законодательства Украины», Д. Лукьянца «Административно-деликтные отношения в Украине», учебное пособие В. Колпакова «Административная ответственность (административно-деликтное право)», коллективный труд представителей Центра политико-правовых реформ «Административно-деликтное законодательство: зарубежный опыт и предложения реформирования в Украине» и т. д. [3, с. 62].

Понятие «кодификация» происходит от лат. «codificatio» (образовалось в результате слияния слов «codex» и «facere»), что означает «создание водородом закона» и трактуется как систематизация законов государства по отдельным отраслям права, как правило, с просмотром и отменой устаревшего законодательства [4, с. 239]. С. Алексеев подчеркивает пра-

вотворческую сущность кодификации, которую он определяет как «такой вид правотворчества, при котором обеспечивается системное нормативное регламентирование данного вида общественных отношений путем издания единого, юридически и логически целостного, внутренне согласованного нормативного акта (основ, кодекса), который отражает содержание и юридическую структуру обособленного подразделения системы права». По мнению ученого, главная особенность кодификации как способа систематизации проявляется в том, что упорядочение нормативного материала достигается рамках особого высоко-го вида правотворчества – системного [5, с. 254]. По мнению В. Грищука, кодификация – это вид систематизации, который является родовой категорией по инкорпорации (систематизации), однако при этом кодификация и систематизация (инкорпорация) остаются самостоятельными, независимыми друг от друга категориями [5, с. 24]. А. Рогач считает, что кодификация является наиболее совершенной формой систематизации и рассматривает категорию «кодификация» в двух плоскостях: 1) как самостоятельную отрасль науки, которая развивается на эмпирическом уровне; 2) как вид, форму правотворческой деятельности, осуществляемой на научной основе [7, с. 8].

В. Котюк отмечает, что систематизация происходит в трех формах (видах): инкорпорация, кодификация и создание свода законов как соединения всех форм систематизации, в том числе и принятие новых нормативных актов [8, с. 61]. По мнению В. Лазарева, видами систематизации являются инкорпорация, кодификация и консолидация. Кодификация охватывает как внешнюю, так и внутреннюю отделку актов, предусматривает внесение в их содержания существенных изменений и дополнений и отмену устаревших принципов и норм, создание новых. Кодификация может осуществляться только правотворческими органами государства и является разновидностью правотворчества [9, с. 164–165]. В. Корельский и В. Перевалов выделяют два основных вида систематизации: инкорпорацию и кодификацию [10, с. 320–321]. Таким образом, большинство ученых отмечают правотворческую сущность кодификации, что отличает ее от других видов систематизации (инкорпорации и консолидации).

Напомним, что понятие «инкорпорация» происходит от латинского слова «incorporation» и означает включение в свой состав, присоединение [4, с. 199]. Инкорпорация направлена на упорядочение нормативно-правовых актов в сборники или собрания путем размещения их в хронологическом порядке или по предмету регулирования. Понятие же «консолидация» происходит от латинского слова «consolidatio», составляющими которого являются «con» – «вместе», а также «solidare» – «скреплять, укреплять, сращивать; укрепление, объединение ради какой-либо цели» [4, с. 252]. Консолидация представляет собой процесс объединения в единый нормативно-правовой акт нескольких актов, которые регулируют определенную сферу общественных отношений, без изменения их содержания.

Таким образом, инкорпорация и консолидация, в отличие от кодификации, не влияют на содержание нормативно-правовых актов, они лишь меняют их внешнюю форму. Кодификация же является процессом возведения различных нормативно-правовых актов в единый, внутренне согласованный и структурированный акт путем переработки их содержания. Как отмечает Д. Астахов, кодификация предполагает как разновидности нормотворческой и систематизирующей деятельности государства приведения формы и содержания законодательства в соответствие с назревшими интересами и потребностями общества, его благоустройством и совершенствованием, что осуществляется с помощью специфического организационно-правового механизма путем создания и издания логично и юридически целостного, единого сводного, внутренне согласованного нормативного акта – кодекса, который отражает внутриотраслевую специфику правовых отношений [11, с. 175].

Следует отметить, что эффективное правовое сопровождение реформ, осуществляемых сегодня в Украине, предусматривает дальнейшую систематизацию административного законодательства, прежде всего путем его кодификации. Поскольку осуществить кодификацию норм административного законодательства одновременно и в одном акте объективно невозможно, целесообразно осуществить поэтапную кодификацию в отдельных областях и институтах административно-правового регулирования.

Каждый этап этого процесса должен завершаться подготовкой отдельных частей будущего обобщающего Административного кодекса Украины в виде соответствующих томов (или «книг»), которые должны иметь кодифицированный характер.

Примерная структура (с учетом очередности принятия) Административного кодекса Украины должна включать: 1) Кодекс об административных правонарушениях; 2) Административно-процессуальный кодекс; 3) Административно-процедурный кодекс; 4) Кодекс общих правил поведения государственных служащих, а также некоторые другие кодифицированные акты. Таким образом, кодификация административно-деликтного законодательства путем принятия Кодекса об административных правонарушениях является одной из главных и приоритетных задач административной реформы в Украине. По нашему мнению, кодификация административно-деликтного законодательства должна предусматривать существование единого кодифицированного акта, определять как общие принципы привлечения к административной ответственности, так и перечень административных проступков, за которые такая ответственность будет наступать.

При этом, на наш взгляд, целесообразно руководствоваться следующими положениями: 1) предметом кодификационной работы должны стать главные, важнейшие административно-деликтные правовые нормы; 2) нормы особенной части административно-деликтного закона, которые имеют межотраслевой характер, необходимо группировать в соответствии с объектом проступка, соответствующего назначению нового Кодекса как единого кодифицированного законодательного акта, устанавливающего административную ответственность за совершение административных проступков; 3) необходимо соблюдать раздельную кодификацию материальных и процессуальных норм административно-деликтного права. Именно поэтому в новом Кодексе необходимо четко разграничить Общую и Особенную части. При этом в Общей части должны быть отражены материальные нормы, которые будут определять общие принципы привлечения к административной ответственности, а в Особенной части – нормы, которые бы закрепляли виды адми-

нистративных проступков в зависимости от объекта проступка, за совершение которого предусмотрена административная ответственность. Что же касается процессуальных норм, то, на наш взгляд, они должны быть сосредоточены в отдельном нормативном кодифицированном акте – Административно-процессуальном кодексе, который бы регламентировал порядок осуществления административного производства по делам об административных правонарушениях.

Кроме того, в новом административно-деликтном законе нужно четко определить систему принципов, на которых будет базироваться административная ответственность. На основе анализа действующего Кодекса Украины об административных правонарушениях к таким принципам можно отнести принципы законности, охраны интересов государства и личности, равенства правонарушителей как участников административного производства, установление объективной истины по делу, гласности, оперативности, публичности административного производства, определенности компетенции органов (должностных лиц) по осуществлению административного производства и тому подобное. Вместе с тем в действующем Кодексе Украины об административных правонарушениях не нашел своего отражения принцип неотвратимости административной ответственности, который является базовым для института административной ответственности. Кроме того, разграничение принципов административно-деликтного закона должно происходить с учетом материальных и процессуальных норм, что связано прежде всего с необходимостью соблюдать раздельную кодификацию материальных и процессуальных норм административно-деликтного права.

Учитывая это, хотелось бы определить основные критерии, которые должны быть учтены при проведении кодификации административно-деликтного законодательства: 1) предметом кодификационной работы должны стать главные, важнейшие административно-деликтных правовые нормы; 2) необходимо четко разграничить Общую и Особенную части административно-деликтного закона. При этом в Общей части должны быть отражены материальные нормы, которые будут определять общие принципы привлечения к административ-

тивной ответственности, а в Особенной части – нормы, которые бы закрепляли виды административных проступков в зависимости от объекта проступка, за совершение которого предусмотрена административная ответственность; 3) нормы особенной части административно-деликтного закона, которые имеют межотраслевой характер, необходимо группировать в соответствии с объектом проступка, соответствующего назначению нового Кодекса как единого кодифицированного законодательного акта, устанавливающего административную ответственность за совершение административных проступков; 4) необходимо соблюдать раздельную кодификацию материальных и процессуальных норм административно-деликтного права. При этом кодификация материальных и процессуальных норм административно-деликтного законодательства должна происходить параллельно, ведь именно процессуальные нормы дают возможность эффективно и в полной мере применять материальное законодательство; 5) необходимо повысить роль общих положений административно-деликтного законодательства в качестве основных фундаментальных начал, на которых должна строиться и функционировать вся система административной ответственности; 6) при кодификации следует исходить из принципа максимального охвата общественных отношений, которые подлежат административно-деликтному регулированию. В связи с вышеизложенным следует отметить, что кодификация является наиболее подходящей для систематизации административно-деликтного законодательства в Украине как государства, где главной ценностью признается человек, его права и свободы. Именно благодаря кодификации законодательства можно обеспечить единый подход к регулированию общественных отношений в административно-деликтной сфере, а также обеспечить единство в понимании законодательных принципов как основополагающих начал нормотворческой деятельности. Вместе с тем процесс кодификации административно-деликтного законодательства должен базироваться на ее общих принципах с учетом провозглашенных Конституцией Украины приоритетов, а также отвечать современным требованиям правового, социального, демократического государства.

Выводы. Вопрос реформирования административного, в том числе и административно-деликтного, законодательства, разработка и принятие нового кодифицированного административно-деликтного нормативно-правового акта, который бы отвечал современным требованиям правового, социального, демократического государства, являются весьма актуальными, и составляют приоритетные направления реформы, осуществляемой в Украине.

Список использованной литературы:

1. Кодекс України про адміністративні правопорушення від 7 грудня 1984 р. № 8073-Х (зі змінами та доповненнями) // Відомості Верховної Ради Української РСР. – 1984. – Додаток до № 51. – Ст. 1122.
2. Федоров І. Кодифікація адміністративного законодавства України: дис... канд. юрид. наук : спец. 12.00.07 / І. Федоров. – Запоріжжя, 2006. – 186 с.
3. Коломоець Т. Кодекс як джерело адміністративного права України: історія, сучасність та перспективи : [монографія] / Т. Коломоець, Ш. Гаджиева. – Запоріжжя : ЗНУ, 2014. – 176 с.
4. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1989. – 624 с.
5. Алексеев С. Общая теория права : в 2 т. / С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 360 с.
6. Грищук В. Кодифікація кримінального законодавства України: проблеми історії, методології та теорії : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.08 / В. Грищук ; Київський університет імені Тараса Шевченка. – К., 1992. – 50 с.
7. Рогач О. Кодифікаційні акти в системі законодавства України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 / О. Рогач ; Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – К., 2003. – 18 с.
8. Котюк В. Теорія права : [навч. посібник для юрид.фак. вузів] / В. Котюк. – К. : Вентурі, 1996. – 208 с.
9. Теория государства и права : [учебник для вузов] / под ред. В. Лазарева. – М. : Норма, 2001. – 616 с.
10. Теория государства и права : [учебник для вузов] / под ред. В. Корельского и В. Перевалова. – М. : Норма, 2000. – 616 с.
11. Астахов Д. Об'єкт кодифікації адміністративно-процедурного законодавства України / Д. Астахов // Вісник Запорізького національного університету. – 2011. – № 1. – С. 175–180.

ИНСТИТУТ ОБЖАЛОВАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРАВОВОЙ ОПЫТ

Дмитрий ЛУЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент, докторант

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article devotes to main trends of developing of appeal of administrative acts in European law and law of European states. The author pays attention to the role of appealing of administrative acts in democratic states. The limitations of right on appealing in the light of European standards are analyzed. Author also researches models of administrative appealing in European countries, e.g. in the aspects of its facultative (obligatory) character and correlation with court appealing. The problem of alternative means of dissolving of administrative disputes (mediation, negotiation) is also analyzed. The author proves that establishing of those means in Ukrainian law is inappropriate.

Key words: European standards of legal regulation, administrative appeal, legal conflict, administrative justice

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению основных тенденций развития в европейском праве института обжалования решений, действий и бездействия субъектов властных полномочий. Обращается внимание на роль института обжалования административных актов в демократическом государстве. Анализируются пределы права на обжалование в свете европейских стандартов. Рассматриваются модели административного обжалования в европейских странах, в том числе в аспекте его факультативности (обязательности) и соотношения с судебным обжалованием. Изучается проблема альтернативных способов разрешения административных споров (медиация, переговоры). Доказывается, что их закрепление на законодательном уровне сегодня нецелесообразно.

Ключевые слова: европейские стандарты правового регулирования, обжалование в административном праве, административно-правовой спор, административная юстиция.

Постановка проблемы. Вопросы обжалования решений, действий и бездействия субъектов властных полномочий оправданно привлекают пристальное внимание ученых-административистов. Обеспечение надлежащих процедур обжалования, равно как и иных механизмов контроля государственной деятельности, являются важной задачей построения правового государства. Актуальность разработки данных вопросов обусловлена также их крайне слабым исследованием в советской правовой науке, что объясняется антидемократичностью концепций государственного управления и отношений «государство – человек», которые были определяющими в то время. Например, Т.М. Радько, характеризуя охранительную функцию права, рассматривает ее прежде всего в контексте противоправного поведения граждан или их объединений и практически не касается проблем ответственности государства, государственных органов и должностных лиц

[1, с. 129–138]. Отдельные отголоски подобных подходов, к сожалению, присущи и современному административному праву. Можно встретить работы, в которых гражданин всерьез рассматривается не как социальная ценность, а как «элемент производственных сил в государстве, источник добавочного продукта», который в своих действиях подчинен исключительно интересам государства [2, с. 60, 72]. В этом контексте российский ученый Ю.М. Стариков обоснованно констатирует, что уже давно настало время для крушения указанных концепций и подходов, для создания «нового мира» административного права как права обеспечения общественных интересов, реализации прав и свобод человека и гражданина, гарантирования «общественного блага» [3, с. 31]. В связи с этим, исследуя институт обжалования в административном праве, целесообразно обратить внимание на опыт его многолетнего эффективного функционирования в европейских правовых порядках, в которых

высокая социальная ценность человека не вызывает сомнений.

Целью статьи является анализ основных европейских стандартов и ориентиров развития в области правового регулирования процедур судебного и административного обжалования решений, действий и бездействия органов государственной власти.

Изложение основного материала. Следует отдельно подчеркнуть, что, по нашему мнению, нет оснований соглашаться с М.Я. Масленниковым, который противопоставляет «управленческую» и «юрисдикционную» концепции административного процесса [4, с. 224]. Мы исходим из того, что обжалование в сфере административного права является единой категорией, единым механизмом защиты прав частных лиц, а его разновидности, выделенные по способу обжалования, то есть административное и судебное, вместе образуют систему обжалования в административном праве. С учетом этого в пределах данной работы мы стремимся системно рассматривать европейский правовой опыт в сфере как административного, так и судебного обжалования.

Возможность обжалования в административном праве следует рассматривать как условие демократичности сферы государственного управления, ее способности реально обеспечивать и защищать права человека. Международный институт административных наук систематизировал основные принципы административного права и выделил четыре группы общих для западноевропейских стран принципов: 1) надежность и предсказуемость (правовая определенность); 2) открытость и прозрачность; 3) ответственность; 4) производительность и эффективность публичной администрации [5, с. 425]. Не вызывает сомнений то, что право на обжалование является необходимой составляющей полноценного воплощения этих принципов в жизнь, ведь обжалование является тем весомым рычагом, который удерживает деятельность субъектов властных полномочий в пределах закона, повышает эффективность, прозрачность и ответственность государственного аппарата.

Европейские документы в сфере прав человека и верховенства права исходят из того, что право на обжалование

решений, действий или бездействия административного органа является важным правом лица и значимой характеристикой правового государства. В соответствии со ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод (далее – Конвенция) каждый, чьи права и свободы, признанные в этой Конвенции, были нарушены, имеет право на эффективное средство юридической защиты в национальном органе, даже если такое нарушение было совершено лицами, которые осуществляли свои официальные полномочия. Указанная статья распространяется также и на административные споры, о чем свидетельствует практика Европейского суда по правам человека (например, решение по делу «Вильхо Ескелинен и др. против Финляндии» от 19 апреля 2007 г.). В Докладе о верховенстве права, принятом на 86 пленарном заседании Венецианской комиссии 25–26 марта 2011 г., указывается, что доступ к правосудию в независимых и непредвзятых судах, в том числе судебный контроль за административными актами, является элементом верховенства права и правового государства.

При этом европейским стандартам соответствует принцип предоставления частным лицами возможности обжалования решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий как в судебной, так и внесудебной (административной) процедурах. Рекомендация Совета Европы № 0.К(86) о мерах по предупреждению и сокращению чрезмерной нагрузки судов призывает к применению в необходимых случаях дружественного урегулирования споров как вне судебной системы, так и до или во время юридического рассмотрения. Важность и эффективность административного обжалования отмечены в Справочнике Совета Европы по принципам административного права, которые касаются отношений между административными органами и частными лицами (1996 г.). Как констатирует Л.С. Анохина, европейская практика свидетельствует о том, что ведомственное рассмотрение дел административными органами во многих случаях дает возможность во внесудебном порядке быстро урегулировать проблемы между частным лицом и соответствующими административными органами [6, с. 45].

Следует учитывать, что Рекомендация Rec(2001)9 Комитета Министров государств-членов Совета Европы об альтернативных методах урегулирования споров между административными органами и частными лицами от 5 сентября 2001 г. предусматривает несколько альтернативных средств урегулирования споров между административными органами и частными лицами, а именно: внутреннее (имеется в виду ведомственное, административное – Д. Л.) рассмотрение дел, примирение, посредничество, договорное урегулирование и арбитраж. Сегодня украинское законодательство предусматривает два из названных средств: административное (внутреннее) обжалование и примирение, которое возможно на любой стадии судебного разбирательства (ст. 51 Кодекса административного судопроизводства Украины). Среди отечественных ученых высказываются предложения относительно внедрения других альтернативных механизмов в решении административных споров. В частности, Л.Б. Сало отстаивает мысль о необходимости применения медиации (альтернативный способ решения спора путем достижения взаимоприемлемого решения с привлечением независимого медиатора) в сегменте публично-правовых споров [7, с. 140]. В то же время нам кажется сомнительной целесообразность закрепления на законодательном уровне подобных средств разрешения административно-правовых споров как по причине неготовности законодателя пойти на такой шаг, так и по причине возможных злоупотреблений в этой сфере (напомним, какую критику, временами справедливую, вызывала и вызывает деятельность третейских судов в Украине).

По нашему мнению, на современном этапе развития института обжалования в административном праве целесообразнее в первую очередь сосредоточиться на совершенствовании уже существующих способов обжалования и только потом затрагивать вопрос относительно внедрения новых. Тем более процедура примирения на практике используется достаточно редко, хотя имеет значительный потенциал в сфере мирного урегулирования споров. Связано это с тем, что властный субъект, являющийся стороной в споре, ограничен в возможностях его урегулиро-

вания лишь теми средствами, которые прямо предписаны ему действующим законодательством (в противном случае будет иметь место выход за пределы полномочий). Как правило, законодатель не уделяет должного внимания разработке и нормативному урегулированию таких средств, так как предполагает, что органы власти изначально осуществляют свою деятельность исключительно в законных рамках. Другим проблемным аспектом на пути применения процедуры примирения в спорах с субъектом властных полномочий является возможное последующее за таким примирением обвинение должностного лица, которое приняло решение о примирении от имени властного субъекта, в совершении коррупционного деяния. Таким образом, прежде чем расширять перечень альтернативных средств урегулирования споров между административными органами и частными лицами, целесообразно уделить внимание преодолению препятствий, которые не позволяют эффективно использовать уже существующие.

Следует отметить, что разделение на судебное и административное обжалование обусловлено тем, что эти разновидности обжалования основываются на различных организационных принципах и, соответственно, регулируются по-разному. Административное обжалование является бесплатным, оперативным, менее регламентированным в части определения самой процедуры правом жалобщиков и т. п. (по сравнению с судебным обжалованием). Последний момент (уровень регламентированности) является достаточно важным и сложным, в связи с чем, как отмечает немецкий административист О. Люхтергандт, в Европе всегда обсуждался вопрос относительно того, не уменьшается ли эффективность и профессиональное качество административной процедуры (в нашем случае процедуры обжалования – Д. Л.) из-за ее чрезмерной урегулированности [8, с. 29]. Другой ученый Е. Шмидт-Ассман добавляет, что нормативно-правовая зарегулированность наносит вред самому праву. Правовое государство как государство сдержанности и умеренности требует того же и в вопросе использования ресурсов права, то есть придерживаться умеренности – иметь ощущение здоровой меры [9, с.

65]. С учетом этого административное обжалование по определению не нуждается в настолько детальной и глубокой регламентации, как в случае обжалования в судебном порядке. Добавим также, что на гибкости и простоте несудебных административных процедур акцентирует внимание и Рекомендация Rec(2001)9.

В свою очередь судебное обжалование является платным (государство устанавливает пошлину или сбор, который взимается за обращение в суд и является не только источником финансирования правосудия, но и фактором, сдерживающим от необоснованного использования средств судебной защиты), относительно длительным (по сравнению с административным обжалованием судебные процедуры требуют больше времени на их осуществление) и относительно более регламентированным (исключительная важность судебной системы для развития правового государства и весомость судебных полномочий требуют от законодателя максимально полного и точного урегулирования процесса судопроизводства).

Рассматривая институт административного обжалования более детально, отметим, что в целом для стран Европы свойственна кодифицированность института административного обжалования, что обычно проявляется в принятии специального закона об административной процедуре, который регламентирует основные вопросы обжалования в административном порядке. Такие законы приняты в Германии, Австрии, Испании, Латвии, Эстонии и других государствах. Некодифицированным данный институт остается в Великобритании, где это оправдано, учитывая особенности англо-американской правовой семьи, а также во Франции, где административное обжалование регулируется рядом законодательных актов, дополненных решениями Государственного совета, которыми и сформулированы несколько общих правовых принципов обжалования (соблюдение права на судебную защиту, обжалуемость любого решения низшего органа в высший, соблюдение беспристрастности и др.) [10, с. 57–58].

Говоря о процедуре административного обжалования, следует отметить, что общеевропейской модели та-

кой процедуры не существует. Обычно используется одна из двух форм:

1) административное обжалование может осуществляться путем представления жалобы руководителю органа, должностное лицо которого приняло обжалуемое решение, совершило действие, бездействовало, или к высшему органу соответствующей отрасли государственного управления;

2) при государственных органах могут создаваться специальные апелляционные структуры, которые по существу являются квазисудебными учреждениями. Они являются независимыми от других структурных подразделений определенного органа, обычно действуют с привлечением общественности и представителей экспертной среды, а деятельность по рассмотрению жалоб является для них основной. Например, в Нидерландах распространена практика, когда в муниципалитетах образуются специальные совещательные комиссии по рассмотрению жалоб на распоряжения муниципалитета. При рассмотрении жалобы, если комиссия отказывает в ее удовлетворении, это решение является окончательным. Если же комиссия находит основания для удовлетворения жалобы, то проект соответствующего решения передается уполномоченному субъекту для принятия решения по существу [11, с. 108].

Характеризуя европейский правовой опыт судебного обжалования, необходимо отметить, что способы судебного обжалования, порядок подачи и рассмотрения жалоб определяются моделью административной юстиции, внедренной в определенной стране. Так, во Франции, Германии, Болгарии, Австрии, Украине и других странах внедрена система специализированных судов, к юрисдикции которых отнесены споры с органами публичной власти. Причем в некоторых государствах разделено рассмотрение дел относительно административных правонарушений и, собственно, административных споров (Эстония, Украина). В других странах (Венгрия, Россия) отдельные суды административной юрисдикции не созданы. Отметим, что общеевропейской тенденцией сегодня является первый вариант (наличие специализированных административных судов). Это подтверждается и внедрением таких судов во многих странах Европы, в том числе

так называемых «новых демократиях» [12, с. 71–75], и активным обсуждением потребности в административных судах, которое продолжается в странах, где отсутствует административная специализация в системе судоустройства [3; 4].

Важным для развития института обжалования в административном праве Украины является также исследование европейского опыта относительно связи между административным и судебным обжалованием. Украинское законодательство в целом исходит из факультативности процедур административного обжалования, их неиспользование не препятствует обращению в суд. Этот подход позитивно оценен и в научных источниках. В частности, Л.Е. Кисель и В.П. Тимошук рассматривают административное обжалование как один из видов административной процедуры или как ее факультативную стадию [13, с. 144; 11, с. 105].

В целом, считая, что этот подход наиболее полно отвечает отечественным правовым реалиям, отметим, что факультативность административных процедур обжалования не является общепризнанной европейской практикой. Например, в Венгрии жалобу обычно можно подать лишь на окончательное решение органа управления, поэтому прежде чем обратиться за судебной проверкой решения, необходимо исчерпать все возможности обжалования в соответствующем органе [12, с. 72]. Так же должен действовать заявитель жалобы в Латвии. В Австрии административные дела в первой инстанции рассматривают административные трибуналы, которые формируются или как независимые органы, или как высшее подразделение органа управления [12, с. 70]. В ФРГ попытка досудебного урегулирования является обязательным условием принятия дела к судебному разбирательству. В свою очередь как необязательная процедура административное обжалование установлено во многих постсоциалистических странах (Украина, Россия, Эстония, Болгария и др.), что объясняется, вероятно, стремлением оградиться от своеволия бюрократии, а также утвердить авторитет судебной власти как основного защитника прав и свобод граждан.

Выводы. Следует отметить, что учет изложенных выше аспектов евро-

пейского правового опыта в сфере обжалования решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий является необходимым условием дальнейшего совершенствования этого института как в праве Украины, так и других стран, которые стремятся к построению правового государства.

Список использованной литературы:

1. Радько Т.М. Основные функции социалистического права : [учебное пособие] / Т.М. Радько. – Волгоград : НИ и РИО ВСШ МВД СССР, 1970. – 142 с.
2. Демин А.А. Субъекты административного права Российской Федерации : [учебное пособие] / А.А. Демин. – М. : Книгодел, 2010. – 272 с.
3. Стариков Ю.Н. Административные суды в России: новые аргументы «за» и «против» / Ю.Н. Стариков ; под ред. и с предисл. В.И. Радченко. – М. : Норма, 2004. – 127 с.
4. Масленников М.Я. Российский административный процесс: перспективы легитимации, централизации и систематизации / М.Я. Масленников. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 275 с.
5. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / [Н.И. Матузов, А.В. Малько, К.А. Скусь и др.] ; под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – Саратов : Изд-во ГОУ «Саратовская академия права», 2010. – 704 с.
6. Анохина Л.С. Особенности административной юстиции в Украине / Л.С. Анохина // Кримський юридичний вісник. – 2009. – № 1. – С. 40–47.
7. Сало Л.Б. Медіація як спосіб альтернативного вирішення окремих публічно-правових спорів / Л.Б. Сало // Проблеми державотворення і захисту прав людини в Україні : Матеріали XVI регіональної науково-практичної конференції (Львів, 8–9 лютого 2010 р.). – Львів : Юридичний факультет Львівського національного університету імені Івана Франка, 2010. – С. 140–142.
8. Адміністративні процедури і адміністративне судочинство в Німеччині : збірник матеріалів. – пер. з нім. – К. : Тандем, 2006. – 180 с.
9. Шмідт-Ассман Е. Загальне адміністративне право як ідея врегу-

лювання: основні засади та завдання систематики адміністративного права / Е. Шмідт-Ассман ; пер. з нім. Г.С. Рижков, І.М. Сойко, А.І. Баканов ; відп. ред. О.Ю. Сироїд. – 2-ге вид., перероб. і доп. – К. : К.І.С., 2009. – 523 с.

10. Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под. ред. Т.Я. Хабриевой. – М. : Статут, 2011. – 320 с.

11. Тимошук В.П. Інститут адміністративного оскарження: проблеми та перспективи розвитку / В.П. Тимошук // Часопис Київського університету права. – 2008. – № 4. – С. 105–110.

12. Адміністративна юстиція України: проблеми теорії і практики. Настільна книга судді/за заг. ред. О.М. Пасенюка. – К. : Істина, 2007. – 608 с.

13. Кисель Л.Є. Правове регулювання процедури адміністративного оскарження / Л.Є. Кисель // Часопис Київського університету права. – 2008. – № 3. – С. 144–150.

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В УКРАИНЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Виктор МАСЛОВ,

соискатель

Института законодательства Верховной Рады Украины,

судья

Тростянецкого районного суда Сумской области

Summary

The article is devoted to the exploring of question connect with a place of case-law in the system of procedural law in Ukraine. Author describes the role of the legal opinions of the Supreme Court of Ukraine, as well as their impact on the fixity of judicial decisions and speed of their adoption. He also researches the mechanism of acceptance and decision-making, which later can be classified as a basic of the practice of case law. Article involves the descriptions of Roman-Germanic and Anglo-Saxon doctrines, prevailing in the world, by pointing out their positive and negative traits, highlights the specification of existence of judicial precedent in such legal families and expediency of their use in the justice of our country.

Key words: court system, case-law, material and procedural law, mechanism of case-law's formation, court decision, Romano-Germanic and Anglo-Saxon law.

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопроса места прецедентного права в системе процессуального права Украины. Рассматривается роль правовых позиций Верховного Суда Украины, а также их влияние на стабильность судебных решений и оперативность их принятия. Исследуется механизм принятия решений, которые в дальнейшем могут квалифицироваться как основа практики прецедентного права. На примере романо-германской и англосаксонской доктрин, сложившихся в мире, мы, указывая на их положительные и отрицательные черты, подчеркиваем особенности существования судебного прецедента в таких правовых семьях и отмечаем целесообразность их применения в правосудии нашей страны.

Ключевые слова: судебная система, судебный прецедент, материальное и процессуальное право, механизм формирования судебного прецедента, судебное решение, романо-германское и англосаксонское право.

Постановка проблемы. Сегодня гражданское процессуальное право, оставая в истории советского периода узость и ограниченность судебного процесса, переходит не только к различным видам судебных процессов, но и к прецедентам как устоявшимся и обязательным правовым позициям, сформулированным Верховным Судом Украины на основе принципа справедливости, обычаев нашего народа и единого подхода к пониманию как материальных, так и процессуальных норм права при принятии судебных решений. Таким образом, мы говорим о новом направлении развития гражданского судопроизводства (а соответственно, и теории гражданского процессуального права), в основе которого лежит судебный прецедент как процессуально-правовой продукт со статусом обязательности его применения в спорах, возникших из подобных правоотношений.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что стремительное развитие общественных отношений требует корреляционного развития права в целом и гражданского процессуального права в частности, поскольку регулирование общественных

отношений постоянно нуждается в обновлении законодательства и соответствующего подхода к практике рассмотрения гражданских дел.

Состояние исследования. Вопросом процессуально-правового механизма функционирования судебных прецедентов и их воплощения в правовую практику занимались Б.И. Квятковская, Т.М. Анакина, А.И. Дришлюк, В.И. Ямочный, К.И. Пузовикова, Л.А. Луць, Ю.Ю. Попов, Б.И. Шацкая, А.Т. Боннер, Е.А. Борисова, Е.В. Васюковский, Н.М. Ясынок и другие.

Целью статьи является исследование научных трудов отечественных и зарубежных ученых, принятых решений всеми звеньями судебной системы и Верховным Судом Украины, а также анализ статистики по обжалованию судебных решений судами высших инстанций с целью установления эффективности и целесообразности функционирования механизма судебного прецедента в Украине.

Изложение основного материала. Украина как европейская страна должна иметь не только современное гражданское законодательство, но и соответствующее уровню развития общественных отношений гражданское про-

цессуальное право как отрасль, нормы которой регулируют порядок судебного рассмотрения частных дел. И в этом контексте важную роль играет становление и развитие судебного прецедента в Украине, который, с одной стороны, приближает украинскую правовую систему к требованиям и стандартам, которые сегодня сложились в мире, а с другой – требует установки исправного механизма функционирования и осуществления.

Такой подход к процессу формирования правового механизма судебного прецедента должен быть приемлемым как с теоретической, так и практической точек зрения, поскольку судебный прецедент необходимо рассматривать как синтез общих принципов материального и процессуального права и морали по отношению к конкретному судебному делу. С учетом именно такого подхода к механизму формирования судебного прецедента мы можем брать за основу его доктринальную формулу «stare decisis», что означает «следовать уже решенному в прошлом и не изменять установленного» [1, с. 827], «от прецедента к прецеденту» [2, с. 101], «следовать решенному раньше» [3, с. 2]. Используя данный подход к понятию

судебного прецедента, все исследователи, которые в той или иной степени брались за исследование данного вопроса, акцентировали свои выводы на том, что «судебный прецедент – это такое решение суда по конкретному делу, что подсказывает другим судьям, какие решения следует принять» [4], «судебный прецедент – это решение по конкретному делу, которое благодаря обоснованию становится правилом, обязательным для всех судов той же или низшей инстанции при рассмотрении аналогичных дел» [5, с. 121]. Давая понятие судебного прецедента, мы можем сказать о том, что судебный прецедент – это такая правовая позиция, сформулированная судом высшей инстанции при рассмотрении конкретного дела, которая является единственной верной в своем роде.

Под механизмом формирования судебного прецедента мы понимаем процессуально-правовые способы и средства, применяя которые суд может сформулировать правовые идеи в виде правовых формул, которые могут брать за основу другими судьями при принятии своих решений по конкретным делам, воспринимая их, с одной стороны, как единственно верные, а с другой – выдавая их как свои. При этом каждый судья, принимая судебное решение по сути гражданского спора, будет исходить из своего внутреннего убеждения и, несмотря на «заимствования» правовой позиции в своем решении, будет всегда индивидуализировать его со своей фамилией.

Такие подходы характерны для англосаксонской правовой семьи прецедентного права, которое формируется за счет всей совокупности прецедентных решений.

В Украине же в большинстве действует статически-правовой способ принятия судебных решений как разновидность континентального права (романо-германской семьи), при котором каждая норма материального права, как трафарет, накладывается судьями на те или иные правоотношения и на этой основе принимается судебное решение. Несмотря на то, что такая процедура принятия судебного решения и основывается на базе общих принципов материального права, требований процессуального законодательства, содержание судебных решений при од-

них и тех же правоотношениях, одних и тех же нормах материального права, в отличие от прецедентного права, часто бывает разным.

Так, в 2011 г. принятием судебного решения было закончено 756,3 тыс. дел искового и особого производства. В то же время в апелляционном порядке было отменено и изменено 47,5 тыс. таких решений. Высшим специализированным судом Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел в порядке кассационного рассмотрения было отменено и изменено 2,4 тыс. судебных решений.

Несмотря на это, в 2011 г. Верховным Судом Украины также было отменено и изменено 5,2 тысяч судебных решений, из которых 34 решения было отменено на основании неодинакового применения закона [6, с. 35].

В 2013 г. апелляционными судами Украины было отменено 35,7 тыс. судебных решений. Еще 2,5 тыс. судебных решений было отменено и изменено Высшим специализированным судом Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел. Несмотря на это, Верховным Судом Украины было отменено еще 860 решений (1,2 тыс. Судебных решений в 2012 г.), из которых 48 решений – на основании неодинакового применения закона [7, с. 31–32].

Таким образом, судебная статистика свидетельствует, что количество отмененных судебных решений является довольно значительным, при этом количество таких дел уменьшается. В то же время количество дел, в которых неодинаково применяются одни и те же нормы закона, в одних и тех же правоотношениях увеличивается.

Это имеет место потому, что судьи имеют разные представления о сути норм материального права, и по этим основаниям, принимая судебные решения, вкладывают в их содержание свое понимание, исходя из качества их собственного уровня образованности, жизненного опыта и судебной практики. При этом судья не трактует норму права с точки зрения широкого или глубокого ее понимания в сфере определенного правоотношения, а применяет ее буквально, механическим способом, часто опираясь при этом и на разъяснения Пленума Верховного Суда Украины и Высшего специализированного

суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел, изложенные в их постановлениях.

Безусловно, такие разъяснения в основном носят консультативный характер и не связываются с конкретной правовой позицией по определенному гражданскому делу. В отличие от таких разъяснений прецедентное решение суда впитывает в себя всю «совокупность тех или иных правил, вытекающих из ранее принятых судебных решений» [8, с. 44], заполняя собой определенные «пробелы» в действующем законодательстве. Таким образом, любой судебный прецедент является продуктом судебного правотворчества, но не каждый результат судебного правотворчества является судебным прецедентом [9, с. 618]. И это действительно так.

Основой для развития прецедентного права в сфере гражданского судопроизводства является судебная практика. Безусловно, с изменением текущего законодательства она будет меняться, в связи с чем будет меняться и судебный прецедент, которым сегодня является правовая позиция Верховного Суда Украины по конкретному делу.

Прежде всего создателем судебного прецедента является судья, так как именно он приносит в гражданский процесс не только свой жизненный опыт, профессиональные знания, но и свое представление о справедливости в сфере действия конкретной правовой нормы, корректируя каждый раз такие представления путем их сопоставления по отношению к общественному мнению, исходя из принципов справедливости, добросовестности, разумности, правовой свободы и тому подобное.

Такой подход к принятию судебных решений с точки зрения общих принципов является требованием сегодняшнего процессуального законодательства. Так, согласно ч. 1 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Украины (далее – ГПК Украины) «задачей гражданского судопроизводства является справедливое, беспристрастное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод и интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц, интересов государства». Выполнение этих задач яв-

ляется государственным долгом судей, поскольку судья принимает решение от имени и именем Украины (ст. 209 ГПК Украины).

Сегодня процессуальный закон требует от судей законных и обоснованных судебных решений. Такие требования закреплены в ст. 213 ГПК Украины. Решение является законным, если суд выполнил все требования гражданского судопроизводства и решил дело по закону. При этом решение считается обоснованным, если оно принято на основе полного и всестороннего выяснения обстоятельств, на которые стороны ссылаются как на основание своих требований и возражений, подтвержденных теми доказательствами, которые были исследованы в судебном заседании (ч. ч. 1–3 ст. 213 ГПК Украины).

Вместе с тем судьи районного звена судов часто попадают в ситуацию, при которой понимают, что справедливо было бы принять решение, исходя из норм морали, но с этих позиций очень сложно в достаточной степени обосновать свое решение.

Тогда судьи, исходя из реальности и законности судопроизводства, подходят к судебному процессу с точки зрения его линейности, то есть точного следования только нормам материального и процессуального права, внося тем самым в гражданское судопроизводство исключительный формализм. И это является объективным, поскольку полномочия судей первой инстанции при рассмотрении гражданских дел формализованы. Так, ст. 215 ГПК Украины точно закрепляет требования, которые должен выполнить суд при принятии судебного решения. При этом законодатель закрепляет обязанности суда по отношению к тому, что и в какой части судебного решения судья должен писать.

Безусловно, такой подход к рассмотрению судебных дел не дает возможностей судьям первой инстанции «творить право». Их задачей является правильное установление фактических обстоятельств по делу. И это важно в интересах всего механизма создания судебного прецедента, поскольку судьи могут не верно устанавливать фактические обстоятельства и, соответственно, принимать ошибочные судебные решения.

Первичным субъектом в формировании прецедентного судебного решения является судья первой инстанции. Местом формирования судебного прецедента является исключительно судебное заседание, а формой его закрепления – лишь письменное решение суда. Усиление содержания правовой аргументации на основе дедуктивного применения общих прецедентных правил будущего судебного прецедента происходит на уровне апелляционного суда, где проверяется гражданское дело на предмет: а) верности установленных обстоятельств; б) определения правоотношений; в) верности их квалификации по отношению к нормам права в суде первой инстанции; г) мотивации принятия решения или на основе высокой степени обобщения или непосредственной привязки к определенным фактам.

Отменяя судебное решение суда первой инстанции, апелляционный суд по существу заявляет о недоверии установленным правоотношениям и их квалификации судом первой инстанции и на этой основе дает свою интерпретацию «по существу заявленных исковых требований» (п. 2 ч. 1 ст. 307 ГПК Украины). В то же время, поддерживая решение суда первой инстанции, апелляционный суд развивает обоснование правовой позиции нижестоящего суда, расширяя ее и углубляя.

Более осязательно прецедентное право заявит о себе при изменении системы судостроительства и получении Верховным Судом Украины исключительной юрисдикции, которая сегодня присуща всем верховным судам европейских стран.

Делегирование всех без исключения полномочий Верховному Суду Украины способствовало бы созданию нового процессуально-правового механизма в сфере формирования прецедентного права, поскольку создание судебных прецедентов Верховным Судом Украины способствовало бы созданию устойчивой судебной практики, которую формировал бы единый высший орган судебной власти.

Выводы. Таким образом, механизм формирования судебных прецедентов в Украине осуществляется одновременно по горизонтали (нормы права, судебная практика) и по вертикали (судебные решения судов первой, апел-

ляционной и кассационной инстанции, Верховного Суда Украины, Европейского суда по правам человека).

При этом суть процессуально-правового механизма при создании судебных прецедентов заключается в процессуально-правовой возможности судов разных инстанций интерпретировать действующее материальное и процессуальное законодательство в соотношении с существующими судебными прецедентами с целью возможного расширения действия нормы права, которая регулирует определенные правоотношения в конкретном деле, представляя собой источник права как основание для дальнейшего их применения.

Именно по этим причинам в Украине сегодня формируется прецедентное право, которое никоим образом не может повредить праву континентальному, которое имеет место в Украине не одно столетие.

Список использованной литературы:

1. Carner B.A. A Dictionary of Modern Legal Usage / B.A. Carner. – New York : Oxford University Press, 1995. – 953 p.
2. Алексеев С.С. Право на пороге тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной Эпохи / С.С. Алексеев. – М. : Статут, 2000. – 256 с.
3. Попов Ю.Ю. Прецедент: напрямки розвитку у праві України / Ю.Ю. Попов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2009-3/09xnidcp.pdf>.
4. Козирка В.Є. Судовий прецедент в цивільному процесі / В.Є. Козирка // Молодіжний науковий вісник Української академії банківської справи НБУ. Серія «Юридичні науки». – 2012. – № 1(2). – 101 с. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://bulletin.uabs.edu.ua/store/jur/2012/7456f395fb7f78800e1de3ab13bd58c2.pdf>.
5. Строцький Р.Є. Судова влада як творець права в контексті поділу влад / Р.Є. Строцький // Науковий вісник Чернівецького університету. Серія «Правознавство». – 2012. – Вип. 641. – С. 121–126.
6. Аналіз стану здійснення судочинства судами загальної юрисдикції у 2011 р. (за даними судової статисти-

ки) // Вісник Верховного Суду України. 2012. – № 6. – С. 28–42.

7. Аналіз стану здійснення судочинства судами загальної юрисдикції у 2013 р. (за даними судової статистики) // Вісник Верховного Суду України. 2014. – № 5. – С. 31–40.

8. Бернхем В. Вступ до права та правової системи США / В. Бернхем. – К. : Україна, 1999. – 554 с.

9. Запара С.І. Цивільний процес України : [підручник] / С.І. Запара ; за заг. ред. М.М. Ясинка. – К. : Алерта, 2014. – 744 с.

10. Про судоустрій та статус суддів : Закон України від 7 липня 2010 р. № 2453-VI [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2453-17>.

11. Циппеліус Р. Філософія права / Р. Циппеліус ; пер. з нім. Є. М. Причепія. – К. : Тандем, 2000. – 299 с.

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ЕГО СОЦИАЛЬНОЕ БЫТИЕ

Екатерина НАУМЕНКО,

соискатель кафедры гражданского права и процесса
факультета права и массовых коммуникаций
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The main ways of civil and legal protection of non-property rights of individuals guaranteeing his/her social being are determined in the article; each of these methods of protection is analyzed; their importance for the protection of non-property rights is determined. The author emphasizes that the whole existing system of methods of civil and legal protection of individual's non-property rights protection guaranteeing his/her social being is a direct repetition of the general methods of protection of individual's civil rights.

Key words: ways of protection, general methods of protection, special methods of protection, classification of the methods of protection, civil and legal, non-property rights, individual.

Аннотация

В статье определены и исследованы основные способы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающие его социальное бытие, проанализирован каждый из указанных способов защиты, определено их значение для защиты личных неимущественных прав. Автор подчеркивает, что вся существующая система способов гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающих его социальное бытие, является прямым повторением общих способов защиты гражданских прав личности.

Ключевые слова: способы защиты, общие способы защиты, специальные способы защиты, классификация способов защиты, неимущественные права, физическое лицо.

Постановка проблемы. В любой цивилизованной стране права и свободы человека и гражданина являются приоритетом государственной политики. Украина не исключение. Соответственно, в Конституции Украины и других отраслевых законах прописаны и закреплены как имущественные, так и неимущественные права и свободы каждого гражданина. Полноценная реализация человеком таких прав и свобод невозможна без действенной и комплексной системы их защиты. Особенно актуальным и важным стоит вопрос защиты личных неимущественных прав физического лица в целом, а также тех, которые обеспечивают его социальное бытие. Существование различных способов гражданско-правовой защиты таких прав предоставляет любому лицу реальные возможности в части выбора и реализации защитных механизмов в случае их правонарушения.

Целью статьи является определение и исследование основных способов гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающих его социальное бытие.

Актуальность темы исследования. Сначала нам необходимо обратиться к категориально-понятийному аппарату и выяснить содержание такого понятия, как способ защиты. В частности, В.В. Витрянский под способами защиты понимает предусмотренные законом средства, с помощью которых обеспечивается прекращение, предупреждение, устранение нарушений права, его обновление или (и) компенсация убытков, вызванных нарушением субъективного гражданского права [1, с. 128]. В свою очередь В.В. Болгова под «способом защиты» понимает «правовое средство, применяемое при совершении противоправного деяния или за нарушение субъективного права или законного

интереса, в пределах и формах, допускаемых законом» [2, с. 9]. По нашему мнению, определение понятия «способ защиты», приведенные В.В. Витрянским и В.В. Болговой, наиболее точно раскрывают сущность этой категории. М.И. Брагинский под способами защиты понимает «предусмотренные законодательством средства, с помощью которых могут достигаться пресечение, предупреждение, устранение нарушений права, его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права» [1, с. 176]. Автор приводит практически аналогичное определение понятия «способ защиты», как и его предшественники. Т.Н. Пидлубная считает, что «способы защиты» можно рассматривать как предусмотренные законом или договором правовые приемы, с помощью которых лицо, субъективное гражданское право которого нарушено, не признается или оспаривается, «имеет возможность прекратить его нарушения, осуществить его восстановление и таким образом реализовать предоставленное его субъективное гражданское право на защиту» [3, с. 12]. Поэтому на основе изложенного следует сделать вывод, что способы защиты прав – это заключительные акты защиты гражданских прав в виде материально-правовых или юрисдикционных действий, направленных на устранение препятствий на пути осуществления субъектами своих прав (интересов) или на прекращение правонарушения, восстановления положения, существовавшего до правонарушения. Именно применение конкретного способа защиты нарушенного или оспариваемого права (интереса) является целью и результатом деятельности по защите прав.

Изложение основного материала. Каждая из приведенных позиций имеет свои недостатки, которые свидетельствуют о том, что «способ защиты» не является должным образом разработанной категорией в гражданском праве. Кроме того, понятие «способы защиты» прав в зависимости от их целевой направленности различаются по своей правовой природе. Поэтому на основе изложенных мыслей следует отметить собственное мнение относительно интерпретации по-

нятия «способ защиты прав». Так, по нашему мнению, способы гражданско-правовой защиты субъективных прав представляются собой систему средств как непосредственного, так и превентивного характера, направленных на предотвращение, разрешение, урегулирование и восстановление гражданских прав лица-носителя вышеупомянутых прав, которые определяются законодательством и являются дозволенными и достаточными для решения конфликтных ситуаций и правонарушений. Следовательно, мы видим, что в науке гражданского права сложилось несколько основных подходов к определению «способ защиты». В частности, способы защиты гражданских прав рассматривают: 1) как «правовое средство» воздействия на общественные отношения в целях защиты субъективного права; 2) через категорию «мероприятие»; 3) через категорию «действие»; 4) как особый «прием», с помощью которого осуществляется защита права; 5) как «правовая конструкция».

Следовательно, с признанием того, что личные неимущественные права физического лица относятся к предмету гражданского права, актуальным становится определение надлежащего им правового механизма защиты, поскольку от этого зависит позитивное регулирование указанных прав. Выбор способа защиты личного неимущественного права, в частности личного неимущественного права физического лица, обеспечивающего его социальное бытие, принадлежит истцу. Вместе с тем лицо, право которого нарушено, может выбрать как общие, так и специальные способы защиты своего права, определенные законом, который регламентирует конкретные гражданские правоотношения. Поэтому отметим, что общий перечень таких способов защиты гражданских прав и интересов приведен в ст. 16 Гражданского кодекса Украины. К ним относятся такие: признание права; признание сделки недействительной; прекращение действия, которое нарушает право; восстановления положения, существовавшего до нарушения; принудительное исполнение обязанности в натуре; изменение правоотношения; прекращение правоотношения; воз-

мещение убытков и прочие способы возмещения имущественного вреда; возмещение морального (неимущественного) вреда; признание незаконными решений, действий или бездействия органа государственной власти, органа власти Автономной Республики Крым или органа местного самоуправления, их должностных и служебных лиц.

В соответствии с общими положениями о защите личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающих его социальное бытие, анализ ст. 16 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) свидетельствует о том, что, во-первых, перечень способов не является исчерпывающим, поскольку в соответствии с абз. 2 ч. 2 ст. 16 суд может защитить гражданское право или интерес другим способом, установленным договором или законом; во-вторых, указано наиболее распространенные способы защиты, которые применяются ко всем гражданско-правовым отношениям; в-третьих, такое законодательное закрепление способов защиты дает потерпевшему право выбора наиболее приемлемых способов защиты нарушенных прав или интересов, поскольку в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Украины от 27 февраля 2009 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства физического лица, а также деловой репутации физического и юридического лица» предусмотрено, что выбор способа защиты личного неимущественного права принадлежит истцу [4]. Поэтому предлагаем остановить наше внимание и коротко рассмотреть общие способы защиты, которые использует физическое лицо для защиты своих личных неимущественных прав, обеспечивающих его социальное бытие.

Так, первым из указанных способов является признание права. Содержание признание права в общем виде заключается в подтверждении существования определенного права. Т.Е. Абовая отмечает, что этот способ защиты является надлежащим инструментом в случаях, когда необходимо снять сомнения в принадлежности права носителю личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающие его социальное бы-

тие [5, с. 121]. Следующим способом защиты личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающих его социальное бытие, является признание сделки недействительной. Этот способ защиты непосредственно регламентируется ст. ст. 215–236 ГК Украины. Целью обращения в суд с таким иском является применение последствий ее недействительности, то есть реституции, возмещения убытков и морального вреда, причиненного заключением такой сделки. С таким иском вправе обратиться не только сами стороны недействительной сделки, но и другие лица, например представители несовершеннолетних, малолетних детей, ограниченно дееспособных или недееспособных лиц, а также другие заинтересованные лица [6, с. 17].

Еще одним способом защиты личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающих его социальное бытие, является прекращение действия, которое нарушает право. Указанный способ защиты следует применять тогда, когда необходимо прекратить нарушения личного неимущественного права на будущее или устранить угрозу его нарушения. Применение этого способа защиты в таких правах, как право на уважение чести, достоинства, деловой репутации, позволит не допустить вредных последствий или по крайней мере уменьшить их [7, с. 29]. Четвертый способ защиты личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающих его социальное бытие – это восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Этот способ связан с применением определенных мер, направленных на восстановление нарушенного субъективного права лица в том состоянии, в котором оно существовало до его нарушения [8, с. 267]. Еще одним не менее важным способом является изменение правоотношения. Одной из целей использования такого способа защиты, как прекращение правоотношения, является освобождение лица от обязанностей, что входят в содержание этого правоотношения или устранения препятствий для вступления иного права [9, с. 64]. Следующий способ защиты – возмещение убытков и

прочие способы возмещения имущественного вреда – может применяться как самостоятельно, так и сочетаться с другими требованиями, например с исками о расторжении договора в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением его другой стороной, о принудительном исполнении долга в натуре, об устранении препятствий в пользовании имуществом и тому подобное. Компенсация морального вреда в работе И.В. Саприкиной названа основным способом защиты личных неимущественных прав.

Еще одним способом защиты гражданских прав, предусмотренных ст. 16 Гражданского кодекса Украины, является признание незаконными решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов власти АПК, органов местного самоуправления их должностных и служебных лиц, которое характеризуется четко определенным субъектом соответствующего государственного органа. Основанием для подачи такого иска служат принятия незаконных решений, незаконные действия или бездействие указанных органов, повлекшее причинение вреда лицу. Причем в соответствии со ст. ст. 1173–1175 ГК Украины такой вред возмещается независимо от вины этих органов (лиц) [10].

Для защиты личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающих его социальное бытие, можно применять также другие (специальные) способы. К числу таких специальных способов защиты личных неимущественных прав законодатель относит: 1) восстановление нарушенного личного неимущественного права; 2) опровержение неправдивой информации (например, об личной жизни физического лица, его честное имя); 3) запрет распространения информации, нарушающей личные неимущественные права.

Указав общие и специальные способы защиты личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающих его социальное бытие, стоит сказать, что Гражданский кодекс Украины не ограничивает возможность применения только рассмотренных способов и не все из указанных гражданско-правовых способов защиты в полном объеме можно при-

менить при защите личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающих его социальное бытие. Это объясняется тем, что личные неимущественные права имеют ряд особенностей, которые прежде всего содержатся в самом объекте и должны учитываться при выборе соответствующего способа.

Следовательно, исходя из анализа существующих способов защиты, можно выделить: 1) способы защиты, имеющие целью прекратить нарушения или устранить угрозу нарушения личного права, его непризнание (признание права, пресечение действий, нарушающих право и т. д.); 2) способы защиты, имеющие целью восстановить нарушенное личное право (восстановление положения, существовавшего до нарушения, опровержение и т. п.); 3) способы защиты, имеющие целью компенсировать вред, связанный с нарушением или угрозой нарушения личного права (возмещение убытков, компенсация морального вреда и т. п.).

По признаку субъекта, управомоченного на реализацию того или иного способа защиты, выделяют такие виды способов гражданско-правовой защиты: 1) способы защиты, реализация которых может быть осуществлена только с помощью государственного принуждения; 2) способы защиты, реализация которых может быть осуществлена как с помощью органов государственного принуждения, так и управомоченного субъекта; 3) способы самозащиты. К первому виду относятся способы, применение которых возможно лишь судом (признание права, признание оспариваемой сделки недействительной и др.); способы, которые применяются не только судом, но и государственными органами, которые наделены полномочиями по защите гражданских прав в административном порядке (прекращение действия, которое нарушает право, восстановление положения, существовавшего до нарушения). Ко второму виду относятся способы, которые могут быть использованы стороной правоотношения как с помощью суда, так и самостоятельно (возмещение убытков, взыскания неустойки); к третьему – самозащита, защита гражданских прав без участия суда.

Воспринимая научный подход к разделению способов защиты на общие и специальные, которые были указаны выше, отдельные авторы пытаются, используя указанный классификационный критерий, еще больше измельчить способы защиты, выделяя при этом: 1) общие, предусмотренные ч. 2 ст. 16, в дальнейшем детализированные нормами Гражданского кодекса Украины; 2) подотраслевые, предусмотренных отдельными подотраслями гражданского права; 3) институциональные, содержащиеся в отдельных институтах гражданского права; 4) отдельные, содержащиеся в отдельных нормах права [11, с. 131–135]. По нашему мнению, попытки некоторых авторов измельчить уже существующую классификацию способов защиты не представляется нам уместным. Такие попытки авторов только затрудняют понимание, изучение и обобщение всех разработанных способов защиты, одни ученые считают, что по данному критерию способы защиты указанных прав следует разделять на материальные и процессуальные. При этом под «материально-правовыми способами» понимают действия субъектов материально-правовых отношений, направленные на защиту нарушенных прав, а под «процессуально-правовыми способами» – действия юрисдикционных органов, направленные на защиту нарушенных или оспариваемых личных неимущественных прав [12, с. 13, 22].

Выводы. Итак, подытоживая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что существующая система способов гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав физического лица, обеспечивающих его социальное бытие, является прямым повторением общих способов защиты гражданских прав личности. Законодатель пытается учитывать последние тенденции и изменения, происходящие в обществе, и попытки каждого члена социума полноценно реализовывать все свои конституционные права и свободы, а также средства по их защите и восстановлению в случае нарушения. Однако на практике ситуация далека от идеальной. Большинство способов защиты лежат в судебной плоскости и не могут сра-

зу обеспечить лицам полноценных гарантий по эффективной защите их личных неимущественных прав, обеспечивающих социальное бытие этих лиц.

Список использованной литературы:

1. Брагинский М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – 847 с.

2. Болгова В.В. Формы защиты субъективного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 «Теория и история государства и права, история правовых учений» / В.В. Болгова. – Уфа, 2000. – 38 с.

3. Підлубна Т.М. Право на захист цивільних прав та інтересів: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.03 / Т.М. Підлубна. – К., 2009. – 209 с.

4. Про судову практику у справах про захист гідності та честі фізичної особи, а також ділової репутації фізичної та юридичної особи: Постанова Пленуму Верховного Суду України від 27 лютого 2009 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v_001700-09.

5. Абова Т.Е. Охрана хозяйственных прав предприятий / Т.Е. Абова. – М.: Юрид. лит., 1975. – 216 с.

6. Дзера О.В. Недійсність правочину (угоди) за новим Цивільним кодексом України / О.В. Дзера, О.О. Отраднова // Юридична Україна. – 2003. – № 10. – С. 17–18.

7. Попов Ю.В. Захист честі, гідності, ділової репутації фізичної особи / Ю.В. Попов, К.Р. Федонюк // Юридична наука. – 2012. – № 2. – С. 27–31

8. Цивільне право України: у 2 т. / [В.І. Борисова, Л.М. Баранова, І.В. Жилінкова та ін.]; за заг. ред. В.І. Борисової, І.В. Спасиво-Фатєєвої, В.Л. Яроцького. – К.: Юрінком Інтер, 2004. – Т. 1. – 2004. – 567 с.

9. Ярема А.Г. Прекращение правоотношения права способ защиты гражданского интереса / А.Г. Ярема // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2010. – Т. 23(62). – № 1. – С. 63–72.

10. Цивільний кодекс України: науково-практичний коментар: у 2 ч. / за заг. ред. Я.М. Шевченко. – К.: Ін Юре, 2004. – Ч. 1. – 2004. – 692 с.

11. Вершинин А.П. Способы защиты гражданских прав в суде / А.П. Вершинин. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. – 164 с.

12. Цивільне право в Україні: [курс лекцій]: у 6-ти т. / [Р.Б. Шишка, О.Л. Зайцев, Є.О. Мічурін та ін.]; за ред. Р.Б. Шишки та В.А. Кройтора – Х.: Національний університет внутрішніх справ. 2004. – Т. 1. – 2004. – 417 с.

ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Юрий ОРЛОВ,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
факультета подготовки специалистов для подразделений следствия
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The article is devoted to the analysis of the scientific basis of socio-legal crime evaluation as a political one. The author makes conclusion about the relativism of socio-legal evaluation, as well as about the constructivist nature of political crime. Based on the analysis of the legislation on the rehabilitation of victims of political repressions in Ukraine the author grounds such a feature of Crime recognition of political practices, as deferred character. The latter expresses the dependence of public opinion and judgment about the crime or the legitimacy of political activity from temporary and ideological factors. The latter are crucial for legal evaluation. The features of the system of the norms of criminal legislation of Ukraine establishing criminal liability for political crimes are defined.

Key words: socio-legal evaluation, political crime, repression, historical experience, transformation of outlook, deferred character.

Аннотация

Статья посвящена анализу научных оснований социально-правовой оценки преступления как политического. Делается вывод о релятивизме социально-правовой оценки, а также о конструктивистской природе политического преступления. На основании анализа законодательства о реабилитации жертв политических репрессий в Украине обосновывается такой признак признания преступности политических практик, как отсроченный характер, который выражает зависимость общественного мнения и суждений о преступности или правомерности политической деятельности от временных и мировоззренческих факторов. Последние являются определяющими для правовой оценки. Выявлены черты системы норм уголовного законодательства Украины, устанавливающие уголовную ответственность за политические преступления.

Ключевые слова: социально-правовая оценка, политическое преступление, репрессии, исторический опыт, трансформация мировоззрения, отсроченный характер.

Постановка проблемы. Проблема преступности является на сегодняшний день одной из наиболее острых общественных и сугубо политических проблем мирового масштаба. Особое беспокойство в этом смысле вызывает интенсификация именно политической преступности, которая, встраиваясь структурно в процессы глобализации, приобретает новые формы. Причем их общественная опасность проявляется не только в актуальном причинении вреда, а и в отдаленных деструктивных последствиях для целых поколений. Поэтому противодействие политической преступности, своевременное извлечение уроков из истории является не только криминологической задачей, но и моральным долгом перед будущими поколениями. Однако успешная деструкция криминально-политических практик возможна только на развитой научной основе, в которой понимание политического преступления является одной из наиболее существенных составляющих.

Актуальность темы исследования. Теоретические и прикладные про-

блемы социально-правовой оценки политического преступления отражены в трудах А.М. Бандурки, Б. Вассони, С. Вибера, В.А. Глушкова, В.В. Голины, Г.Н. Горшенкова, Л.Н. Дунаевой, В.Н. Дрёмина, Н.А. Зелинской, П.А. Кабанова, В.В. Лунеева, О.М. Литвака, А.В. Мальяр, А.А. Музыка, В.С. Овчинского, А.Л. Сморгуновой, В.А. Шабалина, Д.А. Шестакова, Г.Й. Шнайдера, Т.Р. Янга и др. Однако криминологическая наука до сих пор не оперирует определённым научным подходом к оценке политически мотивированных деяний как преступных, в том числе и в контексте исторического анализа.

Цель статьи – определить, описать и объяснить научные основания социально-правовой оценки преступления как политического.

Изложение основного материала. Политическое преступление можно, по нашему мнению, определить как предусмотренное законом об уголовной ответственности умышленное общественно опасное деяние, направленное на получение, удержание государственной власти, изменение отдельных ее

составляющих (органов, должностных лиц, программы развития, идеологии и пр.), а также общественной мысли о функционировании такой власти¹. Таким образом, ключевыми признаками политического преступления, отражающими его криминологическую природу, являются: 1) политическая направленность, которая детализируется через указанные выше цели; 2) наличие надлежущей правовой и социальной оценки. И если первый признак является достаточно конкретным, то второй представляет определенную проблему для определения, которая заключается в следующем.

Прежде всего обратим внимание на то обстоятельство, что надлежущая уголовно-правовая и криминологическая оценка определенного политически мотивированного действия или целой системы соответствующих практик не всегда оказывается возможной в течение относительно короткого промежутка времени. История свидетельствует, что, как правило, требуется достаточно длительное время (иногда несколько поколений), чтобы в обновленных культурных, экономических, политических условиях по-другому определить действительное социальное значение

¹ Докладную аргументацию изложенного определения см. в статье автора: Орлов Ю.В. Феномен политической преступности / Ю.В. Орлов // *Legea si Viata*. – 2014. – № 10/2. – С. 117–120.

прежних законодательных положений, направленных на реализацию деятельности органов государственной власти, отдельных должностных лиц (или наоборот, деятельности тех, кто в уголовно наказуемых формах, в том или ином виде противодействовал политике государства).

Дело в том, что политическое преступление как таковое является релятивным социальным конструктом, ведь помимо прочего зависит (в большинстве случаев) от политической и общественной оценки. Как показывает практика, одно и то же поведение, де-юре являющееся преступным, де-факто не всегда находит аналогичную оценку в обществе, и наоборот. И речь идет даже не о различных оценках в обществах разных стран (чему может быть вполне логичное объяснение), а об оценках внутри общества одной страны как после длительной исторической эволюции, так и на относительно коротком отрезке времени. Так, например, политические репрессии советского периода объективно могли быть оценены только после изменения базовых мировоззренческих основ государственной политики, сопровождаемых кардинальными. В частности, только с началом необратимых изменений в политической системе СССР и принятием Закона УССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 г. был официально признан общественно опасный характер деятельности советской власти в течение длительного периода. В преамбуле этого закона говорится: «После 1917 г., в период гражданской войны и последующие десятилетия на земле Украины пролилось много человеческой крови. Миллионы невинных людей на основании антигуманных и антидемократических законов и в результате прямого беззакония и произвола (курсив – Ю. О.) подверглись преследованиям за свою политическую деятельность, высказывания и религиозные убеждения» [1]. И этот пример является достаточно показательным и ценным как с общественной, так и научной (криминологической) точки зрения, так как позволяет установить определённые ориентиры и принципы в оценке политических преступлений в настоящем и будущем.

В истории отечественной правотворческой практики это было первое

политическое решение, которым по сути признавалась преступность деятельности целого управленческого звена всего государственного аппарата, а также правоохранительных органов по отношению к гражданам, направленная на ущемление их гражданских и политических прав, утверждение тоталитарного политического режима. Подчеркнём, что решение это является политическим. А иначе и быть не могло, ведь с юридической точки зрения так называемые репрессивные органы действовали в рамках закона. Именно поэтому фактически неправовыми признаны целые статьи законов об уголовной ответственности, по которым происходили криминальные политические преследования. В частности, в ст. 1 указанного закона говорится о том, что признать реабилитированными лиц, которые были осуждены внесудебными органами («двойками», «тройками») за так называемые контрреволюционные преступления, а также за: а) антисоветскую агитацию и пропаганду по ст. 7 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25 декабря 1958 г. и ст. 62 Уголовного кодекса Украины в редакциях до принятия Закона Украинской ССР от 28 октября 1989 г. «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 14 апреля 1989 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украинской ССР»; б) распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, то есть по ст. 187-1 Уголовного кодекса Украины; в) нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, посягательство на личность и права граждан под предлогом взимания религиозных обрядов, если совершенные действия не были соединены с причинением вреда здоровью граждан или половым развратом [1].

Более того, Постановлением Верховной Рады Украины «О толковании Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий в Украине» от 24 декабря 1993 г. № 3812-ХІІ в п. п. 4, 7 изложен перечень действий, которые составляют содержание политических репрессий, а именно: а) объявление приговора, определения

(постановления) судом первой инстанции или решения (постановления) внесудебным органом о применении уголовного наказания, отправление в ссылку и высылку без предъявления обвинения в конкретном преступлении; б) вынесение судом или внесудебным органом решения о необоснованном применении принудительных мер медицинского характера; в) вынесение постановления об аресте и содержании под стражей в случае закрытия дела на предварительном следствии или в судебном порядке; г) принятие решения местными органами власти, должностными лицами или общественными организациями о применении репрессии в административном порядке [2].

При этом интересным является политико-правовой контекст этих правовых норм. Он выражает не только декриминализацию соответствующих действий в связи с утратой ими общественной опасности. Необходимость в реабилитации невинно осуждённых возникает в случае признания неправовым целого порядка государственного управления по определенным направлениям, неотъемлемой частью которого были правотворческие и правоприменительные инструменты. Таким образом, косвенно констатируется и преступность действий должностных лиц органов государственной власти. Вместе с тем такая констатация основывается не на нормах действующего законодательства, а на *общечеловеческих гуманистических ценностях, принципах либерального общественного и государственного устройства*; не на концепции юридического позитивизма, а скорее на естественно-правовой концепции. Последняя нашла своё основательное развитие в пределах криминологической науки в трудах академика А.Н. Костенко. Так, ученый отмечает, что, исходя из идеи существования «законов социальной природы», которые включают, в частности, законы естественного права, следует решать фундаментальные вопросы юриспруденции и криминологии: «Почему кража является преступлением – потому, что так следует из желаний и представлений людей, или потому, что она нарушает законы социальной природы, и люди, независимо от их желаний и представлений, вынуждены, согласно законам природы, признавать

кражу преступлением?» [3, с. 197]. Согласно социальному натурализму, который основан на признании существования законов социальной природы, кража нарушает определенный закон социальной природы, а люди должны узнать указанный закон и отразить это в соответствующем законодательстве, которое обеспечивало бы соответствующими средствами выполнения его людьми в общественной жизни. Это касается не только кражи, но и любого другого преступления.

Действительно, социально-правовая оценка деяния как преступления во многом является делом ситуативной целесообразности, продуктом социального контекста политических взаимодействий, воплощенных в законе. И это является объективным явлением. Социальная динамика столь же естественна, как и базовые, «малоподвижные» в содержательном, временном и территориальном измерении культурные нормы, обуславливающих ряд незыблемых в течение веков фундаментальных ценностей, посягательство на которые неизменно толкуется как преступление. Среди них, в частности, так называемые «вечные преступления» – убийства, кражи, разбои, изнасилования и тому подобное. Вместе с тем трансформации общественного сознания с объективной необходимостью влекут за собой потребность в научной и чисто социальной ревизии некогда естественно актуальных норм права. Такой пересмотр в отдельных случаях сопровождается признанием деструктивного их значения, имевшего место в прошлом. И в этом выражается не только юридическая, профессиональная оценка, но и этическая. Поэтому официальная реституция общественного порядка в виде отмены тех или иных норм позитивного права должна основываться, таким образом, на качественно ином мировоззрении, воплощенном в политической воле. Без изменения исходной системы координат невозможно оценить общественно опасный характер некоторых разновидностей политических практик, определить их как преступные.

Заметим, что фиксация подобного движения социальной материи во времени, в результате которого констатируются качественные преобразования её идеологических, культурных основ

существования, может быть применена как инструмент криминологического анализа политической преступности, однако только лишь *в контексте её внутригосударственных проявлений*. То есть речь идет об определенной форме исторической самокритики, своеобразного катарсиса в масштабах общества. Хотя и такие сдвиги в культурно-психологических основах социального развития не всегда могут быть четко идентифицированы, описаны и объяснены. Не в каждом случае приходится говорить о действительной фундаментальной переоценке прошлого в понимании взаимной ответственности поколений.

В этом контексте интересными представляются рассуждения А.С. Кончаловского, который, рефлекслируя на тему русского национального характера, приходит к следующему выводу: «Чувство вины – это чувство хозяина. Именно поэтому наивными выглядят призывы всенародно покаяться за злодеяния большевизма. Я считаю, что чувство исторической вины за нацизм, которое продемонстрировал немецкий народ, – свидетельство того, что эта нация способна нести ответственность за те трагические годы, когда ею был сделан осознанный выбор, обернувшийся чудовищными злодеяниями против человечества. Мы же чувством исторической вины не страдаем – мы уверены в том, что нам большевизм был навязан, вбит в душу гвоздями, и мы ни в чём не виноваты, виноваты «ОНИ!» [4, с. 64]. Полагаем, высказанные А.С. Кончаловским черты русского национального характера в определенной степени присущи и для украинских людей, что обусловлено многолетним совместным способом организации жизнедеятельности. И не потому ли вопрос демонтажа памятников отдельных политических деятелей советской эпохи вызывают немалый общественный резонанс, а идеи сталинизма, воинствующего постсоветского империализма угрожают реинкарнацией?

Впрочем, трансформация общественного сознания – процесс длительный. И пока оно не приобретет новые, контрверсионные по отношению к бывшей господствующей идеологии конфигурации, параметры, невозможно говорить о преступности или правомерности тех или иных политически

обусловленных (как предусмотренных законодательством, так и не предусмотренных) государственных или антигосударственных практик.

Вместе с тем прогресс гуманитарной мысли, воплощенный прежде всего в современном законодательстве, дает определенные «точки опоры», которые могут несколько снизить степень зависимости социально-правовой, криминологической оценки соответствующих действий как политических преступлений от фактора отсроченности. *В независимости от общественного отношения и официальной политической позиции государства* на сегодняшний день и на относительно определенную перспективу можно выделить определенные группы деяний, которые однозначно должны рассматриваться как политические преступления. Для выполнения этой задачи обратимся к существующему отечественному опыту, ведь из истории нужно извлекать уроки, которые необходимо закладывать в фундамент криминологической и уголовно-правовой политики.

В этом смысле ценны положения ст. 2 Закона УССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине», в которой закреплен перечень деяний, за которые лица *не могут быть реабилитированы, а именно*: а) за измену родине, шпионаж, диверсии, вредительство, саботаж, террористические акты; б) за преступления против человечества и человечности, карательные акции против мирного населения, убийства, истязания граждан и пособничество в этом оккупантам в период Великой Отечественной войны; в) за вооруженные вторжения на территорию Украины, организацию вооруженных формирований, которые совершали убийства, разбои, грабежи и другие насилия, и личное участие в совершении этих преступлений [1].

Из этого перечня следует, что каким бы высокими побуждениями не руководствовалось лицо, какой бы контрреволюционной (а в современных условиях – антиглобализационной, «миротворческой» и пр.) ни была ее деятельность, если в ней содержатся признаки указанных выше преступлений, то она беспеллационно считается преступной. Ведь ни одна политическая цель не может быть достигнута за счет человеческой жизни и государственно-

го суверенитета (в частности, в пределах границ, установленных согласно международному порядку после Второй мировой войны). Это неприемлемо. Поэтому есть неоспоримая черта, за которой снимается вопрос о вариативности содержания понятия политического преступления: там, где есть пренебрежение национальной безопасностью, посягательство на мир и безопасность человечества, человечность, жизнь отдельных людей, терроризм, там преступления без альтернативы морализации. По этой же логике, одной умозрительной идеей не может быть оправдано вооруженное вторжение на территорию суверенного государства.

Современное развитие правовой доктрины привело к тому, что перечень подобных общественно опасных политических мотивированных действий с достаточной полнотой отражен в национальном законодательстве об уголовной ответственности большинства цивилизованных стран мира. Как правило, этот перечень имеет структурную обособленность. В Уголовном кодексе Украины – это раздел I Особенной части «Преступления против основ национальной безопасности Украины», где сконцентрированы уголовно-правовые нормы, которые в своем большинстве определяют преступления политической направленности. К таким преступлениям также относится и большинство из предусмотренных разделом XX Особенной части Уголовного кодекса Украины «Преступления против мира, безопасности человечества и международного правопорядка», а именно: преступления, предусмотренные ст. ст. 436–437, 439, 440, 442–445, 447 Уголовного кодекса Украины. Отдельную группу преимущественно политических преступлений составляют и преступления против избирательных прав, предусмотренных ст. ст. 157–160 Уголовного кодекса Украины (так называемая электоральная преступность).

Политически мотивированными является и большая часть террористических актов, совершаемых не только в Украине, но и во всем мире. Впрочем, для отнесения группы преступлений, связанных с терроризмом (ст. ст. 258–258-5 Уголовного кодекса Украины) к исключительно политическим преступлениям нет достаточно оснований, учитывая особенности составов этих

преступлений и вероятность существования мотивов аполитичного характера (религиозного, личного и т. д.) при их совершении. Аналогичным образом следует подойти к возможности отнесения к политическим некоторых преступлений против авторитета органов государственной власти, местного самоуправления и объединений граждан, а именно: вмешательство в деятельность государственного деятеля (ст. 344 Уголовного кодекса Украины), угроза или насилие в отношении государственного или общественного деятеля (ст. 346 Уголовного кодекса Украины), препятствование деятельности народного депутата Украины и депутата местного совета (ст. 351 Уголовного кодекса Украины). В подавляющем большинстве случаев совершение этих преступлений связано с достижением целей политического характера. Не теряют своей актуальности и такие виды политически мотивированной (в ряде случаев) криминальной активности, как незаконное помещение в психиатрическое учреждение (ст. 151 Уголовного кодекса Украины), действия, направленные на разжигание национальной, расовой или религиозной вражды (ст. 161 Уголовного кодекса Украины), препятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 171 Уголовного кодекса Украины) и некоторые другие.

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод, что перечень политических преступлений, хотя и не является жестко фиксированным и далеко не исчерпывается только преступлениями против основ национальной безопасности, все же в рамках национального законодательства устанавливается с достаточной четкостью. На сегодняшний день это в полной мере позволяет опираться на буква закона в тех случаях, когда возникают ситуации идеологической конфронтации. Поэтому основные трудности по противодействию политической преступности во внутригосударственном измерении смещаются со сферы криминологической и уголовно-правовой доктрины, правоприменения в сферу правоприменения. Несмотря на это, следует также понимать и относительность устойчивости указанных нормативно-правовых основ, возможности манипуляции ими в политических целях путём придания

ложного толкования, распространяемого среди населения государства. Но жизнь вносит собственные коррективы в искусственные конструкции, такие как системы права, социальные мифы и пр. Поэтому не стоит исключать вероятности идеологически и юридически обоснованной оценки в будущем как политических преступлений тех деяний, которые имеют место в настоящее время и признаются правомерными. Задача криминологии в этом смысле заключается в том, чтобы: 1) на основании имеющегося национального опыта и сравнительного анализа обеспечить своевременное выявление, описание и объяснение признаков готовящейся или осуществляемой политической преступной деятельности; 2) обеспечить субъектов противодействия преступности научно обоснованным инструментарием (правовых, политических, дипломатических и других мер) её предупреждения или пресечения.

Отдельно отметим, что мало разработанным именно на доктринальном уровне остается международно-правовое измерение определения преступности и правомерности политических практик. В нем можно выделить по меньшей мере три проблемных направления: 1) оценка иностранными государствами и международными организациями событий, происходящих внутри другого государства как политического преступления (преступлений) со стороны власти по отношению к своим гражданам; 2) оценка иностранными государствами и международными организациями как политических преступлений актов вмешательства (вооруженных, политических, экономических и т. д.) одной страны в дела (на территорию) условно третьего суверенного государства; 3) правовая и криминологическая оценка деятельности международных (межгосударственных) организаций, объединений, блоков. Указанные направления открывают дополнительные перспективные зоны научного поиска.

Список использованной литературы:

1. О реабилитации жертв политических репрессий на Украине : Закон УССР от 17 апреля 1991 г. № 962-XII [Электронный ресурс]. – Режим до-

ступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/962-12>.

2. О толковании Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий в Украине» : Постановление Верховной Рады Украины от 24 декабря 1993 г. № 3812-ХІІ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/3812-12>.

3. Костенко А.Н. Модернизация доктрины современной криминологии в парадигме социального натурализма / А.Н. Костенко // Вестник Ассоциации уголовного права Украины. – 2014. – № 2. – С. 190–208.

4. Кончаловский А.С. На трибуне реакционера / А.С. Кончаловский, В.Б. Пастухов. – М. : Эксмо, 2007. – 320 с.

ГЕНЕЗИС ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Оксана ОСАДЧАЯ,
соискатель

Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

Some stages of the legislation's origin and development that regulates prosecutor's activities in choosing preventive measures are studied in the article. The author noted that the importance of this issue is the fact that the procedural powers of the prosecutor on the application of the legal institution of preventive measures have changed at different historical stages of state's development with regard to the social, political, economic and other factors. It is noted that conceptually new requirements of prosecutor's procedural activity according to the current Criminal Procedural Code of 2012 are put forward. This is due to the search of the definition that determines the place and role of a prosecutor in criminal proceedings.

Key words: prosecutor, preventive measures, criminal procedural law, protection of human rights and freedoms.

Аннотация

В статье рассмотрены отдельные этапы возникновения и развития законодательства, регулирующие вопросы деятельности прокурора при избрании мер пресечения. Отмечено, что важность этого вопроса обусловлено тем, что на разных исторических этапах развития государства процессуальные полномочия прокурора по применению правового института мер пресечения менялись с учетом социального, политического, экономического и других факторов. Установлено, что действующим Уголовным процессуальным кодексом Украины 2012 г. выдвинуто концептуально новые требования к процессуальной деятельности прокуратуры, что обусловлено поиском определения места и роли прокурора в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: прокурор, меры пресечения, уголовно-процессуальное законодательство, защита прав и свобод человека.

Постановка проблемы. В результате реформирования уголовное процессуальное законодательство Украины приобрело значительное количество новых новел по форме и содержанию, в связи с чем изменился характер уголовных процессуальных отношений участников уголовного производства, введены новые правовые институты, что обуславливает их теоретическое переосмысление с целью дальнейшей выработки предложений для использования в правоприменительной деятельности. Правовое регулирование временных мер пресечения по ограничению прав, свобод и законных интересов личности в уголовном производстве является одним из важных направлений для достижения задач, закрепленных в ст. 2 Уголовного процессуального кодекса Украины 2012 года (далее – УПК Украины). В связи с этим считаем целесообраз-

ным рассмотреть генезис процессуальной деятельности прокурора при применении мер пресечения в уголовном производстве, что позволит сформулировать отдельные пути усовершенствования действующего уголовного процессуального законодательства Украины по исследуемым вопросам.

Актуальность темы исследования. С принятием в 2012 году действующего УПК Украины процессуальная деятельность прокурора существенно изменилась. Прежде всего это обусловлено введением в законодательство Украины опыта зарубежных стран, согласно которому процессуальная деятельность прокурора в уголовном производстве обусловлена процессуальным руководством досудебного расследования. В этом контексте важное значение приобретает наделение прокурора правом самостоятельно иницииро-

вать и выносить ходатайство о применении меры пресечения или согласовать его по представлению следователя.

Состояние исследования. Исследование достаточно широкого круга вопросов, связанных с применением мер пресечения в уголовном процессе, осуществлялось учеными, начиная еще с советских времен. Прежде всего, по нашему мнению, это связано с тем, что их перечень постоянно менялся и дополнялся, а встав на демократический путь развития и определив задачи построения правового государства, Украина начала воспринимать гуманистические ценности как общепризнанные правовые нормы и стандарты в сфере защиты прав и законных интересов личности. При этом следует отметить, что постоянно менялся и процессуальный порядок их применения, круг участников, а также их полномочия в ходе применения мер пресечения. В связи с этим, среди ученых велись и ведутся дискуссии о системе и видах мер пресечения, определении их понятий, специфических правовых свойств, а также оснований применения и др. Однако на сегодня комплексные исследования проблемных вопросов, касающихся процессуальных полномочий прокурора при применении мер пресечения в уголовном производстве не производились, в связи с чем в практической деятельности органов досудебного расследования возникают определенные трудности. Различными аспектами применения мер пресечения с учетом международного и европейского опыта в разные периоды занимались многие ученые-процессуалисты, среди которых следует назвать таких: Ю.П.Аленин, В.С.Зеленецкий, А.П.Кучинская, Е.Г.Коваленко, Л.М.Лобойко, В.Т.Маляренко, А.В.Молдаван, В.Т.Нор, И.Л.Петрухин, О.Е.Омельченко, В.М.Тертишник, В.П.Шибико, А.А.Южно и другие. Однако подавляющее большинство ученых посвятили свои труды данной проблеме еще во времена действия УПК Украины 1960 г. Кроме того, несмотря на нововведения и концептуальное обновление как процессуальных полномочий

прокурора, так и правового института мер пресечения в уголовном производстве, ряд вопросов имеют дискуссионный характер, а некоторые из них требуют переосмысления с учетом международных правовых стандартов.

Целью статьи является теоретическое исследование становления и развития процессуальной деятельности прокурора при применении мер пресечения в уголовном судопроизводстве Украины.

Изложение основного материала.

В контексте нашего исследования представляется целесообразным в исторической ретроспективе осветить вопросы научной разработки процессуальных полномочий прокурора по применению правового института мер пресечения, который на разных исторических этапах развития государства менялся с учетом социального, политического, экономического и других факторов. По поводу этого В.А.Семенцов справедливо отметил, что, по утверждению юристов Древнего Рима, история – это учительница жизни (*historia est magis travitae*). И действительно, не зная истории возникновения, становления и развития уголовных процессуальных институтов, невозможно объективно подойти к решению современных актуальных проблем уголовного судопроизводства, включая правовой институт мер пресечения [1, с. 679], что мы поддерживаем.

Так, в период родовой общины (XII – XIV век), которая отвечала за каждого своего члена, в качестве меры пресечения применялось поручительство – сначала родовое, а затем поручительство влиятельных людей. В этот исторический период преступление не отличалось от гражданского деликта, суд был состязательным и обвинительным, а в качестве судьи выступал князь [2, с. 64]. Начиная с XV века, уголовный процесс становится более публичным, государство постепенно перебирало на себя функцию расследования уголовных преступлений, а наказание начало рассматриваться как возмездие за содеянное.

Согласно Судебникам 1497 и 1555 гг. основными законодательными методами ведения уголовного

процесса были обыск и пытка. При этом обыск был не только средством отыскания доказательств, но и общей мерой противодействия преступности, в связи с чем уголовное производство именовалось обыском. Основным видом меры пресечения, применявшимся в те времена, была «отдача за пристава», которая заключалась в том, что лицо сковывали и помещали в колоду, поскольку в то время не было государственных тюрем. Все арестованные размещались во дворе пристава, в обязанности которого входило присматривать за ними. Также в исключительных случаях применялось поручительство, которое осуществлялось лишь в челобитной форме (индивидуальное или коллективное письменное прошение, обращение к государю). В этот период порука была достаточно серьезной мерой пресечения, поскольку поручитель ручался головой за явку обвиняемого в суд [3, с. 22].

Со времени принятия Соборного уложения 1649 г. преступления признавались общественным злом. Уголовное преследование было публичным, а процесс – инквизиционным (розыскным, следственным). Начиная с этого периода, на замену такой мере пресечения, как «отдача за пристава», вводится другой вид – содержание под стражей, которое было достаточно суровым, поскольку в тюрьмах арестованных могли безосновательно держать по 2–3 года. Такие негативные обстоятельства вытекали из того, что большинство сроков не было закреплено в законодательстве («на сколько государь установит») [2, с. 112]. По поводу этого И.Л.Петрухин отметил, что в 1763 г. Сенатом России было констатировано содержание под стражей 1 862 заключенных, находящихся в тюрьме с 1756 г., то есть больше 7 лет. Приводились и более негативные факты. В частности, в 1727 г. выяснилось, что майор Воеводский находился под стражей без судебного разбирательства 10 лет, поручик Дубасов находился под стражей 9 лет, поручик Бобьев – 12 лет [4, с. 129].

Исследование правовых актов начала XIX века свидетельствуют о тенденции тех лет относительно определенной гуманизации уголов-

ного судопроизводства. Так, 15 сентября 1801 г. (в день коронации Александра I) был издан Императорский Указ «Об отмене пыток». Позднее, 20 марта 1822 г., был принят закон, который установил, что мужские цепи должны весить не более 5,5 фунтов, то есть чуть более 2 кг, а обручи, которые налагались на ноги, было приказано обшивать кожей (женщин в кандалы не заковывали). По поводу этого П.И. Люблинский отметил, что в то время тенденция обращения с заключенными была более гуманной, поскольку их нельзя было заковывать в ручные кандалы, которые плотно прилепали к телу. Однако в крайнем случае все же разрешалось приковать в кандалы, которые были просторные и от которых не возникало боли. При этом, несмотря на определенную гуманизацию, Указом от 29 января 1825 г. было введено бритье половины голов арестантов, чем фактически унижалось человеческое достоинство. Такое нововведение аргументировалось тем, что тюрьмы были довольно старыми, в связи с чем увеличилось количество побегов заключенных. Позже данная мера была отменена (после судебной реформы 1864 г.) [2, с. 53, 65].

Следующим немаловажным этапом развития уголовного процессуального законодательства стало принятие Свода законов 1832 г. (ст. 876, т. XV Свода законов), которым предусматривались следующие виды мер пресечения: содержания в тюрьме или в полиции, домашний арест, полицейский надзор, отдача на поруки. При этом выбор конкретной меры пресечения зависел от тяжести предъявленного обвинения, наличия собранных доказательств, звания обвиняемого, а также наличия или отсутствия подозрения о намерении совершить побег [2, с. 66].

Достаточно позитивным положением Свода законов 1832 г. по исследованным вопросам было регламентирование четкого разграничения условий применения каждого вида меры пресечения. Так, тюремному заключению подлежали лица, которые обвинялись в совершении преступлений, наказание за которое предусматривало лишение или ограничение имущественных прав

(лишение всех имущественных прав означало гражданскую смерть: лишение прав, преимуществ, собственности, прекращение супружеских и родительских прав), или торговую казнь (с XV века торговая казнь – это публичное телесное наказание, битье кнутом по приговору суда на рынке или площади), а также те, кто был обвинен в других, менее тяжких, преступлениях, но не мог найти себе поручителя (ст. 877).

В результате исследования установлено, что система мер в то время не могла эффективно содействовать уголовному судопроизводству, в связи с чем встал вопрос фундаментального ее реформирования. В результате этого 20 ноября 1864 г. в России был принят Устав уголовного судопроизводства, которым был введен правовой институт судебных следователей, судебная власть окончательно была отделена от исполнительной, а за полицией осталось право применять только одну меру уголовного процессуального принуждения, а именно задержание. Следует отметить, что такая система мер уголовного процессуального принуждения нашла свое закрепление в ст. ст. 77, 416–419 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и включала в себя следующие виды: 1) отобрание вида на жительство (местопребывание на период следствия) или подписки о явке в органы следствия и запрете отлучения с места жительства; 2) передача под особый надзор полиции; 3) передача на поруки; 4) применение залога; 5) домашний арест; 6) заключение под стражу [5, с. 153].

Исследуя рассматриваемый вопрос, целесообразно отметить, что согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. прокурор был наделен правом требовать отмены, смягчения или замены меры пресечения на более мягкую. Данное требование носило обязательный характер, но только для судебного следователя. Наряду с этим прокурор был наделен правом самостоятельно отменить или смягчить меру пресечения при составлении обвинительного акта перед направлением уголовного дела в суд. Однако прокурор не имел права выбрать более строгую меру пресечения. В то же время следователь

имел право не выполнять указаний прокурора о взятии обвиняемого под стражу. В подобных случаях следователь направлял дело в суд, который и выносил по этому вопросу окончательное решение [6, с. 111].

Отметим, что, начиная с этого периода, прокурор стал играть важную надзорную и контролирующую роль при избрании и применении мер пресечения. При этом основной орган предварительного следствия представлял следователь, который имел право начинать следствие не иначе, как на законном основании и при наличии достаточного повода. О начале следствия он сообщал прокурору, за исключением тех случаев, когда следственное производство было начато по сообщению полиции или по жалобе частного обвинителя. Все материалы предварительного следствия поступали в прокуратуру, и если прокурор считал, что обвиняемого надо передать в суд, то свое решение он оформлял в виде обвинительного акта, который в дальнейшем и поддерживал в суде.

В дальнейшем в результате Великой Октябрьской социалистической революции была ликвидирована вся государственно-правовая надстройка царской России. Вместе с этим из нее были использованы фундаментальные основы для развития новых юридических институтов советского уголовного судопроизводства. В новом государстве на начальном ее этапе прежняя система мер пресечения официально не была отменена, но уже с принятием Декрета о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. было предусмотрено, что применяться могут только те законы свергнутого правительства, которые не отменены революцией, не противоречат «революционной совести и революционному правосознанию». В первых законодательных актах СССР арест и задержание упоминались и применялись лишь как наиболее строгие меры, направленные против врагов революции [7, с. 29].

Исторический путь развития нашей страны всегда имел свой вектор правового развития. Безусловно, с изменением государственного устройства менялось и законодательство, в том числе и уголовное

процессуальное. В связи с этим отметим, что для развития правового института мер пресечения важное значение имеет опыт дореволюционной России, поскольку система мер пресечения бывшего Союза Советских Социалистических Республик (в 1922–1991 гг.), в состав которого входила современная Украина, возникла на его основе. Как уместно по этому вопросу отметила Н.В. Бушная, в то время в России функционировала разветвленная система мер пресечения, в то время как в западных странах применялась более узкая, в которую входили только залог и арест [7, с. 13]. В связи с этим в свое время И.Л. Петрухин отметил, что подобную тенденцию нельзя оценивать однозначно, поскольку, с одной стороны, большое количество мер процессуального принуждения применялось именно в период реакционного политического режима, который существовал в царской России, а с другой стороны, такая разветвленность мер пресечения подтверждала высокую культуру правотворчества, присущую русскому Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., которая отличалась своей высокой законодательной техникой [4, с. 126]. Однако с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в 1922 г. (вступил в силу 1 июля 1922 г. действовал до 1 января 1961 г.) надзор за законностью по этим вопросам возлагался на прокуратуру, а в судебном заседании участвовать могли общественные обвинители и защитники [8]. В этот период было введено следующую систему мер пресечения: 1) подписка о невыезде; 2) поручительство (личное и имущественное); 3) залог; 4) домашний арест; 5) заключение под стражу.

Позднее в ст. 144 УПК РСФСР 1923 г. были сделаны дополнения, которыми предусматривалось, что к красноармейцам воинских частей (военных моряков), которые были под следствием, в качестве меры пресечения может применяться наблюдение за ними в тех частях, в которых они состоят на службе. Однако со времени принятия Основ уголовного судопроизводства 1924 г.

система мер не содержала перечня, но и не отменила тех мер, которые содержались в УПК Союзных Республик. При этом в России были отменены термины «арест», «взятие под стражу», а вместо них введен термин «лишение свободы», тем самым данная мера пресечения была приближена к лишению свободы как мера социальной защиты. Кроме этого, было введено еще одно дополнительное основание для избрания лишения свободы в качестве меры пресечения (в частности, если нахождения обвиняемого на свободе будет признано общественно опасным). Лишение свободы применялось при возбуждении производства о признании обвиняемого общественно опасным. Эти новеллы, как отметила Н.В. Бушная, были введены под влиянием идеи социологической и антропологической школ права об опасном состоянии субъекта и применении к нему мер социальной защиты даже при отсутствии вины [7, с. 33–34].

Особенный и длительный срок действия мер пресечения существовал в УПК Украины 1960 г., по которому были установлены следующие виды мер пресечения: подписка о невыезде, личное поручительство, поручительство общественной организации или трудового коллектива, залог, заключения под стражу, надзор командования воинской части.

За все указанные периоды, особенно с начала построения независимой Украины, международное сообщество постоянно упрекало правительство Украины о чрезмерной количественной перегрузке следственных изоляторов лицами, взятыми под стражу, а также исправительных учреждениях осужденными к лишению свободы. Также систематически подвергалась критике существующая система мер пресечения, в связи с чем остро стоял вопрос ее изменения в более демократическом направлении, в частности рекомендовалось применение домашнего ареста и др. Как справедливо по этому вопросу отметили А.М. Литвак и П.В. Шумский, современный этап развития украинской государственности диктует необходимость дальнейшей оптимизации системы прокуратуры, ее функций и струк-

туры, поскольку с развитием государственности в Украине менялись место и роль прокуратуры, а ее деятельность приобретала новое содержание, стала одним из главных условий развития правового государства. В связи с этим ученые отметили, что важной составляющей деятельности института прокуратуры является сфера уголовного преследования. В Рекомендациях Rec2000(19) Комитета Министров Совета Европы от 6 октября 2000 г. «Роль прокуратуры в системе уголовного правосудия» дано определение прокуратуры как государственного органа, который от имени и в интересах общества обеспечивает правоприменение в случае, если нарушение закона влечет за собой уголовное наказания с учетом, с одной стороны, прав личности, а с другой – нужной действительности системы уголовного правосудия. Таким образом, ученые подчеркнули, что реформа уголовной юстиции, которая происходит в Украине, является необходимым шагом на пути адаптации украинского законодательства к европейским и мировым стандартам в этой сфере [9, с. 8–9].

Как свидетельствует анализ действующего УПК Украины 2012 г., прокурор уполномочен ходатайствовать о применении мер пресечения как во время досудебного расследования, так и во время судебного производства. При этом на него возложена обязанность доказывания перед следственным судьей, судом того, что установление во время рассмотрения ходатайства о применении мер пресечения обстоятельств, которые должны быть достаточными для убеждения, что ни одна из более мягких мер не может предотвратить доказанных при рассмотрении ходатайства риска или рисков. Исходя из этого, следует констатировать, что применение конкретного вида меры пресечения направлено на предупреждение нарушения возложенных на подозреваемого, обвиняемого процессуальных обязанностей, при этом позволит полно, быстро и беспристрастно достичь задач и цели уголовного производства. Вместе с этим временное ограничение конституционных прав и законных интересов не должно выходить за рамки

дозволеного, быть обоснованным и законным. Как уместно отметил Н.С. Марчук, деятельность прокурора в этом направлении имеет два важных аспекта. Во-первых, участие прокурора при применении мер пресечения направлено на обеспечение достижения эффективного уголовного производства. Во-вторых, прокурор должен следить за соблюдением прав и законных интересов личности при применении мер пресечения [10, с. 58], что мы поддерживаем.

Выводы. Итак, следует отметить, что современный этап развития украинского государства обуславливает необходимость оптимизации организационного устройства и функций органов прокуратуры. Следовательно, ее развитие и реформирование должно иметь комплексный, системный и научно обоснованный характер, учитывать ценности демократического общества и международные обязательства Украины. В то же время идущее реформирование необходимо осуществлять обдуманно и постепенно, чтобы не потерять ценного, наработанного десятилетиями практического опыта. Кроме того, с момента введения в действие действующего Уголовного процессуального кодекса Украины 2012 г. актуальность поднятого вопроса существенно возросла, что обусловлено концептуальными изменениями в полномочиях прокурора при применении мер пресечения во время досудебного расследования. Такие нововведения касаются обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства (особенно подозреваемого, обвиняемого), поскольку существует возможность временного ограничения конституционных прав и свобод человека со стороны должностных лиц, проводящих досудебное расследование, в связи с чем возникает настоятельная необходимость установление дополнительных уголовных процессуальных гарантий на стадии досудебного расследования. На сегодня важное значение имеет современное и эффективное процессуальное руководство досудебным расследованием и надзор прокурора как гаранта обеспечения законности в уголовном производстве. В тоже

время, учитывая нарабатываемую практику применения мер пресечения, эти вопросы подлежат дальнейшему исследованию или научному изучению.

Список использованной литературы:

1. Семенцов В.А. Следственные действия по Уставу уголовного судопроизводства / В.А. Семенцов // Актуальные проблемы российского права актуальные. – 2014. – № 4(41). – С. 679–685.
2. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе / И.П. Люблинский. – СПб., 1968. – 355 с.
3. Кистьяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда / А.Ф. Кистьяковский. – СПб. : Судебный вестник, 1868. – 196 с.
4. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин ; Институт государства и права. – М. : Наука, 1989. – 256 с.
5. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://civil.consultant.ru/reprint/books/118/188.html>.
6. Гайнов И.Д. История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (XIII – XIX века) / И.Д. Гайнов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 4(10). – С. 107–112.
7. Бушная Н.В. Проблемы применения мер процессуального принуждения в стадии предварительного расследования : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» / Н.В. Бушная. – Волгоград, 2005. – 242 с.
8. История государства и права : [словарь-справочник] / под ред. М.И. Сизикова. М., 1997. – 304 с.
9. Литвак О.М. Проблеми реформування кримінальної юстиції / О.М. Литвак, П.В. Шумський // Сучасні проблеми реформування кримінальної юстиції в Україні : збірник матеріалів Інтернет-конференції (м. Київ, 28 листопада 2014 р.). – К. : Національна

академія прокуратури України, 2014. – С. 8–14.

10. Марчук Н.С. Основні напрями участі прокурора в кримінальному провадженні на досудових стадіях / Н.С. Марчук // Вісник Національної академії прокуратури України. – 2011. – № 4. – С. 57–62.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВОЗДУШНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ: ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Марина РАСКАЛЕЙ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Национального университета государственной налоговой службы Украины

Summary

The article is devoting to research of securities questions in international air transport. The basic problems of legal regulation of the safe use of airspace in separate state where presented in this work. The author also paid attention to the specifics of the concept of «state sovereignty» in international air law. The general concept of security and its components were considered. An attempt to determine the volume of duties of the state in terms of international air traffic over its territory was made based on the material presented in the article. Author relying on statistical and historical data, regulations and legal literature justifies the need for further study of this issue in order to increase the level of security in international air transport as a local and global scale.

Key words: acts of unlawful interference, security, state territory, international agreement, international air law, international air transport, sovereignty, responsibility.

Аннотация

Статья посвящается исследованию вопросов безопасности при международных воздушных перевозках. В работе приводятся основные проблемы правового регулирования обеспечения безопасности при использовании воздушного пространства государства. Также обращается внимание на специфику понятия «государственный суверенитет» в международном воздушном праве. Рассматривается общее понятие безопасности и его составляющие. На основе материала, изложенного в статье, сделана попытка определения объема обязанностей государства при международных воздушных перевозках над его территорией. Опираясь на статистические и исторические данные, нормативно-правовые акты и юридическую литературу, обосновывается необходимость дальнейшего изучения указанного вопроса с целью повышения уровня безопасности при международных воздушных перевозках как в локальном, так и в глобальном масштабе.

Ключевые слова: акты незаконного вмешательства, безопасность, государственная территория, международный договор, международное воздушное право, международные воздушные перевозки, суверенитет, ответственность.

Постановка проблемы. Авиация как один из основных видов современного транспорта играет важную роль в развитии и укреплении как экономических, политических, так и других международных связей. Таким образом, функционирующее транспортное хозяйство является основой трансграничной экономики. Более того, ограничение трансграничного сообщения является нарушениями договора Европейского Союза (далее – ЕС). Такая ситуация обусловлена тем, что транспорт и перевозки имеют непосредственное отношение к движению лиц, товаров и услуг. Исходя именно из этого, ЕС выводит его компетенцию на введение правовых норм для транспортного права вообще и воздушного в частности. В преамбуле Чикагской конвенции 1944 г. о международной гражданской авиации, подчёркивая значимость авиации, отмечается, что ее развитие «в значительной степени может способствовать установлению и поддержанию дружбы и взаимопонимания между нациями и народами» [1]. Однако для полноценного развития отрасли, тем более на международном уровне, государствам необходимо обеспечивать безопасность полётов над своей территорией.

Актуальность темы исследования обусловлена нынешней ситуацией, которая сложилась на территории Украины. Внутренний конфликт непосредственно затрагивает международные интересы и главным образом авиационные перелеты над территорией государства. Принимая во внимание принципы и приоритеты дальнейшего развития деятельности в воздушном пространстве, учитывая реалии нашего времени, решение вопроса обеспечения безопасности при международных воздушных перевозках является более чем актуальным.

Состояние исследования. Вопросы обеспечения безопасности авиационной деятельности как в целом, так и отдельных её составляющих были и остаются предметом исследования многих учёных и практиков, среди которых можно назвать следующих: В.Д. Бордунов, Р.О. Герасимов, Б.П. Елисеев, Н.С. Кулик, В.Н. Лопатин, Ю.Н. Малеев, В.И. Рыжий, В.А. Свиркин и многие другие. В то же время не все аспекты безопасного пролёта над территорией государства были достаточно изучены, а с учётом нынешней ситуации многие из ранее изученных вопросов требуют нового рассмотрения.

Целью и задачей статьи является исследование вопросов обеспечения безопасного пролёта над территорией государства, а также ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение взятых обязательств в контексте правовых норм как международного, так и внутреннего характера. Новизна работы заключается в том, чтобы на основе изложенного материала выявить степень реальности обеспечения безопасной воздушной перевозки над территорией государства, поскольку именно степень уверенности в безопасности при пересечении государственного воздушного пространства может непосредственно повлиять на дальнейшее развитие не только авиатранспортной отрасли, но и на экономическое развитие в целом.

Изложение основного материала. На сегодня авиатранспорт осуществляет международные воздушные перевозки как пассажиров, багажа и грузов, так и почтовые перевозки, которые занимают отдельное место. Некоторые перевозки осуществляются в пределах самого государства и являются внутренними, но значительная часть перевозок в Украине являются международными (выходят за пределы

государства). Украина имеет очень выгодное природно-географическое положение, что позволяет ее экономике интегрировать общеевропейские экономические процессы. Оптимальные транспортные связи между странами Европы и Азиатского континента проходят именно через территорию Украины. Украина находится на одном из самых грузонапряженных направлений между Западной Европой и Дальним Востоком, который продолжает своё развитие. Именно через территорию Украины и России пролегает кратчайший путь из Европы на Дальний Восток и Среднюю Азию, что примерно на 20% короче пути через Турцию и Иран [2]. Климат Украины, ее природные богатства содержат существенные потенциалы для развития туристического бизнеса мирового уровня. Страна расположена фактически в самом центре Европы, что обеспечивает ей выгодную реализацию своего геополитического потенциала. В то же время государству необходимо помнить об обеспечении безопасности пролета воздушного судна над своей территорией, поскольку при осуществлении международных воздушных перевозок должны выполняться требования и условия международных воздушно-транспортных договоров и конвенций.

Обеспечение безопасности при международных воздушных перевозках можно условно разделить на две взаимосвязанные составляющие:

1) обеспечение технико-эксплуатационных вопросов;

2) правовые вопросы обеспечения безопасности от актов незаконного вмешательства при международных воздушных перевозках.

Именно эти две составляющие были основными направлениями развития международно-правовых норм в области авиационной безопасности.

Однако на сегодняшний день совершенно необходимым является выделение отдельной составляющей обеспечения безопасности при международных воздушных перевозках. Речь идёт об обеспечении государством безопасного пролёта над его территорией воздушного судна другого государства при условии, что такой полёт является разрешённым. Обеспечение такого рода безопасности непосредственно связано с понятием суверенитета государства

над своим воздушным пространством. Начиная с 1783 г., юристами многих государств высказываются различные мнения касательно статуса воздушного пространства. Однако первая конвенция, которая официально закрепила основы отрасли международного воздушного права, полный и исключительный суверенитет государства над своим воздушным пространством и право мирного пролета через такое пространство была принята в Париже 13 октября 1919 г. (Парижская конвенция). Чикагская конвенция 1944 г. подтвердила принцип полного и исключительного суверенитета воздушного пространства над своей территорией, который связан с физической природой воздуха. Эти конвенции не выработали каких-либо правил, касающихся бокового разграничения воздушного пространства, а устанавливать воздушные границы, учитывая это, приходится, опираясь на сухопутные и морские границы таким образом, чтобы они совпадали с образующими их линиями [3]. Скорость полета существующих воздушных судов очень велика, и способы, которые применяются для определения этих линий, дают лишь приблизительный результат, возникают ошибки, которые могут приводить к неумышленному нарушению воздушных границ, что в свою очередь приводит к острым проблемам решения вопросов безопасности.

Однако нормы, касающиеся воздухоплавания, в том числе над территориальным морем, полностью отличаются от норм, регулирующих морское судоходство. Так, например, отсутствует обычная правовая норма, дающая разрешение на полет над территорией государства и которую можно было бы приравнять к принципу свободного мирного прохода. Единственное исключение касается транзитного прохода в некоторых международных протоках. Что же касается воздушного пространства, которое простирается над территорией государства, то в нем осуществляются только свободы воздуха в рамках суверенитета данного государства и в соответствии с ним. Итак, право государства устанавливать режим своего воздушного пространства отвечает принципу национального суверенитета. Суверенитет над воздушным пространством реализуется путем определения условий, на которых раз-

решается пользование этим пространством, а воздушное право регламентирует их определения.

Принятие международным сообществом первых международных договоров, непосредственно касающихся борьбы с актами незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации, относится к 60–70 гг. XX столетия, что связано прежде всего с резким ростом числа таких актов в этот период, когда объектом преступного посягательства стали воздушные суда практически всех авиационных держав. К указанным международным договорам относятся следующие: Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, принятая 14 сентября 1963 г. в г. Токио (Токийская конвенция); Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, принятая 16 декабря 1970 г. в г. Гааге (Гагская конвенция); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, принятая 23 сентября 1971 г. в г. Монреале (Монреальская конвенция) [4]. Данные конвенции применяются во всех случаях, когда воздушное судно находится в полете не над территорией «государства воздушного судна». Для повышения эффективности контроля движения воздушных аппаратов также государства часто заключают соответствующие двусторонние и региональные соглашения (например, Конвенция от 13 декабря 1960 г., которой на Европейскую организацию по безопасности воздушной навигации («Евроконтроль») возложена функция контроля). Однако изменения, внесенные в 1981 г. в Конвенцию 1960 г., отражают желание государств получить широкие полномочия. Несмотря на все положительные стороны вышеуказанных актов, а также всю строгость мер, применяемых государствами для обеспечения безопасности воздушных перевозок над своей территорией, этот вопрос всё же остаётся открытым.

Именно вопрос, касающийся обеспечения безопасности пролёта воздушного судна над территорией государства при осуществлении международных воздушных перевозок, взволновавший широкие массы ещё в 70-х гг. XX ст., продолжает беспокоить общественность, привлекая к себе

всё больше внимания. Как показывает история, в зависимости от так называемых несчастных случаев, имевших место при международных воздушных перевозках, изменялись требования к объёму обеспечения безопасности. Так, 21 февраля 1973 г. два израильских истребителя сбили «Боинг 727» ливийской авиакомпании «Libyan Arab», в результате чего погибли 108 человек. Пассажирский самолет, совершавший регулярный рейс, по случайному стечению обстоятельств залетевший в воздушное пространство Синайского полуострова, был сбит израильскими истребителями. ООН не предприняла каких-либо действий против Израиля. 30 государств-членов Международной организации гражданской авиации (International Civil Aviation Organization, далее – ИКАО) проголосовали осудить Израиль за нападение. Соединенные Штаты не приняли объяснения, приведенные Израилем, и осудили инцидент. Министр обороны Израиля М. Даян назвал это «ошибочным суждением», и Израиль выплатил компенсацию семьям жертв [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что при отсутствии других обязательств по договорам государство может регулировать или даже запрещать пролет над своей территорией, а любой полет без разрешения является нарушением территориального суверенитета данного государства. Нарушение национального воздушного пространства иностранным воздушным судном позволяет государству, над территорией которого происходит такой полет, перехватить летающий аппарат и требовать его посадки. Но в отношении гражданских судов такое право не является безграничным, а должно осуществляться так, чтобы не нанести вреда жизни людей, находящихся на борту этого судна. Именно эти нормы, объединяющие требования территориального суверенитета с обязательными для всех общечеловеческими нормами, были отражены и уточнены в Монреальском протоколе о внесении поправок в Чикагскую конвенцию. Этот протокол был принят 10 мая 1984 г. в связи со случаем, который произошел с Корейскими авиалиниями. 1 сентября 1983 г. советские истребители сбили лайнер Корейских авиалиний, который находился в воздушном пространстве

СССР без разрешения, в результате чего погибло 269 человек [6]. Это дело, вызвав серьезный резонанс, заставила ИКАО провести международное расследование, принять поправку 3bis Чикагской конвенции и по требованию Франции, против воли США и СССР весь комплекс норм и правил, рекомендуемых по этим вопросам. Таким образом, государства подчеркнули декларативный характер обычно-правовой нормы (они «признают, что каждое государство должно воздерживаться от применения оружия по отношению к гражданским воздушным судам ...») и обеспечили ей при этом силу прямого запрета, а также ограничили возможность злоупотреблений со стороны некоторых государств, так как приписывали гражданским воздушным судам шпионскую деятельность. Но обоснование мотивов, заставивших Кассационный суд отметить, что авиакомпания несет ответственность за вред, причиненный пассажирам в результате атаки советского истребителя при полете в запрещенной зоне, являются очень противоречивыми, поскольку тем самым на коммерческую авиацию распространяются «права» по вооруженному принуждению, которые должны действовать только в отношении государственных воздушных судов.

Не смотря на подобные меры, 3 июля 1988 г. крейсер Vincennes ВМФ США в Персидском заливе во время ирано-иракской войны выпустил две ракеты по пассажирскому лайнеру «Airbus A300» авиакомпании «Iran Air», на борту которого было 290 человек, в том числе 16 человек экипажа и 66 детей [7]. 22 декабря 1992 г. в районе Триполи истребителем «МиГ-23» ВВС Ливии был сбит «Боинг 727» Libyan Arab. Погибли 157 человек [8].

24 августа 1991 г. Украина получила статус независимого государства. С этого времени экономическое развитие государства было направлено на экономическую интеграцию с развитыми странами Европы, что в первую очередь касалось вопросов безопасности. Однако 4 октября 2001 г. над Черным морем был сбит самолет «Ту-154» российской авиакомпании «Сибирь», совершавший регулярный рейс «Тель-Авив – Новосибирск». Погибло 78 человек. И хотя единого мнения относительно причин происшествия так и не

было достигнуто, но, реализуя принципы международного воздушного права, Украина добровольно выплатила семьям пострадавших 7,8 миллиона долларов в качестве компенсации.

Таким образом, ряд подобных актов незаконного вмешательства требовал поиска новых и усовершенствования уже имеющихся средств повышения безопасности при осуществлении деятельности в воздушном пространстве. В итоге 7 декабря 2001 г. Совет ИКАО принял поправку 10 к Приложению 17 Чикагской конвенции «Безопасность. Защита международной гражданской авиации от актов незаконного вмешательства», которое содержит Стандарты и Рекомендуемую практику, направленные на обеспечение авиационной безопасности гражданской авиации. Данная поправка стала применяться с 1 июля 2002 г. В дополнение к Приложению 17 включены выдержки из всех относящихся к данному вопросу технических требований из других Приложений и соответствующих правил, содержащихся в документах PANS («Правила аэронавигационного обслуживания. Правила полетов и обслуживания воздушного движения») и «Правила аэронавигационного обслуживания. Производство полетов воздушных судов» [9]. Этот материал объединяет в одном документе все Стандарты, Рекомендуемую практику и правила, относящиеся к вопросу безопасности. В 2010 г. был принят новый документ, наделавшийся с момента его вступления в силу приоритетным значением над Монреальской конвенцией и Монреальским протоколом, – Пекинская конвенция. Этот новый документ значительно расширил понятие актов незаконного вмешательства и ответственность за причинение вреда или возможность причинения вреда при вышеупомянутых действиях.

Тогда же, в 2010 г., на 37-й сессии Ассамблеи ИКАО было признано, что успеха в устранении угроз гражданской авиации можно добиться только путём совместных усилий всех заинтересованных сторон и тесного рабочего взаимодействия между национальными учреждениями и органами регулирования авиационной безопасности во всех договаривающихся государствах [10].

В сентябре 2012 г. на конференции высокого уровня по авиационной безопасности (НКАС) были сформу-

лированы принципы, регулирующие международное сотрудничество в сфере международной безопасности [11]. Одним из них является признание эквивалентных мер безопасности. В первую очередь под этим принципом подразумевается возможность (необходимость) применения дополнительных мер авиационной безопасности ввиду конкретных угроз или в ответ на инциденты.

Однако, несмотря на то, что 21 марта 2014 г. Украиной был подписан политический блок Соглашения об ассоциации с ЕС – та часть документа, которая касается политического взаимодействия, вопросов безопасности и борьбы с терроризмом, 17 июля 2014 г. в небе над востоком Украины, в 50 км от российской границы, потерпел крушение пассажирский самолет «Боинг 777» авиакомпании «Малазийские авиалинии», выполнявший регулярный рейс из Амстердама в Куала-Лумпур. Погибли 298 человек [12; 13]. Официальная версия пока ещё отсутствует. Единственное, что мы знаем наверняка – катастрофа произошла на территории Украины и связана она с внешними факторами. А это говорит о том, что согласно вышеуказанным нормам международного воздушного права, ответственность за обеспечение безопасности при разрешённых международных воздушных перевозках ложится на то государство, в воздушном пространстве которого происходит такая перевозка.

В международном воздушном праве отсутствуют законодательные, исполнительные и судебные органы, которые оказывают существенное влияние на создание норм международного воздушного права и их реализацию. Существенным является то, что органы, которые могли бы заставлять субъектов международного воздушного права выполнять его нормы, что является одним из признаков любой правовой нормы. Однако, поскольку международные нормы создаются самими субъектами международного права (государствами) договорным путем, принуждение по выполнению таких норм может осуществляться только самими субъектами международного воздушного права. Государствам необходимо признавать применяемые друг другом меры и процессы обеспечения безопасности. Важ-

ным фактором достижения желаемых результатов является не только общее понимание и согласие в отношении соотвествующей угрозы, а также применение мер для снижения таковой.

Выводы. Таким образом, для достижения максимального уровня безопасности при совершении международной воздушной перевозки над территорией какого-либо государства необходимо не только придерживаться соответствующих мер безопасности на самом судне, но и предпринимать конкретные действия по введению эффективных мер безопасности на земле. Такое положение приобретает особое значение с учётом того, что многие структуры авиационной отрасли осуществляют свою деятельность на трансграничной основе и в рамках различных юрисдикций. Необходимо помнить, что, исходя из целей сотрудничества по вопросам безопасности в международном воздушном праве, государства должны устанавливать и осуществлять процедуру взаимного обмена информацией об угрозе, которая затрагивает интересы таких государств в области авиационной безопасности.

Более того, основываясь на практике других отраслей права, можно с высокой точностью предположить, что увеличение ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение условий как двухсторонних, так и многосторонних договоров в сфере обеспечения безопасности при международных воздушных перевозках со стороны государства, над территорией которого такая перевозка происходит, повлечёт за собой снижение подобных «несчастных случаев» и более ответственное отношение к своим обязательствам.

Список использованной литературы:

1. Конвенція про міжнародну цивільну авіацію від 7 грудня 1944 р. : Дос ICAO 7300 // Офіційний вісник України. – 2004. – № 40. – Ст. 2667.
2. Бугайко Д.А. Повышение эффективности коммерческой эксплуатации рейсов трансатлантического направления авиакомпании «Авиалинии Украины»: дис. ... канд. экон. наук : спец. 08.07.04 / Д.А. Бугайко. – К., 2000. – 214 с.

3. Раскалей М.О. Імплементация норм міжнародного повітряного права у внутрішнє право держав : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.11 / М.О. Раскалей ; Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького. – К., 2011. – 218 с.

4. Некоторые тенденции международно-правового регулирования борьбы с актами незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации в свете Пекинской международной конференции по воздушному праву 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.eurasialegal.info/index.php>.

5. Рейс 114 Ливийской авиакомпании (1973 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://guide-israel.ru/history/42693-rejs-114-livijskoj-aviakompanii-1973>.

6. Cass. civ. 1, 15 dec. 1981 // Korean Airlines. – 1981. – Bull. – 325 p.

7. Убийство по ошибке. 25 лет назад США уничтожили иранский пассажирский самолет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.iran.ru/news/analytics>.

8. Смертельные перекрёстки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mk.ru/old/article>.

9. Приложение 17 к Конвенции о международной гражданской авиации. Безопасность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://airsport.ru>.

10. 37-я сессия Ассамблеи ИКАО. Юридическая комиссия : Доклад Дос 9996, A37-LE (Монреаль, 28 сентября – 8 октября 2010 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.aerohelp.ru>.

11. Конференция высокого уровня по авиационной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.icao.int>.

12. Соглашение об ассоциации ЕС и Украины вступает в силу [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://news.bigmir.net/ukraine/856155-Soglashenie-ob-associacii-ES-i-Ukrainy-vstupayet-v-silu>.

13. Приложим все усилия, чтобы найти остальные тела погибших в катастрофе «Боинг 777» и вернуть их родным [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=247929628&cat_id=244843950.

ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ПРИНЦИП ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛА

Игорь САЩЕНКО,

соискатель кафедры земельного и аграрного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article is devoted to the actual problem in both the theoretical and practical aspect of public-private partnership – the principle of legal regulation of investment in rural social development. The paper analyzed in detail the organizational and legal regulation of public-private partnerships. The need to spread public-private projects in the social sphere of the village, including in housing and communal services on the basis of concession agreements, as well as for the restoration of social infrastructure through the rehabilitation and reconstruction of educational institutions, health care, physical culture and sports, consumer services in the countryside.

Key words: public-private partnership, social sphere of the village, investments, social infrastructure.

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме как в теоретическом, так и в практическом аспекте – публично-частному партнерству как принципу правового регулирования инвестиций в социальное развитие села. В статье подробно проанализировано организационно-правовое регулирование публично-частного партнерства. Указано на необходимость распространения публично-частных проектов в социальной сфере села, в том числе в жилищно-коммунальном хозяйстве, на основании заключения концессионных соглашений, а также для восстановления объектов социальной инфраструктуры путем восстановления и реконструкции учреждений образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, бытового обслуживания в сельской местности.

Ключевые слова: публично-частное партнерство, социальная сфера села, инвестиции, социальная инфраструктура.

Постановка проблемы. В основе эффективного развития социальной сферы села лежит отлаженная система сотрудничества между органами государственной власти, органами местного самоуправления, сельскохозяйственными товаропроизводителями и сельскими жителями с целью обеспечения социальных стандартов, восстановления объектов инфраструктуры, содействия устойчивому развитию сельских территорий. Одной из форм такого сотрудничества является публично-частное партнерство.

Актуальность темы исследования подтверждается кризисным положением социальной сферы села, необходимостью поиска альтернативных вариантов решения насущных проблем сельских территорий путем заключения частно-публичных сделок с целью привлечения инвестиций в сельскую местность.

Состояние исследования. Проблема исследования публично-частного партнерства в социальной сфере села в настоящее время становится актуальной. Среди ученых, которые занимались организационно-правовыми аспектами привлечения инвестиций в социальное развитие села, стоит назвать таких: Е.В. Гафурова, В.М. Ермоленко, А.Н. Стативка, В.Ю. Уркевич и др.

Целью статьи является исследование организационно-правовых момен-

тов публично-частного партнерства в социальное развитие села, выяснение проблем, которые мешают его распространению, а также внесение предложения для их решения.

Изложение основного материала. Правовой основой регулирования публично-частного партнерства выступает целый ряд нормативно-правовых актов: Закон Украины «О государственно-частном партнерстве» от 1 июля 2010 г.; Концепция развития государственно-частного партнерства в Украине на 2013–2018 гг., утвержденная Распоряжением Кабинета Министров Украины от 14 августа 2013 г.; Закон Украины «О стимулировании развития регионов» от 8 марта 2005 г.; Государственная стратегия регионального развития на период до 2020 г., утвержденная Постановлением Кабинета Министров Украины 6 августа 2014 г.; Закон Украины «О концессиях» от 16 июля 1999 г.; Закон Украины «О приоритетности социального развития села и агропромышленного комплекса в народном хозяйстве» от 17 октября 1990 г. (в редакции от 15 мая 1992 г.); Закон Украины «Об основных принципах государственной аграрной политики на период до 2015 г.» от 18 октября 2005 г.; Государственная целевая программа развития украинского села на период до 2015 г., утвержденная Постановлением Кабинета Министров Украины от

19 сентября 2007 г.; Стратегия развития аграрного сектора экономики на период до 2020 г., утвержденная Распоряжением Кабинета Министров Украины от 17 октября 2013 г. и др.

В соответствии с законодательством государственно-частное партнерство определяется как сотрудничество между государством Украина, Автономной Республикой Крым, территориальными общинами в лице соответствующих государственных органов и органов местного самоуправления (государственными партнерами) и юридическими лицами, кроме государственных и коммунальных предприятий, или физическими лицами-предпринимателями (частными партнерами), которое осуществляется на основе договора в порядке, установленном законодательными актами [1].

Несмотря на значительное количество нормативно-правовых актов в сфере публично-частного партнерства, сегодня оно так и не получило широкого распространения. Основными причинами замедления развития государственно-частного партнерства определены следующие: недостаточный уровень внимания государства к реализации политики в сфере государственно-частного партнерства и несовершенство системы управления развитием такого партнерства; отсутствие в сфере государственно-частного партнерства

действенных мер по созданию условий для его развития, а также четкого разграничения полномочий между органами государственной власти и координации их деятельности; наличие отраслевых особенностей осуществления хозяйственной деятельности и сложность условий долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества между государством и частными партнерами; низкий уровень институциональной способности органов государственной власти и частного сектора к внедрению государственно-частного партнерства; низкий уровень доверия граждан к органам государственной власти и осведомленности по вопросам преимуществ реализации инвестиционных проектов на принципах государственно-частного партнерства, недостаточный уровень информированности населения о преимуществах и рисках применения механизмов такого партнерства, ненадлежащее кадровое обеспечение органов исполнительной власти и органов местного самоуправления специалистами в сфере государственно-частного партнерства, недостаточный объем финансирования реального сектора экономики; неблагоприятный инвестиционный климат и сложность условий осуществления предпринимательской деятельности при реализации проектов государственно-частного партнерства; наличие проблем в отношениях между органами государственной власти и частным сектором при проведении согласительных процедур, защиты прав собственности инвесторов, решения хозяйственных споров; сложность механизма предоставления государственной поддержки для реализации долгосрочных инвестиционных проектов с участием частных партнеров; отсутствие эффективного механизма предоставления государственной поддержки в сфере государственно-частного партнерства; несогласованность нормативно-правовой базы по вопросам государственно-частного партнерства; несовершенство механизма тарифного регулирования и экономическая обоснованность тарифов [2].

Кроме того, стоит отметить, что среди сфер применения государственно-общественного партнерства не выделяются аграрный сектор и развитие сельских территорий, хотя указано, что такая деятельность может приме-

няться в других сферах, кроме видов хозяйственной деятельности, которые в соответствии с законом разрешается осуществлять исключительно государственным предприятиям, учреждениям и организациям. Государственно-частное партнерство применяется с учетом особенностей правового режима относительно отдельных объектов и отдельных видов деятельности, установленных законом [1].

Однако в Концепции развития государственно-частного партнерства Украины на 2013–2018 гг. в числе приоритетных сфер применения государственно-частного партнерства предусмотрено агропромышленный комплекс (рыночная и производственная инфраструктура) и социальную защиту населения (здравоохранение, образование, культура, туризм и спорт). А также указано на необходимость улучшения инвестиционного климата и конкурентной среды с целью развития государственно-частного партнерства и создания благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности путем:

- обеспечения прозрачности разрешительной системы и устранения бюрократических препятствий;
- совершенствования процедуры осуществления надзора и контроля, технического регулирования в сфере стандартизации и сертификации;
- создания благоприятных условий для пользования земельными участками при реализации проектов государственно-частного партнерства;
- обеспечения прозрачности в отношениях между частным и государственным партнерами в рамках подготовки и реализации проектов государственно-частного партнерства;
- сосредоточения усилий государства на реализации проектов государственно-частного партнерства и обеспечении действенной связи в отношениях с частным сектором [2].

Внедрение указанных мероприятий имеет важное значение для улучшения инвестиционного климата, поскольку на сегодня социальная сфера села нуждается в привлечении инвестиций для надлежащего обустройства сельских территорий объектами инфраструктуры. Использовать проекты государственно-частного партнерства целесообразно было бы, в частности,

в жилищно-коммунальном хозяйстве села, поскольку в соответствии с Постановлением Кабинета Министров Украины «О поэтапной передаче в коммунальную собственность объектов социальной инфраструктуры» от 2 декабря 1996 г. передачи в коммунальную собственность подлежали жилой фонд; сети электро-, тепло-, газо-, водоснабжения и водоотведения, а также инженерные здания и сооружения, предназначенные для обслуживания жилищного фонда и социальной сферы (котельные, канализационные и водопроводные сети и сооружения, оборудование и др.).

Формой реализации государственно-общественного партнерства в сфере жилищно-коммунального хозяйства мог бы стать договор концессии, поскольку, как показывает международная практика, существует большое количество типов концессионных соглашений, среди которых:

– BOT (Build – Operate – Transfer) – «Строительство – управление – передача». Концессионер осуществляет строительство и эксплуатацию в течение установленного срока, после чего объект передается государству. Обычно концессионные схемы BOT используются при строительстве автострад (Южная Корея, Италия, Испания), трубопроводов (Германия), электростанций (Турция, Индия, Таиланд), аэропортов (Египет, Греция, Канада), тоннелей (Франция), стадионов других объектов, которые требуют значительных капиталовложений, однако должны оставаться в собственности государства;

– BTO (Build – Transfer – Operate) – «Строительство – передача – управление». Концессионер строит объект, который передается государству в собственность сразу после завершения строительства, после чего он предоставляется в эксплуатацию концессионеру. Эта схема выгодна для государства, поскольку предполагает высокую степень государственного контроля над объектом концессии и в случае необходимости государство в любое время может повлиять на деятельность концессионера;

– BOO (Build – Own – Operate) – «Строительство – владение – управление». Концессионер строит объект и осуществляет последующую эксплу-

атацию, владеет им на праве собственности, срок действия которого не ограничивается;

– BOOT (Build – Own – Operate – Transfer) – «Строительство – владение – управление – передача» предусматривает, что концессионер строит объект, эксплуатирует, обладает объектом в течение определенного срока, по истечении которого объект переходит в собственность государства;

– ROT (Rehabilitate – Operate – Transfer) – «Реконструкция – управление – передача». Эта схема аналогична BOT, только вместо строительства нового объекта предусмотрена реконструкция существующего;

– DBFO (Design – Build – Finance – Operate) – «Проектирование – строительство – финансирование – эксплуатация». При таком подходе вся ответственность за проектирование, строительство, финансирование и эксплуатацию связана воедино и передана частному партнеру. В Европе, Латинской Америке и Азии такая схема обычно используется для разработки новых проектов платных дорог [3].

Так, с целью развития экономических, правовых и организационных основ реализации государственно-частного партнерства в жилищно-коммунальном хозяйстве как элементе системы финансового обеспечения модернизации и восстановления жилого фонда и жилищно-коммунальной инфраструктуры, для содействия адаптации системы хозяйства к рыночным условиям, повышения энергоэффективности зданий, уменьшения объемов потребления природного газа предприятиями коммунальной энергетики, улучшения качества питьевой воды в Украине Распоряжением Кабинета Министров Украины от 16 сентября 2009 г. была утверждена Концепция развития государственно-частного партнерства в жилищно-коммунальной сфере.

Однако существует также необходимость распространения государственно-общественного партнерства в сфере восстановления объектов социальной инфраструктуры путем строительства и реконструкции учреждений образования, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта, бытового обслуживания.

По этому поводу интересен опыт Великобритании, где сегодня подписа-

но около 900 государственно-частных проектов, большинство из которых реализуются в сфере социальной инфраструктуры. Это отражает приоритеты правительства, которое пытается решить серьезную проблему в области медицины и образования, а также в транспортном секторе, в учреждениях исполнения наказаний, в сфере обработки отходов, в военном секторе и в секторе жилищно-социального найма. Большинство этих проектов осуществляется органами местной власти. В результате из 100 проектов, которые функционируют, в 80–90% случаев уровень их выполнения является удовлетворительным [4].

Однако в Украине не зафиксировано случаев успешного привлечения частных инвестиций на основе публично-частного партнерства для реализации стратегически важных социально-гуманитарных проектов (в том числе в сфере образования, здравоохранения, развития и поддержки культурно-исторического наследия).

Выводы. Такая ситуация должна решаться государством путем формирования благоприятного инвестиционного климата сельских территорий. Для этого, как отмечает профессор А.М. Стативка, необходимо усовершенствовать законодательство по инвестициям в социальную сферу села. Во-первых, нужно разработать систему государственных гарантий инвесторам (отечественным, иностранным), включая предоставление гарантий в течение периода реализации различных инвестиционных проектов; во-вторых, следует определить первоочередные инвестиционные направления по объектам социальной инфраструктуры в сельской местности; в-третьих, следует ликвидировать имеющиеся противоречия между инвестиционным и налоговым законодательством; в-четвертых, закрепить условия и порядок предоставления налоговых льгот для инвесторов, а также установить специальные налоговые режимы [5, с. 26].

В этом аспекте важное значение приобретает необходимость разработки Концепции государственно-частного партнерства в сельской местности, которая предусматривала бы основные сферы привлечения инвестиций в объекты как производственной, так и непроизводственной (социальной) ин-

фраструктуры сельских территорий, формы, принципы и гарантии такой деятельности.

Список использованной литературы:

1. Про державно-публічне партнерство : Закон України від 1 червня 2010 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2404-17>.
2. Про схвалення Концепції розвитку державно-приватного партнерства в Україні на 2013–2018 рр. : Розпорядження Кабінету Міністрів України від 14 серпня 2013 р. № 739-р [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/739-2013-%D1%80>.
3. Бойко О.С. Державно-приватне партнерство: світовий досвід та перспективи реалізації в Україні / О.С. Бойко // Юридична газета. – 2013. – № 22. – С. 42–43.
4. Безбах Н.В. Використання зарубіжного досвіду в розвитку державно-приватного партнерства в Україні / Н.В. Безбах [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.academy.gov.ua/ej/ej14/txts/Bezbach.pdf>.
5. Статівка А.М. Деякі питання правового забезпечення інвестицій у соціальний розвиток села / А.М. Статівка // Правові проблеми залучення інвестицій у сільське господарство та соціальну сферу села : матер. міжнар. наук.-практ. конф. – К. : ІДП НАН України, 2007. – С. 24–27.

РЕГУЛЯТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В ОТНОШЕНИИ ВЫСШИХ МОРСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ УКРАИНЫ В АСПЕКТЕ НОВОГО ЗАКОНА УКРАИНЫ «О ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ»

Александр СЛЕПЧЕНКО,

начальник юридического отдела, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук
Херсонской государственной морской академии

Summary

This article is devoted to considering regulative functions of state structures relating to higher maritime educational institutions of Ukraine in aspects of the new Law of Ukraine «About higher education». Characteristics of the system of state structures, their functions, role in the system of training maritime specialists in Ukraine is given taking into account innovations in legislation on contemporary stage of development of maritime education in Ukraine.

Key words: regulative functions of state structures in the area of education, maritime education in Ukraine, higher maritime educational institution.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению регулятивных функций государственных органов в отношении высших морских учебных заведений Украины в аспекте нового Закона Украины «О высшем образовании». Осуществляется характеристика системы государственных органов, их функции, значения в системе подготовки морских специалистов в Украине с учетом законодательных нововведений на современном этапе развития морского образования в Украине.

Ключевые слова: регулятивные функции государственных органов в сфере образовании, морское образование в Украине, подготовка морских специалистов в Украине, высшее морское учебное заведение.

Постановка проблемы. Морской торговый флот является одной из наиболее развитых отраслей мировой экономики. Указанные обстоятельства побуждают к необходимости реформирования подготовки высококачественных специалистов морской отрасли.

Система морского образования в Украине пока находится на переходном этапе по внедрению в систему подготовки морских специалистов требований Болонского процесса, европейских стандартов обучения. Надлежащее внедрение усугубляется тем, что украинское государство начало системную реформу высшего образования, приняв Закон Украины «О высшем образовании», тем самым закрепив новую систему административных взаимоотношений между высшими морскими учебными заведениями и органами государственной власти.

Актуальность темы исследования состоит в том, что подчеркивается необходимость составления алгоритма административных взаимоотношений между высшими морскими учебными заведениями и органами государственной власти с учетом нового Закона Украины «О высшем образовании», что даст возможность четко определить направления развития морского образования.

Состояние исследования. В научной литературе указанный вопрос рассматривается только в плоскости регулирования деятельности высших учебных заведений без учета особенностей, характерных для морских учебных заведений, со ссылками на нормативную базу, основой которой был Закон Украины «О высшем образовании» 2002 г.

Целью и задачей исследования является исследование новой системы регулирования государственными органами деятельности высших морских учебных заведений в Украине в аспекте нового Закона Украины «О высшем образовании».

Изложение основного материала. В научной литературе предлагаются различные определения понятия государственного регулирования системы высшего образования. Например, С.В. Григанская определяет государственное регулирование системы высшего образования как систему экономических, социальных, правовых, политических и организационных форм и методов воздействия государства на субъектов образовательных процессов, которая создает условия для реализации ими тех целей и задач, которые одновременно отвечали бы как стратегическим интересам государства, так и непосредственным интересам самих этих субъектов [1, с. 17].

По мнению Т.Ю. Скибы, государственное управление представляет собой сложную систему, предназначенную для достижения поставленных целей, которая имеет определенную структуру, методы, рычаги, инструменты воздействия на объект управления с соответствующим правовым, нормативным и информационным обеспечением [2, с. 189].

Л.Л. Приходченко отмечает, что под государственным управлением обычно понимается совокупность взаимосвязей между формальными и неформальными институтами, а также организациями, которые способствуют реализации принципов демократического (добраго, должного) управления, обеспечивают согласование и корректировку интересов различных общественных групп, координацию совместной деятельности на пути достижения задекларированных целей развития региона/страны [3, с. 5].

Высшее морское учебное заведение в Украине является специфическим субъектом образовательного процесса. Для определения регулятивных функций государственных органов в отношении морских учебных заведений необходимо установить два ключевых аспекта: черты высших морских учебных заведений как участников правовых отношений в государстве и как субъектов административного права.

В отличие от других вневедомственных учебных заведений, которые в своей деятельности пользуются гражданским и бюджетным законодательством, высшее морские учебные заведения дополнительно действуют в рамках морского административного права.

Регулирование деятельности высших учебных заведений гражданским законодательством обусловлено их правовым статусом. Закон Украины «О высшем образовании» 2002 г. не устанавливал организационно-правовую форму высшего учебного заведения.

Согласно действующему Закону Украины «О высшем образовании» высшее учебное заведение – «отдельный вид учреждения, являющийся юридическим лицом частного или публичного права, действующего согласно выданной лицензии на осуществление образовательной деятельности на определенных уровнях высшего образования, проводит научную, научно-техническую, инновационную и/или методическую деятельность, обеспечивает организацию образовательного процесса и получения лицами высшего образования с учетом их призваний, интересов и способностей» [4].

Таким образом, будучи учреждением, высшее учебное заведение вступает в гражданские правоотношения как юридическое лицо, наделенное правами и обязательствами не только согласно Закону Украины «О высшем образовании», но и гражданскому, хозяйственному законодательству.

Все высшие учебные морские заведения действуют в соответствии с бюджетным законодательством, поскольку в Украине отсутствуют частные учебные заведения в этой сфере.

Высшее морское учебное заведение как субъект административного права наделен следующими чертами: обладают внешней обособленностью; готовят специалистов для торгового флота как из числа граждан Украины, так и иностранцев; основным назначением деятельности является предоставление образовательных услуг; могут находиться в государственной собственности; может находиться как в прямом подчинении Министерства образования и науки Украины, так и Ми-

нистерства аграрной политики и продовольствия Украины; выступает как субъект государственного управления относительно курсантов, студентов и подчиненных им структурных органов; управление высшим учебным заведением осуществляют как общие, так и специальные субъекты; финансирование может осуществляться как за счет средств государственного бюджета, так и за счет физических лиц.

Указанное выше дает возможность выделить три группы органов, которые регулируют деятельность высших морских учебных заведений:

- органы образовательной системы;
- органы, регулирующие деятельность юридических лиц;
- государственные органы, регулирующие подготовку морских специалистов.

К первой группе относятся органы, указанные в ст. 12 Закона Украины «О высшем образовании»:

- 1) Кабинет Министров Украины;
- 2) центральный орган исполнительной власти в сфере образования и науки;
- 3) отраслевые государственные органы, к сфере управления которых принадлежат высшие учебные заведения;
- 4) органы власти Автономной Республики Крым, органы местного самоуправления, к сфере управления которых принадлежат высшие учебные заведения [4].

Несмотря на идентичность органов управления, предусмотренных Законом Украины «О высшем образовании» 2002 г., на сегодняшнем этапе изменен подход к объему функций регулирования деятельности высших учебных заведений, в том числе морских, данными субъектами.

По мнению А.С. Левчишеной, общее регулирование условий образовательной деятельности осуществляется через государственный заказ, систему налогов, предоставление финансовой помощи в виде дотаций, субсидий, субвенций на развитие перспективных направлений образовательной деятельности; проведение взвешенной кредитной политики; установление государственных норм и стандартов; лицензирование; антимонопольные меры регулирования объемов государственного финансирования и тому подобное [5, с. 90].

В основу новой системы положено: – реформирование системы высшего образования в соответствии с условиями социально ориентированной экономики;

– адаптация к европейскому пространству высшего образования.

Учебные заведения получают автономии путем передачи полномочий от Министерства образования и науки Украины в вузы.

В связи с этим вузы получают больше возможностей для организационной и финансовой независимости, в частности смогут самостоятельно определять организацию учебного процесса, предоставлять дополнительные учебные услуги, пользоваться собственными земельными участками и финансовыми поступлениями, проводить финансово-хозяйственную деятельность. Вузы будут иметь право выдавать как дипломы государственного образца, так и собственные документы о высшем образовании. Вся информация о выданных дипломах вносится вузом в Единую государственную электронную базу по вопросам образования, доступ к которой будет осуществляться через сайт Министерства образования и науки Украины.

Именно в этой системе функция регулирования деятельности высших морских учебных заведений в Украине станет первоочередной, вытесняя функцию контроля через децентрализацию управления учебным заведением.

Специфика работы на судах в море, оснащение новым современным техническим оборудованием требует улучшения качества профессиональной подготовки морских специалистов на основе внедрения в учебный процесс морских учебных заведений новейших технологий; обучения моряков компетентно осуществлять профессиональную деятельность в замкнутом пространстве судна, быть готовыми к жизни в гражданском обществе в межрейсовый период.

В связи с этим морское учебное заведение должно стать плацдармом для развития усовершенствования системы подготовки морского специалиста.

Закон Украины «О высшем образовании» дает возможность развития инновационной деятельности через основные задачи учебного заведения:

– осуществление научной деятельности путем проведения научных ис-

следований и обеспечение творческой деятельности участников образовательного процесса, подготовку научных кадров высшей квалификации и использование полученных результатов в образовательном процессе;

– обеспечение органического сочетания в образовательном процессе образовательной, научной и инновационной деятельности.

Инновационной образовательной деятельностью в системе образования является деятельность, направленная на разработку и использование в сфере образования результатов научных исследований и разработок.

Высшей степенью такого процесса является присвоение учебному заведению статуса экспериментального учебного заведения согласно Положению о порядке осуществления инновационной образовательной деятельности, утвержденному приказом Министерства образования и науки Украины 7 ноября 2000 г. № 522 [6].

Таким образом, система образования проходит этап децентрализации управления.

Взаимоотношения государственных органов второй группы и высших учебных заведений построено фактически на основании хозяйственной деятельности высшего учебного заведения.

Ключевой нормой является ст. 71 Закона Украины «О высшем образовании», которая раскрывает финансовые вопросы: «Финансирование государственных высших учебных заведений осуществляется за счет средств государственного бюджета на условиях государственного заказа на оплату услуг по подготовке специалистов, научных и научно-педагогических кадров и за счет других источников, не запрещенных законодательством, с соблюдением принципов целевого и эффективного использования средств, публичности и прозрачности в принятии решений» [4].

К третьей группе государственных органов, регулирующих подготовку морских специалистов можно отнести:

– Министерство инфраструктуры Украины;

– Координационный совет по вопросам подготовки и дипломирования моряков;

– Государственную инспекцию Украины по безопасности на морском и речном транспорте;

– Инспекцию по вопросам подготовки и дипломирования моряков.

Нормативно установлено, что общее руководство Государственной системой управления безопасностью судоходства осуществляет Кабинет Министров Украины через Министерство инфраструктуры Украины, которое обеспечивает среди других задач и регулирование образовательного процесса посредством:

– реализации единой государственной политики в сфере управления безопасностью судоходства путем координации действий центральных органов исполнительной власти, приведения системы управления в соответствие с международными, в частности европейскими стандартами по безопасности судоходства;

– организации взаимодействия с центральными органами исполнительной власти с Государственным агентством рыбного хозяйства Украины по вопросам соблюдения международных договоров Украины по подготовке и переподготовке плавсостава.

Кроме того, в соответствии с Постановлением Кабинета Министров Украины «Об утверждении Положения о Государственной системе управления безопасностью судоходства» от 7 октября 2009 г. № 1137 Министерство инфраструктуры Украины обеспечивает согласование объема государственного заказа на подготовку моряков, специалистов по безопасности судоходства, поиска и спасения на море, разработку государственных стандартов высшего образования в сфере безопасности судоходства с Министерством образования и науки Украины [7].

6 мая 2011 г. Министерство инфраструктуры Украины приказом № 98 «Об утверждении Положения о Координационном совете по вопросам подготовки и дипломирования моряков» определило, что Координационный совет по вопросам подготовки и дипломирования моряков является консультативно-совещательным органом Министерства инфраструктуры Украины, созданным с целью согласования и координации действий заинтересованных министерств, других центральных органов исполнительной власти в области подготовки, оценки компетентности и дипломирования членов экипажей морских торговых судов, в

соответствии с требованиями Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 г. и других законодательных актов Украины по вопросам подготовки и дипломирования моряков [8].

8 апреля 2011 г. Указом Президента Украины № 447/2011 «Об утверждении положения о государственной инспекции Украины по безопасности на морском и речном транспорте» была создана Государственная инспекция Украины по безопасности на морском и речном транспорте (далее – Укрморречинспекция), которая является центральным органом исполнительной власти, деятельность которой направляется и координируется Кабинетом Министров Украины через Министра инфраструктуры Украины [9].

Основными задачами Укрморречинспекции являются следующие:

1) реализация государственной политики в сфере безопасности на морском и речном транспорте;

2) осуществление в соответствии с законодательством государственного надзора (контроля) за безопасностью на морском и речном транспорте;

3) внесение предложений по формированию государственной политики по безопасности на морском и речном транспорте;

4) предоставление административных услуг в сфере морского и речного транспорта [9].

Согласно пп. 40 п. 4 указанного Указа Президента Украины Укрморречинспекция в соответствии с возложенными на нее задачами осуществляет контроль за проведением подготовки, переподготовки, повышения квалификации и дипломирования плавсостава морских, речных и маломерных судов, рабочих береговых предприятий морского и речного транспорта, работа которых связана с обеспечением безопасности судоходства и предотвращением загрязнения окружающей среды с судов, то есть работу тренажерных центров, которые могут создаваться и в высших учебных заведениях по подготовке кадров для торгового флота [9].

17 октября 2001 г. Министерство транспорта Украины издало приказ № 693 «Об утверждении Положения об Инспекции по вопросам подготовки и дипломирования моряков», согласно которому инспекция по вопросам под-

готовки и дипломирования моряков (далее – Инспекция) является государственной организацией, основанной на государственной собственности, и принадлежит к сфере управления Министерства инфраструктуры Украины [10].

Основными задачами Инспекции являются такие:

1) анализ международного и национального опыта в области подготовки, оценки компетентности и дипломирования членов экипажей морских торговых судов;

2) подтверждение квалификации моряков в постоянно действующих государственных квалификационных комиссиях, а также подтверждение подлинности документов моряков, удостоверяющих их квалификацию, определенных законодательством;

3) представление и защита по поручению Министерства инфраструктуры Украины в Международной морской организации (International Maritime Organisation, далее – ИМО) интересов Украины по вопросам подготовки, оценки компетентности и дипломирования моряков.

Инспекция имеет право:

– вносить предложения по отзыву свидетельств о соответствии и других документов, выданных уполномоченными органами предприятиям, учреждениям и организациям, в случае выявления нарушений положений Конвенции;

– участвовать в работе Государственной инспекции учебных заведений при Министерстве образования и науки Украины по инспекции учебных заведений, которые готовят специалистов для работы на судах;

– получать от предприятий, учреждений и организаций, независимо от форм собственности, информацию, необходимую для выполнения возложенных на нее задач;

– заключать сделки, приобретать имущественные и личные неимущественные права, иметь обязанности, быть истцом и ответчиком в судах;

– создавать отделения, филиалы, представительства и другие обособленные подразделения и утверждать положения о них [10].

В 2013 г. в Министерстве инфраструктуры Украины начали осуществляться меры по упорядочению го-

сударственных предприятий отрасли морского и речного транспорта, которые принадлежат к сфере управления Министерства инфраструктуры Украины. Среди протокольных поручений (п. 7 протокола совещания Мининфраструктуры от 21 июня 2013 г.) было поручение в срок до 26 июля 2013 г. проработать вопрос о передаче в сферу управления Министерства образования и науки Украины Инспекции по вопросам подготовки и дипломирования моряков [11]. На современном этапе такой передачи не произошло. Вопрос остается открытым.

Выводы. Анализ вышеизложенной системы регулирования морского образования в Украине дает возможность выделить характерную особенность для этой группы учебных заведений: регулирование осуществляется не только органами образовательной системы, но и другими органами исполнительной власти.

Такой механизм дает возможность реализовывать нормы Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты (ПДНВ) 1978 г. в полном объеме [12].

Список использованной литературы:

1. Григанська С.В. Державне регулювання системи вищої освіти в Україні : автореф. дис. ... канд. держ. упр. : спец. 25.00.02 / С.В. Григанська. – Запоріжжя, 2008. – 24 с.

2. Скиба Т.Ю. Інституційні механізми державного управління розвитком системи вищої освіти. Наукові праці. Державне управління / Т.Ю. Скиба. – К., 2012. – Вип. 190. – С. 183–190.

3. Приходченко Л.Л. Політичний та інституційний механізми державного управління: узгодження інтересів / Л.Л. Приходченко // Теорія та практика державного управління : зб. наук. праць. – К., 2010. – С. 3–13.

4. Про вищу освіту : Закон України від 1 липня 2014 г. № 1556-УІІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2984-14>.

5. Левчишена О.С. Регуляторна політика держави в галузі вищої освіти / О.С. Левчишена // Освіта і управління: науково-практичний журнал. – К. : ЗАТ «ВІПОЛЬ». – 2001. – № 12. – С. 90–97.

6. Об утверждении Положения о порядке осуществления инновационной образовательной деятельности : Приказ Министерства образования и науки Украины от 7 ноября 2000 г. № 522 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/REG5167.html.

7. Об утверждении Положения о Государственной системе управления безопасностью судоходства : Постановление Кабинета Министров Украины от 7 октября 2009 г. № 1137 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/КР091137.html.

8. Об утверждении Положения о Координационном совете по вопросам подготовки и дипломирования моряков : Приказ Министерства инфраструктуры Украины от 6 мая 2011 г. № 98 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/FIN65785.html.

9. Об утверждении положения о государственной инспекции Украины по безопасности на морском и речном транспорте : Указ Президента Украины от 8 апреля 2011 г. № 447/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U447_11.html.

10. Об утверждении Положения об Инспекции по вопросам подготовки и дипломирования моряков : Приказ Министерства транспорта Украины от 17 октября 2001 г. № 693 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U447_11.html.

11. Щодо стану Державної системи управління безпекою судноплавства [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.golos.com.ua/Article.aspx?id=297810>.

12. Международная конвенция о подготовке и дипломированию моряков и несения вахты : по состоянию на 1 апреля 2014 г. / Международная морская организация. – СПб. : ЦНИИМФ, 2010. – 806 с.

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Оксана ТИТОМИР-ЗОТОВА,

соискатель кафедры теории государства и права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article described the role of institutions of civil society, first of all media, in legal education as a prerequisite for the formation of the legal activity of the participants of public relations. Legal activity contributes to the essential requirements of the concept of participatory democracy. The author reveals the role of legal education in the implementation of the values of civil society and develops their influence on the development of the state.

Key words: legal education, legal activity, civil society, democracy.

Аннотация

В статье охарактеризована роль институтов гражданского общества, в первую очередь средств массовой информации, в обеспечении правового воспитания населения как предпосылки формирования правовой активности участников общественных отношений. Правовая активность в свою очередь способствует реализации основных требований концепции партиципаторной демократии. Раскрыта роль правового воспитания в реализации ценностей гражданского общества и выработки путей их влияния на развитие государства.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовая активность, гражданское общество, демократия.

Постановка проблемы. Становление гражданского общества тесно связано с институционализацией свободных и разнообразных интеграций граждан в общественные объединения, дающие возможность оптимального обеспечения реализации и защиты основных прав и свобод человека и гражданина [1, с. 11]. Создание институций гражданского общества – неотъемлемый атрибут действительно демократического государства, четкий показатель свободы его граждан [2, с. 73]. Ведь «именно институциональным структурам принадлежит определяющая роль на линейной стадии эволюции» [3, с. 37], через относительно стойкие ячейки самоорганизации в наибольшей степени реализуется потенциал гражданского общества. Им присущ более или менее постоянный состав участников и конкретные цели совместной деятельности, совокупность которых образует миссию организации.

Понятием «гражданское общество» обозначают совокупность добровольных негосударственных и неделовых (неэкономических) объединений граждан, созданных с целью защиты своих частных, а также общих интересов, игнорирующихся государством и деловыми кругами [4, с. 213]. Основными контрагентами государства по представительству организованных интересов граждан должны быть не любые группы, а только организованные группы, имеющие целью общественно значимые задачи и свободные от политической и эко-

номической конкуренции, бескорыстно работающие на общественное благо. Речь идет об инициативных, самодеятельных, самоуправляемых объединений граждан, главный интерес которых не связан ни с получением прибыли, ни с завоеванием власти, а направлен на совместное решение общих проблем, защите общих интересов, которые никоим образом не угрожают интересам других людей и групп [5, с. 57].

В свою очередь переход Украины к демократии обуславливает воспитание человека в духе новых общественных взглядов [6, с. 218]. Все большую актуальность получает необходимость формирования общего представления о мировоззренческих и методологических основах рефлексии правового воспитания, исследование его практических моделей, анализ взаимосвязи правового воспитания и правовой культуры как факторов развития украинской государственности, обсуждение состояния и перспектив их развития в современной Украине. Кроме того, исследование правового воспитания позволяет более глубоко понять природу самого права.

Целью этой статьи является раскрытие роли институтов гражданского общества в механизме правового воспитания, повышения правовой культуры общества и каждого его члена. Для этого считаем необходимым выполнить следующие задачи: определить структуру гражданского общества, выявить особенности правовой культуры и правового воспитания на этапе формирова-

ния гражданского общества, раскрыть роль независимых СМИ как института гражданского общества в формировании правовой воспитанности общества.

Изложение основного материала.

Должны согласиться с теми исследователями, которые указывают, что особенности правовой культуры и правового воспитания на этапе формирования гражданского общества обусловлены соответствующими объективными и субъективными факторами, среди которых – отсутствие отлаженных механизмов участия членов общества в управлении государством; отсутствие привычки к соответствующей активной деятельности; недостаточно высокий уровень необходимых правовых знаний и навыков, а также правосознания. Следует учесть и то, что некоторые индивиды ориентированы на недоверие к соответствующим изменениям, особенно в ситуации затянутого трансформационного периода [7, с. 243].

При этом структура гражданского общества не исчерпывается только соответствующими общественными организациями. В нее следует включать также: а) социальные институты (независимые медиа, добровольные ассоциации и объединения граждан, система внешнего общественного контроля за властью на всех уровнях, правозащитные организации); б) социальные практики (общественная активность граждан, инициативные группы, гражданская компетентность и осведомленность, правовая культура и умение применять

правозащитную и судебную систему); в) общественные нормы, ценности и добродетели (плюрализм, толерантность, способность к компромиссам, общественная солидарность и взаимопомощь) [8, с. 45].

С помощью правового воспитания правовые ценности утверждаются в сознании индивидов, а также формируются соответствующие знания и умения по реализации прав человека, благодаря чему гражданское общество приобретает способность защищать свои правовые идеалы и ценности. Решающая роль в этом процессе отводится правовому образованию и правовому воспитанию, как обязательным, так и получаемым через институты гражданского общества. При этом ценностными ориентирами правовой культуры и правового воспитания должны выступать права человека. Поскольку надлежащая реализация правовых возможностей человека совпадает с интересами гражданского общества и правового государства, правовое воспитание должно осуществляться за счет действий как общественных институтов (например, просветительская деятельность по реализации прав человека), так и государства (например, внедрение образовательных программ по изучению таких прав) [7, с. 243; 9, с. 79].

Итак, неслучайно правовое воспитание в условиях демократического устройства Западной Европы осуществляется под влиянием институтов гражданского общества. К ним относятся добровольные общественные объединения (экономические, культурно-художественные, образовательные, научные, благотворительные и др.); общественные движения и политические партии (последние – на начальных стадиях своего формирования, пока они еще не задействованы в механизмах осуществления власти); независимые средства массовой информации, обслуживающие общественные потребности и интересы, формирующие общественное мнение; выборы и референдумы как средство общественного волеизъявления и защиты интересов; зависящие от общественности элементы судебной и правоохранительной систем (суды присяжных и т. д.) [10, с. 68–69]. Институты гражданского общества «тем или иным образом способствуют формированию правосознания автономного индивида как гражданина, его позитивного отно-

шения к праву и правовой действительности, который способен самостоятельно принимать участие в общественных делах и нести ответственность за свои поступки» [11, с. 7]. Гражданское общество невозможно без существования разветвленной сети общественных организаций, которые способны активно влиять на правовое воспитание. Общественные организации, которые, охватывая своей деятельностью различные сферы и уровни общественной жизни, лучше понимают сущность и специфику соответствующих социальных проблем и пути их преодоления, являются универсальным посредником между гражданами и государством. Присутствие общественных организаций в жизни западноевропейского общества является одним из показателей демократичности самого государства. На сегодня одним из индикаторов, по которым оценивается развитие гражданского общества в стране, является привлечение граждан к деятельности общественных объединений, «третьего сектора», и этот показатель в западных демократиях очень высокий.

В современных условиях на формирование правосознания и правовой культуры большое влияние оказывают электронные СМИ, прежде всего Интернет. Функция формирования общественного мнения является важнейшей среди функций СМИ с точки зрения гражданского общества [10, с. 205].

Итак, процесс правового воспитания в Западной Европе испытывает на себе влияние как ментальности, так и политической системы, в ней доминирующей. Политическая система Запада строится на концептах правового государства и гражданского общества, которые направляют процесс правового воспитания, способствующий формированию демократической правосознания и правовой культуры у граждан [12, с. 67].

Следует отметить, что особое внимание роли средств массовой информации в обеспечении правового воспитания в обществе уделено во Всемирной программе образования в области прав человека, План действий на третий этап которой (2015–2019 гг.) был провозглашен 4 августа 2014 г. на 27-й сессии Совета по правам человека.

В названном документе, в частности, отмечается, что правовое воспитание, прежде всего воспитание в области

прав человека, все больше становится общей точкой в международных дискуссиях по вопросам политики, национальной реформы учебников и постконфликтных образовательных стратегий. Государства-члены Организации Объединенных Наций признают роль средств массовой информации в обеспечении правовой воспитанности общества. В Рекомендации ЮНЕСКО об участии и вкладе народных масс в культурную жизнь общества подчеркнута роль средств массовой информации как «средств культурного обогащения» вследствие, в частности, их роли в сохранении и популяризации традиционных форм культуры путем «трансформации в средства групповой информации и содействия непосредственному участию населения». В Декларации ООН о правах коренных народов говорится о праве создавать свои собственные средства массовой информации на своих языках; государственные средства массовой информации должны отражать культурное многообразие коренных народов; государствам следует содействовать тому, чтобы частные средства массовой информации адекватно отражали культурное многообразие коренных народов.

В документах Организации Объединенных Наций также ставится вопрос об ответственности сотрудников средств массовой информации и журналистов за соблюдение прав человека при исполнении ими своих профессиональных обязанностей. В международных договорах о правах человека признано, что свобода выражения мнения предполагает особые обязанности и ответственность и может быть подвержена определенным ограничениям, в частности по мотивам безопасности или борьбы с клеветой, при условии строгого соблюдения принципов законности, необходимости и пропорциональности, а также для соблюдения других норм, таких как право на частную жизнь или запрет на высказывания, разжигающие вражду.

Эффективное воспитание представителей средств массовой информации в области прав человека способствует расширению знаний о правах человека, укреплению их приверженности этим правам и соответствующей мотивации. Принципы прав человека являются важнейшей основой их профессиональной деятельности и деятельности средств

массовой информации. Они могут быть реализованы только в благоприятных условиях, обеспечивающих доступ к информации, свободу выражения мнений и безопасность. Всем журналистам должны быть предоставлены равные возможности подготовки в области прав человека. Материалы по правам человека и правозащитные ценности с учетом особенностей условий должны быть неотъемлемой частью любой формальной подготовки и/или аттестации и должны быть также доступны в процессе постоянного повышения профессиональной квалификации. Все журналисты должны обладать базовыми знаниями о правах человека. Кроме того, у них должна быть возможность прослушать специальные курсы, например по вопросам освещения более специальной проблематики в сфере прав человека.

В целом комплексный подход к правовому воспитанию в области прав человека для представителей институтов гражданского общества должен включать следующие мероприятия:

1. Воспитание должно опираться на соответствующие установки и правила:

а) принятие базовых мер по укреплению воспитания в области прав человека для представителей институтов гражданского общества, в том числе:

- учебная подготовка посредством включения проблематики прав человека в учебные программы формальных образовательных учреждений и программ онлайн-нового и/или общего образования;
- владение знаниями в области прав человека в качестве критерия для присвоения квалификации, привлечения к участию в программах наставничества и продвижения по службе;
- поддержка институтов гражданского общества, особенно объединений средств массовой информации, которые занимаются вопросами организации правового воспитания;

б) подготовка представителей институтов гражданского общества в качестве инструкторов, способных передавать знания и навыки своим коллегам, чтобы обеспечить широкий охват членов соответствующего профессионального сообщества, уделяя при этом особое внимание отбору тех из них, кто в наибольшей степени подходит для освещения проблем уязвимых групп населения. Программы подготовки инструкторов должны включать занятия

по методике обучения, а также по подготовке учебных материалов и организации учебных занятий;

в) внедрение стимулов для представителей институтов гражданского общества с целью поощрения их добровольного участия в программах подготовки в области прав человека и обеспечения выхода их материалов на широкую аудиторию;

г) поддержка в создании норм саморегулирования, в частности кодексов профессиональной этики, и создание объединений институтов гражданского общества для обсуждения стандартов правового воспитания;

д) анализ нормативных актов, касающихся деятельности институтов гражданского общества, чтобы убедиться, что они соответствуют нормам по правам человека и поощряют вклад таких институтов в обеспечение правового воспитания;

2. Учебные программы образования в области прав человека для представителей институтов гражданского общества могут включать следующие модули:

а) краткое введение в проблематику прав человека с информацией о роли институтов гражданского общества в поощрении и защите прав человека, международных, региональных и национальных документах и нормах в области прав человека, в том числе по защите уязвимых групп населения, международных, региональных и национальных органах, а также правозащитных организациях, которые занимаются вопросами защиты прав человека;

б) права представителей институтов гражданского общества, в частности право на информацию;

в) соблюдение прав человека в деятельности институтов гражданского общества, включая принципы равенства и недискриминации, уважение достоинства личности, гласности и прозрачности; гендерная проблематика; репрезентативность источников информации, в том числе использование информации из различных источников для обеспечения объективности; принципы работы средств массовой информации, в частности касающиеся сбора и распространения информации и освещения связанных с правами человека проблем, а также нарушений прав человека, особенно соблюдение принципа «не навреди», правил конфиденциальности и защиты

источников информации, жертв и свидетелей нарушения прав человека; нормы прав человека и связанные с ними навыки обращения и собеседования с лицами, которые могут находиться в уязвимом положении и/или которые испытали потрясение, включая уважение их достоинства и частной жизни, обеспечение их безопасности и получения от них осознанного согласия на публикацию информации, раскрывающую их личность; нормы прав человека и связанные с ними навыки, касающиеся использования посредников, стрингеров, фрилансеров, переводчиков и помощников при выполнении журналистских обязанностей, включая обеспечение их безопасности; распространение знаний о правах человека усилиями представителей средств массовой информации, причем отбор и оценка материалов должны проводиться с учетом их значения для защиты и продвижения прав человека, особенно в вопросах равенства и недискриминации в целях борьбы со стереотипами и насилием, укрепления уважения к разнообразию, поощрения толерантности, межкультурного и межконфессионального диалога и социальной интеграции, а также пропаганды универсальности, неделимости и взаимосвязанности всех прав человека среди широкой общественности.

Выводы. Существование демократии, правового государства и гражданского общества в современной Украине невозможно без самоорганизации и социальной активности граждан, обусловленной надлежащим уровнем их политико-правовой культуры и правосознания.

Одним из условий формирования высокого уровня правовой культуры общества является правовое воспитание – целенаправленное и системное влияние на сознание и культуру поведения членов общества, осуществляемое с целью выработки у них чувства уважения к праву и привычки соблюдения права на основе личного убеждения.

Список использованной литературы:

1. Паталаха В.Ф. Інтеграції громадян в соціально-політичному розвитку суспільства : автореф. дис. ... канд. філос. наук / В.Ф. Паталаха ; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К. : Б. в., 2010. – 19 с.

2. Деремо В.С. Громадянське суспільство як суб'єкт впливу на воєнно-політичні рішення / В.С. Деремо. // Політичний менеджмент. – 2009. – № 1. – С. 72–78.

3. Вагурин В.А. Синергетика еволюції сучасного суспільства / В.А. Вагурин. – Луганск : Колицентр, 2005. – 200 с.

4. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западництва / А.А. Зиновьев. – М. : Менталитет, 1995. – 349 с.

5. Цвих В.Ф. Профспілки і громадянське суспільство: особливості парадигми відносин : дис. ... докт. політ. наук / В.Ф. Цвих ; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. – К. : Б. в., 2004. – 455 с.

6. 2009 NGO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.usaid.gov/locations/europe_eurasia/dem_gov/ngoindex.

7. Разметаєва Ю.С. Правова культура і правове виховання в умовах формування громадянського суспільства / Ю.С. Разметаєва // Вісник Національної юридичної академії України імені Ярослава Мудрого. Серія «Філософія, філософія права, політологія, соціологія». – 2013. – № 4. – С. 242–245.

8. Структурні виміри сучасного суспільства : [навчальний посібник] / за ред. С.С. Макеєва. – К., 2006. – 372 с.

9. Лохіна Д.Г. Виховання гуманістичного ставлення до людини засобами театрального мистецтва в сучасних українських науково-педагогічних дослідженнях / Д.Г. Лохіна // Духовність особистості. – 2012. – Вип. 2. – С. 78–83.

10. Історія європейської ментальності / за ред. П. Дінцельбахера ; пер. з нім. В.С. Кам'янець. – Львів : Літопис, 2004. – 720 с.

11. Цимбалюк М.М. Формування правосвідомості громадян у процесі розбудови громадянського суспільства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.12 / М.М. Цимбалюк ; Нац. акад. внутр. справ України. – К., 2004. – 15 с.

12. Требін М.П. Феномен правового виховання у західному освітньо-виховному просторі / М.П. Требін // Вісник Національної юридичної академії України імені Ярослава Мудрого. Серія «Філософія, філософія права, політологія, соціологія». – 2014. – № 2. – С. 66–86.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАДИАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)

Николай ТОРБЕЕВ,

аспирант кафедры уголовного права

Института имени Владимира Сташиса Классического частного университета

Summary

Article is devoted to independent empirical and theoretical research of type and qualification of radiation crime in general and signs of the radiation criminal in particular. The author displays descriptions of the persons committing the most frequent crimes of this sphere, the general signs of these acts are directed, the analysis of group types and individual criteria is carried out. Besides, on the basis of the got jurisprudence steady interrelations between a certain type of the radiation criminal and surrounding conditions in which it is established or was ever placed. Moreover, article the obligatory sign of a group radiation crime of the freight connected with export of separate categories from certain territories to which officials of bodies of public service are allocated reveals.

Key words: radiation crime, identity of the radiation criminal, surrounding conditions, criminal communications.

Аннотация

Статья посвящена самостоятельному эмпирическому и теоретическому исследованию типа и квалификации радиационной преступности в целом и признакам радиационного преступника в частности. Автором отображаются описания лиц, совершающих самые частые преступления этой сферы, наводятся общие признаки данных деяний, проводится анализ групповых типажей и индивидуальных критериев. Кроме того, на основании существующей судебной практики устанавливаются устойчивые взаимосвязи между определенным типом радиационного преступника и окружающих условий, в которых он находится или когда-либо был помещен. Более того, раскрывается обязательный признак группового радиационного преступления, связанного с вывозом отдельных категорий груза с определенных территорий, которым наделены должностные лица органов государственной службы.

Ключевые слова: радиационная преступность, личность радиационного преступника, окружающие условия, преступные связи.

Постановка проблемы. Радиационная безопасность является одним из важнейших направлений обеспечения экологической безопасности. Обеспечение радиационной безопасности добывается комплексом мер, методов и мероприятий. Одним из ключевых направлений этой работы является исследование преступных типов, совершающих преступления в данной сфере, изучение условий жизни и труда таких людей. Учитывая эти цели и задачи, большого значения приобретают системные труды по установлению типичных образов преступника и преступности в этой сфере.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью недостаточного раскрытия и изучения темы радиационной безопасности в целом, в том числе и недостаточного изучения типа радиационного преступника. На сегодняшний день криминология недо-

статочно богата исследованиями такой тематики, что вынуждает изучать поставленный вопрос с разных его сторон и аспектов.

Состояние исследования. Научный анализ проблем радиационной преступности в Украине и постсоветских странах применяется многими отечественными учеными через призыву исследования экологических преступлений. Среди них особо следует отметить В.П. Тихого, А.П. Литвина, В.А. Навроцкого и других, труды которых стали твердым основанием для дальнейшего изучения актуальных вопросов радиационной безопасности.

Целью и задачей статьи является выявление, анализ и изучение криминологической характеристика радиационного преступника на примере Украины. Новизна статьи заключается в том, что в ней осуществлена попытка раскрыть основные типажы радиационной

преступности, исследовать их общие черты и различия. Кроме того, в работе сделана попытка осветить устойчивые связи между типовыми радиационными преступлениями и окружающими факторами среды, в которых находился определенный тип преступника.

Изложение основного материала.

Определение лица преступника в сфере преступных проявлений всегда занимало одно из ведущих мест в науке криминологии, для которой именно понятие личности прежде всего связано с характерными чертами, присущими человеку-субъекту преступления, типичными для него.

Успешное предупреждение и предотвращение преступлений возможно лишь в том случае, если значительное внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность является носителем причин их совершения. Поэтому можно сказать, что такая личность – это основное и важнейшее звено всего механизма преступного поведения [1].

Понятие личности преступника в большей мере условно, поскольку его действия преступными могут считаться только в зависимости от действующего законодательства [2].

Традиционно под личностью понимают совокупность социально значимых качеств конкретного человека как члена общества и субъекта деятельности. Эти качества позволяют человеку познавать внешний мир и самого себя, выступать в качестве субъекта разных видов деятельности, вступать в общественные отношения с другими представителями общества. Поэтому, например, не является личностью новорожденный ребенок или лицо, которое болеет хронической душевной болезнью. Они не имеют необходимых качеств (или вообще их потеряли), которые позволяют быть полноценным членом общества [3, с. 85].

Явление радиационной преступности материализуется в общественном сознании благодаря совокупному криминальному поведению определенной части людей – преступников, которые своими поступками нанесли вред радиационной безопасности или создали угрозу нанести такую. Из определения данного образа радиационного преступника, который формируется общим общественным мнением, не-

обходимым является исследование ряда актуальных для этого вопросов, а именно: пола, возраста, уровня образования, материального положения, рода занятий, семейного положения, к каким социальным группам они принадлежат, какие имеют источники средств к существованию. В общих чертах типичный уровень вообрал в себя минимальное количество и совокупность признаков, свойственных преступникам данной сферы противоправного проявления, так как преступность имеет социальный характер и социальную обусловленность, которая реализуется через лицо. В этом понимании признаком, который характеризует все лица, которые совершили преступления против радиационной безопасности, будет низкий уровень культуры и воспитания в плоскости радиационной безопасности. Количество этих признаков действительно минимально, однако за «качественной» категорией она является всеобъемлющей. До этого перечня самым распространенным преступлением следует отнести деяние, предусмотренное ст. 267-1 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины). В основном радиационные преступления этой группы связаны с получением и перемещением из зоны отчуждения лесных грибов, ягод и рыбы. Попадают случаи и незаконной охоты на заповедной территории с дальнейшим вывозом добытой дичи за ее пределы. Низкий уровень осознания скрытой угрозы, которая влечет за собой вывоз радиационно-загрязненных вещей, ставит такие действия на более широкий и приоритетный уровень среди других преступных радиационных проявлений. К этому перечню допустимо также отнести преступников, которые вследствие низкой радиационной культуры и осознания последствий системно занимаются незаконным сбором и вывозом загрязненного металлолома, демонтированного строительного материала и тому подобное. То есть типичным для таких преступников является отсутствие осознания скрытой угрозы для населения, которую они несут своими действиями.

Групповой уровень изучения личности преступника определяется наличием у лиц, которые совершают однотипные преступления в сфере радиационной безопасности, характерных призна-

ков, присущих этой типологии преступников. Общим признаком, к примеру, для этого уровня исследования является низкая технологическая культура среди руководителей предприятий, на которых используется радиационный предмет и возлагается обязанность придерживаться специальных норм и правил поведения. Ее объективным детерминантом является моральное старение технического оборудования предприятий и невозможность создания абсолютно безопасных условий производства, которое в свою очередь влияет на последующие причинные риски: отсутствие желания/невозможности усовершенствования данной технической базы вверенного предприятия. Также типичным для этой группы является халатное и неосторожное обращение с радиоактивными предметами/веществами на производстве. По большей части это объясняется тем, что обслуживающий персонал специализированных предприятий в силу постоянного контакта с этими предметами на субъективном уровне теряет ощущение угрозы от него, что, соответственно, влияет на бдительность. Наиболее распространенным групповым преступлением является нарушения ядерной или радиационной безопасности на производстве (ст. 274 УК Украины).

Индивидуальный уровень определяется исследованием субъекта конкретного преступления. В него входит анализ влияния личных биологических, социально-психологических особенностей, которые осуществляют влияние на поведение личности и формируют его отношение к самому поступку и его последствиям. Кроме того, преступные проявления этого уровня имеют единичные объективные признаки среды, в которой находится субъект криминального поведения, что влияет на фактическую возможность возникновения риска такого криминального правонарушения. Индивидуальные преступные проявления часто имеют «эксклюзивный», прецедентный характер, выявление которого и последующее раскрытие, а также доведение усложняются его идентичностью. К примеру такого одиночно охарактеризованного преступного проявления, хотя не предусмотренного действующим УК Украины, можно отнести событие, которое имело место в Евросоюзе. Так, два врача и рентгенолог были осуждены на

18 месяцев тюремного заключения за участие в передозировке радиационного облучения, от чего погибли по меньшей мере 12 лиц во Франции, а десятки остались серьезно больными [4].

Следовательно, криминологическая характеристика личности преступника предусматривает ее определенную структуру. Можно говорить о разделении лиц на разные группы по разным критериям: половому, социально-демографическому, образовательному, криминально-правовому, вековому и тому подобному. С одной стороны, все лица, которые совершили радиационные преступления, по этим критериям отличаются друг от друга, а с другой – они по тем же критериям и похожи между собой, вследствие чего образуются постоянные групповые равные/группы.

Как отмечает Ю.А. Антонян, индивидуальный подход в познании лица преступника должен соотноситься с исследованием всех личностей, которые совершили преступления, на статистическом уровне. Познание криминолога охватывает всю совокупность преступников, их отдельные группы (типы, классы), конкретных преступников и преступника как научную абстракцию [5].

В связи с тем, что радиационная преступность – явление относительно новое для нашей страны, лицо радиационного преступника изучено недостаточно, особенно с учетом значительного уровня латентности этих преступлений.

В криминологии традиционно наиболее общественно опасным считался преступник, который совершает преднамеренное преступление, и наименее общественно опасным – неосторожный преступник. Однако при экологических преступлениях чаще всего вред от совершенного неосторожного преступления может быть катастрофическим. Кроме того, экологические преступления часто вызывают «неиндивидуализированный» вред, который иногда может не только не осознаваться потерпевшим, но и не соотноситься с действиями экологического преступника [6, с. 198–202.].

В нынешнее время дать определение радиационного преступника крайне усложнено, принимая во внимание незначительную теоретически и теоретически-практическую базу исследования

этого вопроса. Кроме того, обобщения единственного понятия «лицо радиационного преступника» также усложняется значительным уровнем латентности радиационных преступлений.

Наиболее распространенными преступлениями в сфере радиационной безопасности являются факты, в которых проявляются противоправные действия в виде нарушения требований режима радиационной безопасности (ст. 267-1 УК Украины), – 81,93% от общего количества преступлений против радиационной безопасности. Преступления относительно нарушения правил обращения с взрывчатыми, легко воспламеняющимися и едкими веществами или радиоактивными материалами (ст. 267 УК Украины) – 10,45% и преступления в части незаконного обращения с радиоактивными материалами (ст. 265 УК Украины) – 7% соответственно.

Анализ статистических сведений и судебной практики позволил определить значительные изменения в структуре радиационной преступности, которые были совершены в течение последних девяти лет, что выразилось в росте незаконного рыбного промысла, сбора ягод и грибов в запрещенной зоне, то есть на территории зоны отчуждения и обязательного (безусловного) отселения (с 2005 по 2013 года – в 2 раза). Исследование судебных приговоров, провозглашенных показаний подсудимых в рамках инкриминируемых им деяний, приводит к следующим выводам, что рост количества таких преступлений имеет место по большей части вследствие снижения уровня понимания радиационных рисков на фоне стечения времени после Чернобыльской катастрофы у местного населения. Уменьшение ощущения риска от радиационных угроз также вызвано отсутствием системного информирования населения о таких угрозах. Такая категория преступников в большей своей части не полностью осознает криминальную наказуемость своих действий в силу бескорыстия собственных намерений (дары природы для себя, собственное употребление). Хотя уместным будет отметить, что приведенные статистические показатели вмещают в себя данные и относительно «профессионального» рыбного промысла, главным мотивом которого является

личное обогащение за счет стихийной реализации выловленной продукции в г. Припять и ее заливах.

Анализ судебной практики (140 судебных приговоров в категории преступлений против радиационной безопасности) определил, что статистический судебный показатель по ст. 267-1 УК Украины формируется лишь за счет Чернобыльской зоны безусловного (обязательного) отселения.

Проведенное исследование дало возможность выделить характерные социально-демографические признаки лиц, которые совершили преступления против радиационной безопасности. Преимущественно это лица мужского пола в возрасте от 30 до 50 лет – 53%, которые имеют общее среднее (74,68%), профессионально-техническое (6,87%), начальное общее образование или вообще не имеют такового (8,75%) – 90,3%. Преступников этой сферы с полным высшим или базовым высшим образованием составляет 9,37% от общего количества. Большинство из правонарушителей являются работоспособными, которые не работают и не учатся, и безработными – 71%. Характерной особенностью радиационной преступности является часть ранее судимых лиц – 10,62% (для общей преступности – 22,9%). По своим морально-психологическим признакам радиационные преступники являются социально интегрированными личностями. Для большинства из них не характерны явно выраженные дефекты морального и правового сознания, асоциальные поступки, поведение. Хотя преступники этой сферы недооценивают важность обеспечения радиационной безопасности. Скрытые риски, которые несут радиационно-загрязненные предметы для них, являются вторичными. По большей части радиационного преступника характеризует такая особенность, как невозможность совершения прямого, открытого преступления. Обусловленным оправданием таких преступников в этом отношении есть то, что в основном их деятельность направлена не против конкретного лица или организации, а против государственного интереса, который четко не выражен в конкретном охраняемом законом образе.

Отдельно обращает на себя внимание наличие среди осужденных лиц

иностранцев, лиц с гражданством соседних стран, в частности России и Беларуси (2,5%), что обуславливается территориальным признаком: приближенность загрязненной территории (Чернобыльской зоны) с данными странами. Отдельным группам радиационных преступлений присущие групповые черты их совершения: 11,8% – среди осужденных лиц, а также незначительная в сравнении с общей преступностью – 11,0%. По большей части групповую характеристику приобрели преступные проявления в виде незаконного вылова рыбы на запрещенной территории, который имеет признаки системности из корыстных побуждений, а также преступления относительно вывоза/перемещения за пределы зоны отчуждения или зоны безусловного (обязательного) отселения без предусмотренного законом разрешения или проведения дозиметрического контроля продуктов промышленности или отдельных изделий, которым присущие (владеют) признаки радиационных устройств то ли их комплекующих. Безусловным преступным правилом при противоправном перемещении за пределы охраняемой территории промышленных отходов или металлолома (особенно крупногабаритного или количественного груза) является наличие преступного сговора между участниками, которые по служебной должности наделены определенными властными полномочиями (проверка, дозиметрический контроль, пропуск и тому подобное).

Отдельный анализ личностей преступников в самых распространенных фактах преступного проявления против безопасности в радиационной сфере дал возможность разложить картину радиационного правонарушителя в отдельных видах преступного действия. Так, исследуя самые многочисленные преступления, предусмотренные ст. 267-1 УК Украины, нами был выявлен более детальный образ лица, которое совершает данные деяния. На фоне определенной общей характеристики радиационного преступника лицо, осужденное за совершение действий в виде нарушения требований режима радиационной безопасности, является преимущественно мужчиной среднего возраста, женатым, на содержании у которого находятся малолетние/несовершеннолетние дети и по критерию образования принадлежат

к гражданам преимущественно со средним специальным (30,43%) и средним (35,27%) образованием. Злоумышленники с высшим образованием составляют 17,39% из общего числа, а лица без образования – 4,34% соответственно.

Принадлежность преобладающего уровня лиц со средним (но специальным) образованием обуславливается тем, что эти лица преимущественно жители соседних сел, поселков к Чернобыльской зоне, где количество граждан с высшим образованием гораздо меньше от населения городов. Тем более что предметом этих преступлений по большей части являются продукты питания растительного и животного происхождения (грибы, ягоды, рыба) для собственного потребления.

В отличие от предыдущего преступника, описание правонарушителя в рамках ст. 265 УК Украины свидетельствует на противоположные особенности его личности. Так, преступник, который осуществляет незаконное обращение с радиоактивными материалами, в сравнении с общими чертами, присущими группе радиационных правонарушителей, является преимущественно мужчиной среднего возраста с высшим образованием – 53% (со средним – 30,76%, средне специальным – 15%), женатый, на содержании имеет несовершеннолетних детей, занимает ответственные должности технического направления, которые дают ему возможность контактировать с радиоактивными материалами (источниками ионизирующего излучения, радиоактивными веществами или ядерными материалами, находящимися в любом физическом состоянии в установке или изделии или в другом виде). Наличие соответствующего специального образования, а также пребывание на соответствующей должности позволяет преступнику этого типа организовать безопасный и беспрепятственный для себя доступ к предмету преступного проявления с дальнейшей организацией его сбыта, что является подавляющим мотивом этих преступлений в Украине. Исследованием был установлен процент лиц, привлеченных к криминальной ответственности по данной статье, с отсутствием образования как такового и без трудоустройства (1,24%). Изучение судебной практики демонстрирует, что значительная часть таких лиц совершила преступление,

предусмотренное ст. 265 УК Украины, предметом которого был тот или другой радиационный материал в специальных конусах, оболочках и имел значительную стоимость.

Статья 267 УК Украины раскрывает суть некорыстной радиационной преступности, причиной возникновения которой прежде всего является халатное отношение к специальным нормам и правилам обращения с радиоактивными материалами. По большей части таким правонарушителем является мужчина среднего возраста со средним специальным (48,24%) и средним образованием (30,76%), женатый и работающий на должностях обслуживающего персонала (водитель, техник и тому подобное) на предприятиях, учреждениях разных форм собственности (частной, государственной). Уровень лиц с высшим образованием составляет 24,3% из всего количества преступлений. Как правило, основной причиной преступного деяния этой группы является самонадеянное и безответственное отношение к радиационному предмету. Нарушение специальных правил обращения с имуществом такого рода предопределено низким уровнем контроля за их сдерживанием со стороны соответствующих контролирующих органов, что порождает преступную самоуверенность в безнаказанности своих действий.

Как было отмечено проведенным анализом, в основу классификации лица радиационного преступника могут быть положены разные характеризующие критерии, так как преступные проявления в этой сфере являются разными по своей сути, вызванные разными обстоятельствами и умыслом и направлены на нарушение нормального функционирования разных общественных отношений.

Выводы. Подводя итоги, можно говорить, что типология радиационного преступника имеет как общие, так и индивидуальные признаки, присущие лишь сфере радиационной безопасности. Определения характеристик, классификаций радиационного преступника имеют важное прикладное значение при изучении причин и условий радиационных преступлений. Кроме того, успешное предупреждение и предотвращение преступлений в значительной степени зависит от степени определения их субъекта, потому можно говорить, что

личность – это одно из важнейших звеньев механизма причинения преступного поведения. Также исследование радиационного преступника обнажило актуальность вопроса полного и своевременного информирования населения о радиационных рисках, которые, в частности, несут радиационные преступления. В итоге можно сказать, что криминологические исследования характеристики лица радиационного преступника имеют решающее значение для предотвращения и раскрытия радиационных преступлений и являются весомым вкладом в правовую работу, которая обязывает не только ограничиваться разработкой исследования основных типов преступника, но и применением на практике полученных результатов.

Список использованной литературы:

1. Гладкова Є.О. Особа, що вчиняє насильницькі злочини проти працівників ОВС / Є.О. Гладкова // Право і суспільство. – 2012. – № 6. – С. 217.
2. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – № 237.
3. Криминологія. Загальна частина : [навч. посіб.] / [А.Б. Блага, І.Г. Богатирьов, Л.М. Давиденко та ін.] ; за заг. ред. О.М. Бандурки. – Х., 2010. – 240 с.
4. Особа злочинця [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/576664>.
5. Яковлев А.М. Некоторые теоретические вопросы общей методики изучения личности преступника / А.М. Яковлев // Проблемы искоренения преступности. – М., 1965. – С. 57–90.
6. The Telegraph [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/9837803/French-doctors-and-radiologist-jailed-for-radiationoverdoses.html?goback=.gde_1428887_member_210408016.
7. Антонян Ю.М. Изучение личности преступника / Ю.М. Антонян. – М., 1982. – 278 с.
8. Кочергин Г.М. Личность преступника-браконьера: особенности лиц, совершающих незаконную добычу водных биоресурсов в субъектах Северо-Западного федерального округа / Г.М. Кочергин, Е.А. Костыря, В.В. Минаев // Молодой ученый. – 2012. – № 2. – С. 198–202.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УКРАИНЕ

Юлия ТУРЛОВА,

кандидат юридических наук,
докторант отдела проблем уголовного права, криминологии и судоустройства
Института государства и права имени В.М. Корецкого
Национальной академии наук Украины

Summary

Based upon the statistical indicators this article handles a criminological analysis of the ecological crime's rate, structure and trend. It is discovered that most widespread crimes against environment are the criminal occupancy of the environmental resources, such as felling of timber, poaching (illegal fishery and other aquatic catching activities, trapping, hunting) and violation of the regulations of mineral resources conservation. The author gives a general definition of the ecological crime along with its specific and identifying features like criminal activity tendencies, increased social danger, objective functionality, social concept. He also determines characteristics and evaluates progress of the ecological crime's attributes in Ukraine upon the last ten years.

Key words: ecological crime, crimes against environment, criminological characteristics, rate, structure, trend, organized ecological crime.

Аннотация

В статье с использованием обобщающих статистических показателей осуществлен криминологический анализ уровня, структуры и динамики экологической преступности в Украине. Установлено, что наиболее распространенными преступлениями против окружающей среды являются преступления, связанные с противоправным завладением природными ресурсами, а именно: незаконная порубка леса, браконьерство (незаконное занятие рыбным, звериным или другим водным добывающим промыслом и незаконная охота) и нарушение правил охраны недр. Дано авторское определение экологической преступности. Определены ее специфические (идентифицирующие) признаки: направленность криминальной активности, повышенная общественная опасность, объективная функциональность, социально-конструктивный характер. Определены особенности, структурные сдвиги и изменения в характере экологической преступности в Украине в течение последних десяти лет.

Ключевые слова: экологическая преступность, преступления против окружающей среды, криминологическая характеристика, уровень, структура, динамика, организованная экологическая преступность.

Постановка проблемы. Стремительное развитие цивилизации в последние десятилетия ставит перед всеми государствами мира мощные экологические вызовы. Вместе с тем экологическая сфера интегрально связана с экономикой, социальной и научной областями. Комплексное внедрение современных подходов в сфере охраны окружающей среды является неотъемлемой частью общей цели правительств любой страны по улучшению качества жизни своих граждан, обеспечения процветания будущих поколений.

Имеющаяся кризисная экологическая ситуация в Украине существенным образом обусловлена опасными последствиями масштабной экологической преступности, а именно: ката-

строфическим ухудшением качества окружающей среды, что приводит к снижению продолжительности жизни, росту уровня заболеваемости и смертности; появлению зон экологического бедствия; деградации восстанавливаемых природных ресурсов (земель, рыбных, лесных ресурсов и другого); истощению невозобновляемых природных ресурсов (полезных ископаемых); загрязнению и ухудшению качества поверхностных и подземных вод, морей, атмосферного воздуха; распространению радиоактивного загрязнения; опасному загрязнению продуктов питания.

Актуальность темы. Проблемам экологической преступности и противодействию ей в правовой литературе уделяется значительное внимание от-

ечественных и зарубежных ученых, а именно: С.Б. Гавришем, А.И. Долговой, О.Л. Дубовик, Э.Н. Жевлаковым, В.К. Матвийчуком, В.А. Навроцким, Б.Б. Тангиевым, Ю.С. Шемшученко и другими, которые определенной мерой содействовали их положительному разрешению. Вместе с тем в работах рассматривались в большей степени вопросы уголовно-правовой охраны окружающей среды. Криминологический же аспект этой проблемы в украинской юридической литературе изучен недостаточно.

Цель статьи – анализ состояния экологической преступности в Украине с количественной характеристикой основных ее показателей.

Изложение основного материала. По мнению автора, экологическую преступность можно определить как социальное явление, имеющее опасный для общества объективно-функциональный, социально-конструктивный характер, которое проявляет себя в поведении, запрещенном уголовным законодательством, посягающее на окружающую среду или его отдельные объекты, и создает опасность биологическим основам существования человечества.

Именно наличие специфических признаков объективного характера качественно отличает экологическую преступность от других видов преступности.

Первый из таких признаков – направленность криминальной активности, проявлением которой является причинение (или угроза причинения) вреда окружающей среде, что находит свое выражение в ухудшении жизнеспособности, качества, целостности, взаимосвязей и других объективных параметров окружающей среды и ее отдельных экосистем (животный и растительный мир, атмосферный воздух, земли, воды, недра и так далее) в пределах, в которых они попадают в сферу уголовно-правового регулирования.

Вторым специфическим (идентифицирующим) признаком экологической преступности является ее повышенная общественная опасность, что проявляется в создании реальной угрозы биологическим основам существования человечества. Повышенная опасность экологической преступности обусловлена усилением антропогенной

нагрузки на природную среду, что в условиях глобального экологического кризиса создает угрозу причинения существенного, часто невозобновляемого вреда жизненно важным интересам человека, общества и государства.

Третьим идентифицирующим признаком экологической преступности является ее объективная функциональность. Экологическая преступность фактически является продолжением «нормального» природопользования и одной из форм деятельности, которая в силу своей результативности была отобрана обществом в процессе его развития и закреплена как возможный образец поведения.

Четвертым идентифицирующим признаком экологической преступности является ее социально-конструктивный характер, что отражается в ее относительности и конвенциональности.

Экологические преступления относятся к категории высоколатентных преступных посягательств, социальная опасность которых, как правило, не подтверждается официальными статистическими данными, а основывается в основном на наблюдении и оценке последствий посягательств данной категории, то есть таких объективных показателей, которые невозможно не заметить или скрыть – деградация природной среды, разрушение экосистем, загрязнение окружающей среды [1, с. 120].

Так, уже к концу XX ст. было истреблено 2/3 лесов планеты; в атмосферу ежегодно выбрасывалось более 200 млн т оксида углерода, около 146 млн т диоксида серы, 53 млн т оксидов азота и так далее. Около 700 млн га некогда продуктивных земель повреждено эрозией (при всей площади обрабатываемых земель, равной 1400 млн га). В результате разрушения мест обитания живых организмов потеряно былое биологическое разнообразие планеты [2].

Нынешняя экологическая ситуация в Украине формировалась в течение длительного периода как результат пренебрежения объективными законами развития и воспроизведением природно-ресурсного комплекса государства. В результате происходили структурные деформации народного хозяйства, при которых предпочтение отдавалось развитию в Украине сырьедобывающих,

наиболее экологически опасных отраслей промышленности. Социальная составляющая экологической ситуации в Украине определяется характером формирования нового качества условий жизни населения, ухудшением условий жизни и состояния здоровья в результате интенсивного техногенного воздействия на окружающую среду.

По словам экспертов, в Украине нет ни одного промышленного города, где бы концентрации в атмосфере основных загрязняющих веществ не превышали предельно допустимых. Лишь 15,3% жителей городских поселений проживают в условиях слабого загрязнения воздуха, 52,8% – в условиях умеренного, 24,3% – в условиях сильного и 7,6% – очень сильного загрязнения. Несовершенная отечественная система обращения и хранения промышленных токсичных отходов является основным источником загрязнения окружающей среды тяжелыми металлами. Среднегодовые объемы образования токсичных отходов в Украине на порядок превышают показатели любой страны Европы. Быстрыми темпами загрязняются водные ресурсы Украины (среди ведущих загрязнителей – предприятия энергетики, черной металлургии, угольной промышленности, объекты жилищно-коммунального хозяйства), уровень и перспективы обеспеченности которыми признаны неудовлетворительными. В зоне влияния техногенного загрязнения находится практически весь лесной фонд, что существенно сокращает его рекреационно-оздоровительные возможности. Украина принадлежит к немногочисленным государствам мира, существенное влияние на состояние здоровья населения которых имеет радиационное загрязнение и постоянное облучение малыми дозами ионизирующей радиации.

Динамика основных показателей состояния здоровья населения Украины свидетельствует об их тесной связи с региональными особенностями и тенденциями развития экологической ситуации. Показателем, который обобщает структурные и динамические медико-демографические характеристики населения, является средняя ожидаемая продолжительность жизни, по которой, особенно по продолжительности жизни мужчин (68,1 и 62,4 года соответственно), Украина зани-

мает одно из последних мест в Европе [3, с. 245–257].

Несмотря на очевидные последствия экологических правонарушений, официальная статистика фиксирует ситуацию с невысокой выявляемостью экологических преступлений. Так, среднегодовой показатель уровня преступлений против окружающей среды (Раздел VIII Особой части Уголовного кодекса Украины) составляет 2 166 преступлений. Удельный вес экологической преступности в общей структуре преступности в Украине, несмотря на общую тенденцию к росту, остается незначительным и составляет 0,42–0,52%.

В структуре экологической преступности преобладают преступления небольшой и средней тяжести. Так, из 2 624 преступлений против окружающей среды, которые были зарегистрированы в 2014 году, лишь 11 – тяжкие и 3 – особо тяжкие.

По способу негативного воздействия на природную среду преступления против окружающей среды можно разделить на две группы:

- связанные с противоправным завладением природными ресурсами (охотничьих, рыбных, растительных, минеральных);

- связанные с загрязнением или уничтожением отдельных объектов окружающей среды или созданием такой угрозы, а также против экологической безопасности населения.

Соотношение отдельных видов выявленных преступлений против окружающей среды свидетельствует о преимущественном применении норм, устанавливающих ответственность за преступления, связанные с незаконным завладением природными ресурсами. Так, наибольшую часть в структуре экологической преступности в 2014 году занимает незаконная порубка леса – 39,3%, браконьерство (незаконное занятие рыбным, звериным или другим водным добывающим промыслом и незаконная охота) – 24,8%, нарушение правил охраны недр – 23,6%.

Реже выявляются экологические преступления, связанные с загрязнением или уничтожением отдельных объектов окружающей среды или созданием такой угрозы, а также против экологической безопасности населения – 8,7%. К ним относятся такие преступления, как нарушение правил экологической безопасности; загрязнение или порча земель; загрязнение атмосферного воздуха; нарушение правил охраны вод; загрязнение моря; уничтожение или повреждение объектов растительного мира; нарушение законодательства о защите растений; нарушение ветеринарных правил; умышленное уничтожение или повреждение территорий, взятых под охрану государства, и объектов природно-заповедного фонда; проектирование или эксплуатация сооружений без систем защиты окру-

жающей среды; бесхозяйственное использование земель.

Наименьшую часть составляют экологические преступления, связанные с незаконным завладением землями, которые объединяют незаконное завладение грунтовым покровом (поверхностным слоем) земель (ст. 239-1 УК Украины) и незаконное завладение землями водного фонда в особо крупных размерах (ст. 239-2 УК Украины) – 3,7%. Данные статьи дополнили Раздел VIII Особой части Уголовного кодекса Украины «Преступлений против окружающей среды» в 2010 году.

Анализ структурных изменений в состоянии экологической преступности в Украине за последние 10 лет позволил сделать вывод о некоторых тенденциях в распределении отдельных видов экологической преступности. Так, стабильный рост демонстрируют абсолютные и относительные показатели преступлений, связанных с нарушением правил охраны или использования недр. В 2005 году доля таких преступлений в структуре экологической преступности составляла 19,0% (414 преступлений в 2005 году и 620 в 2014 году). Доля браконьерских преступных посягательств характеризуются некоторым снижением – в 2005 году их удельный вес составлял 27,0% (587 преступлений в 2005 году и 651 в 2014 году). Также снижаются относительные показатели незаконной порубки леса – в 2005 году доля таких преступлений составляла 45,0%, хотя абсолютные показатели характеризуются незначительным ростом (967 и 1030 преступлений соответственно).

Одной из характерных особенностей экологической преступности является довольно высокий удельный вес ее групповой составляющей. Так, доля преступлений против окружающей среды, совершенных группой лиц, намного больше аналогичного показателя общей преступности (7,5%) и составляет в 2014 году 17,9%, а среди осужденных – 31,4% (в 2013 году – 362 из 1154).

Для преступлений, связанных с противоправным завладением природными ресурсами, характерно наличие организованных преступных группировок, которые имеют коррупционные связи с правоохранительными, контролирующими органами и другими орга-

Рис. 1. Структура экологической преступности в Украине

нами исполнительной власти. В 2013 году было осуждено 10 участников организованных преступных групп, 7 из которых специализировались на преступлениях, связанных с нарушением правил охраны недр, а 3 – незаконным занятием рыбным, звериным или другим водным добывающим промыслом.

Вместе с тем изменение в последние годы характера экологической преступности, ее коммерциализация, профессионализация, наличие коррупционных и транснациональных связей позволяет сделать вывод о трансформации ее в более организованные формы.

Новый импульс такая деятельность получила в условиях украинской действительности, когда развитие рыночной системы хозяйствования стимулировало потребительскую психологию в обществе, распространилось на сферу природопользования и эксплуатации природных ресурсов, что обусловило их хищническое использование, уничтожение отдельных элементов окружающей среды, а также загрязнения природной среды. Итак, на сегодняшний день именно корыстные преступники формируют организованную экологическую преступность, что фактически представляет собой нелегальное уголовное «предпринимательство», то есть получение в указанный способ постоянного дохода, коммерческой выгоды.

Расширение «рынка сбыта» незаконно добытых природных ресурсов, в том числе благодаря экологической контрабанде, образует ряд дополнительных детерминирующих факторов. В преступный промысел вовлекаются все большее количество людей. Для таких криминальных «предприятий» характерна высокая организация труда и четкое распределение ролей. В криминологической литературе наводится один их примеров такого «бизнеса» [4, с. 221]. Так, с целью получения разрешений на вырубку леса для его дальнейшей реализации на экспорт «криминальные» предприниматели имитируют лесные пожары. Механизм такого «криминального» бизнеса следующий: нанимаются безработные маргиналы, им выдаются керосин и факелы; те идут к намеченному участку леса или лесополосы, где поджигают сухой травостой, кору деревьев, умышленно создавая имитацию или контролируемый пожар. В дальнейшем под видом

вырубки горелого леса оформляют необходимые для вырубки и реализации леса документы.

Одним из проявлений трансформационных процессов в современном украинском обществе и экономике является дальнейшее распространение коррупции на экологическую сферу. В незаконный коррумпированный оборот вовлечено значительные объемы лесных ресурсов, рыбы и морских животных, полезных ископаемых, земельных участков, отходов и прочего.

Коррупция и профессионализация «криминального» экологического бизнеса в Украине дает возможности организованным группировкам расширять его, «экспортируя» за пределы государства и приобретая при этом характер транснациональной организованной преступности. Такие процессы, по мнению академика А.П. Закалюка [5, с. 377], обусловлены рядом факторов. С развитием в Украине элементов демократизации, открытости, гражданского общества межгосударственные связи стали более широкими, разнообразными и насыщенными. Эти тенденции развиваются на фоне общих процессов мировой и европейской взаимосвязи и охватывают все общественные сферы, в том числе сферу преступности разных стран. Организованная преступность, в том числе и экологическая, становится ближе к транснациональному пространству с целью реализации своей основной характеристики – стремление к постоянному получению преступных доходов и сверхдоходов. В этом стремлении она ищет страны, где уровень прибыли выше, а размер налогов меньше, соответственно, где более высокий уровень экономического развития, более высокие доходы предпринимательства, больше богатых людей – потребителей более дорогих драгоценностей, развлечений, средств различного обеспечения сверхкомфортной жизни.

У каждого региона Украины есть свои символы транснациональной организованной экологической преступности. Уголь, янтарь, титановые руды стали синонимами коррупционных картелей в целых регионах страны. Для Западной Украины таким символом стал лес, точнее его вырубка и последующий вывоз. Сплошные, санитарные, выборочные вырубки идут везде. Даже вдоль горных рек в Карпа-

тах происходит рубка, что в результате приводит к масштабным наводнениям. В заповедных местах дела обстоят несколько лучше, поскольку там допускается только санитарная рубка. Однако под видом охраны лесного хозяйства с помощью использования специальных схем (санитарных рубок) все больше и больше леса попадает под вырубку. В январе 2015 года активисты «Майдана» во Львовской области выявили целые склады свежесрубленной древесины в с. Днистрик Старосамборского района. По предварительным замерам в буртах складировался около 2000 куб. м. свежесрезанной, неклеяной добротной древесины, на которую не было никаких документов. Представители экологических организаций не помнят такого количества незаконно вырубленного леса без документов за всю историю украинской независимости.

Также одним из примеров транснациональной организованной экологической преступности может быть ситуация с незаконным добыванием в Украине (преимущественно в Ровенской области) и последующей контрабандой в Польшу и Литву янтаря. При этом масштабы теневого рынка янтаря в несколько раз превосходят его официальные объемы.

Из приведенного анализа можно сделать такой вывод: распространенность и масштабы ущерба для окружающей среды и общества вследствие существования организованной экологической преступности в Украине действительно огромные. В тоже время указанные тенденции не отражаются в официальной статистике. Как свидетельствуют наведенные выше статистические данные, выявление преступлений против окружающей среды, совершенные организованными преступными группировками, в том числе с межрегиональными или международными связями, носит единичный характер.

Анализ разнообразных источников криминологической информации подтверждает высказанное различными учеными [6] мнение об отсутствии действенного и целенаправленного противодействия организованной экологической преступности.

Выводы. Проведенный криминологический анализ дает представление о распространенности, масштабах ущерба для общества, изменениях в показа-

телях и характере экологической преступности в Украине. В зависимости от уровня, структуры и динамики этих преступлений должны планироваться тактика, формы и общая организация противодействия преступлениям данной категории, которые представляют повышенную опасность для общества и предотвращения которым в современных условиях приобретает особое значение.

Список использованной литературы:

1. Полищук Г.С. Состояние и тенденции экологической преступности в Украине / Г.С. Полищук, Е.В. Мельник // Вестник Киевского национального университета внутренних дел. – 2009. – № 4. – С. 120–126.

2. Данилов-Данильян В.И. Экологические проблемы. Что происходит, кто виноват и что делать? / В.И. Данилов-Данильян. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1997. 330 с.

3. Национальный доклад о состоянии окружающей природной среды в Украине в 2006 году. – К.: Министерство охраны окружающей природной среды Украины, 2007. – 549 с.

4. Полищук Г.С. О криминологической характеристики организованной экологической преступности / Г.С. Полищук // Борьба с организованной преступностью и коррупцией (теория и практика). – 2008. – № 18. – С. 219–228.

5. Закалюк А.П. Курс современной украинской криминологии: теория и практика : в 3 кн. / А.П. Закалюк. – К.: Издательский Дом «Ин Юре», 2007. – Кн. 2 : Криминологическая характеристика и предупреждение совершения отдельных видов преступлений. – 2007. – 712 с.

6. Жевлаков Э.Н. Экологические правонарушения и ответственность / Э.Н. Жевлаков. – М.: ЗАО Бизнес-школа Интел-Синтез, 1997. – 78 с.; Дубовик О.Л. Коррупция в сфере лицензирования природопользования и регистрации воздействий на окружающую среду / О.Л. Дубовик // Организованная преступность, терроризм и коррупция. – М., 2003. – № 1. – С. 39–49; Зубкова В. Проблемы применения законодательства о незаконной порубке лесных насаждений по УК РФ / В. Зубкова, Н. Соколов // Уголовное право. – М.: Уголовное право, 2007. – № 2. – С. 50–54.

ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 110-2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Руслан ЧЕРНЫЙ,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, докторант
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The socially dangerous acts as part of financing actions, committed with the purpose of the violent change or overthrow of constitutional order or the assumption of state power, change of the territorial measures or state border of Ukraine are researched in the article. In particular, the definition of the notion financing and material support of actions the liability is provided for by the Art. 110-2 of the Criminal Code of Ukraine has been proposed. It is admitted that socially dangerous acts mentioned before constitute separate forms of manifestations of objective side of mentioned corpus delicti for which reason Article 110 of Criminal Code of Ukraine needs improvement. An additional point is that the position is grounded according to which the provision in P 3 and 4 of Art. 110-2 of the Criminal Code of Ukraine of more serious punishment on the basis of the value of things that don't belong to the financial (intangible) assets is not grounded to the full extent. On the basis of the carried out research, changes and alterations to the Art. 110-2 of the Criminal Code of Ukraine, have been proposed.

Key words: socially dangerous acts, crime against the fundamentals of national security, financing, material security of actions, committed with the purpose of the violent change or overthrow of constitutional order or the assumption of state power, change of the territorial measures or state border of Ukraine.

Аннотация

В статье исследуются общественно опасные деяния в составе финансирования действий, совершенных с целью насильственного изменения или свержения конституционного строя или захвата государственной власти, изменения пределов территории или государственной границы Украины. В частности, предложено определение понятия финансирования и материального обеспечения действий, ответственность за совершение которых предусмотрена в ст. 110-2 Уголовного кодекса Украины. Отмечается, что указанные общественно опасные деяния образуют самостоятельные формы проявления объективной стороны указанного состава преступления, в связи с чем ст. 110-2 Уголовного кодекса Украины требует усовершенствования. Кроме того, обосновывается позиция, согласно которой установление в ч. 3 и ч. 4 ст. 110-2 Уголовного кодекса Украины более сурового наказания, исходя из стоимости предметов, которые не относятся к финансовым (нематериальным) активам, не является в полной мере оправданным. На основании проведенного исследования предложены изменения в ст. 110-2 Уголовного кодекса Украины.

Ключевые слова: общественно опасное деяние, преступления против основ национальной безопасности, финансирование, материальное обеспечение действий, совершенных с целью насильственного изменения или свержения конституционного строя или захвата государственной власти, изменения пределов территории или государственной границы Украины.

Постановка проблемы. Проблема обеспечения национальной безопасности Украины занимает одно из ключевых мест в современной юридической науке. Вопросы уголовно-правовой охраны конституционного строя, территориальной

целостности и неприкосновенности Украины были предметом изучения многих ученых. В свою очередь, развитие законодательства в указанной сфере, введение в раздел I Особенной части Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины) новых составов

преступлений обуславливают необходимость осуществления дальнейших научных исследований. В связи с этим анализ признаков, характеризующих объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 110-2 УК Украины, является актуальным и своевременным.

Весомый вклад в разработку проблем ответственности за преступления против основ национальной безопасности Украины принадлежит А.Ф. Бантышеву, В.К. Гришуку, И.В. Диордице, А.А. Дудорову, А.Ю. Звонареву, В.С. Картавцеву, А.А. Климчуку, В.А. Липкану, М.И. Мельнику, В.А. Навроцкому, Г.В. Новицкому, В.В. Сташису, В.Я. Тацию, В.П. Тихому, М.И. Хавронюку, А.В. Шамаре, В.М. Шлапаченко, С.С. Яценко и другим ученым.

Впрочем, учитывая, что раздел I Особенной части УК Украины дополнен ст. 110-2 сравнительно недавно, специальные исследования, посвященные проблемам ответственности за финансирование действий, совершенных с целью насильственного изменения или свержения конституционного строя или захвата государственной власти, изменения пределов территории или государственной границы Украины, на сегодня отсутствуют.

В связи с этим **целью статьи** является исследование признаков объективной стороны указанного состава преступления, выявления проблемных аспектов и формулирование предложений по усовершенствованию закона об уголовной ответственности.

Изложение основного материала исследования. Законом Украины «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины относительно уголовной ответственности за финансирование сепаратизма» от 19 июня 2014 г. № 1533-VII раздел I Особенной части УК Украины дополнен новой ст. 110-2 «Финансирование действий, совершенных с целью насильственного изменения или свержения конституционного строя или захвата государственной власти, изменения пределов территории или государственной границы Украины».

Анализируя положения ст. 110-2 УК Украины через призму положений Общей и Особенной частей УК Укра-

ины, можно утверждать следующее. Во-первых, в ч. 1 и ч. 2 указанной статьи установлена ответственность за совершение одного из общественно опасных деяний, характеризующего действия организатора преступления (ч. 3 ст. 27 УК Украины). Во-вторых, по юридической конструкции ст. 110-2 УК Украины близка к ст. 258-5 «Финансирование терроризма».

Общественно опасное деяние анализируемого состава преступления находит свое проявление в двух формах: 1) финансирование действий, совершенных с целью изменения пределов территории или государственной границы Украины в нарушение порядка, установленного Конституцией Украины (ч. 1 ст. 110-2 УК Украины); 2) финансирования действий, совершенных с целью насильственного изменения или свержения конституционного строя или захвата государственной власти (ч. 2 ст. 110-2 УК Украины).

Понятие финансирования содержится в примечании 1 к указанной статье, согласно которого «финансированием действий, предусмотренных в настоящей статье, являются действия, совершенные с целью их *финансового или материального обеспечения*».

Как известно, с помощью примечаний осуществляется дополнение и уточнение диспозиций статей Особенной части УК Украины, а поэтому при их формулировании важно достичь такой степени законодательного мастерства, чтобы они не требовали дополнительных разъяснений и действительно имели нормативный характер [1, с. 306].

Вместе с тем анализ примечания 1 к ст. 110-2 УК Украины свидетельствует, что его содержание не носит дополняющего (уточняющего) характера и не в полной мере способствует установлению содержания действий, образующих объективную сторону этого преступления. Более того, оно наделяет объективную сторону рассматриваемого преступления таким общественно опасным деянием, как материальное обеспечение соответствующих общественно опасных действий, выполняя функцию дополнительной (самостоятельной) диспозиции ст. 110-2 УК Украины.

Представляется, что положения закона об уголовной ответственности в указанной части требуют некоторых уточнений.

Как отмечалось, по конструкции ст. 110-2 УК Украины близка к ст. 258-5 УК Украины, в ч. 1 которой описаны общественно опасные действия, заключающиеся в финансировании терроризма, то есть действиях, совершенных с целью «финансового или материального обеспечения отдельного террориста или террористической группы (организации)». Таким образом, в ч. 1 и 2 ст. 110-2 УК Украины имеет место применение аналогии к пониманию финансирования как общественно опасного деяния.

Впрочем, анализ Особенной части УК Украины подтверждает наличие и других составов преступлений, в которых признаком объективной стороны является финансирование определенного вида преступной деятельности или иные действия, свидетельствующие об организационном характере действий виновного или характере содействия совершению преступления. Так, в ч. 3 ст. 260 УК Украины установлена ответственность за руководство не предусмотренными законами Украины военизированными формированиями, их финансирование, снабжение их оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или военной техникой. Первые два действия в контексте ч. 3 ст. 27 УК Украины являются свидетельством организационных действий субъекта. Другие действия дают основания рассматривать их как содействие совершению преступления (ч. 5 ст. 27 УК Украины) в виде материального обеспечения не предусмотренных законом военизированных или вооруженных формирований, признанного в этом случае оконченным преступлением.

Однако с точки зрения конструирования уголовно-правовой нормы наиболее ярким в части установления ответственности за финансирование и материальное обеспечение определенного вида преступной деятельности является состав наемничества. Объективную сторону последнего образуют, в частности, альтернативные общественно опасные действия, состоящие в вербовке, финансировании

и материальном обеспечении наемников (ч. 1 ст. 447 УК Украины).

Изложенное дает основания утверждать, что в действующем УК Украины применены два подхода к пониманию финансирования определенного вида преступной деятельности. Согласно первому подходу финансирование охватывает собой материальное обеспечение совершения преступления, согласно другому – финансирование и материальное обеспечение являются самостоятельными категориями. Последний подход следует признать более обоснованным, учитывая содержание понятия финансов и финансирования, а также положения международных нормативно-правовых актов по противодействию отдельным преступлениям.

Так, под финансами ученые понимают отношения между людьми, складывающиеся по поводу мобилизации, распределения и использования фондов денежных средств [2, с. 9; 3, с. 4–6; 4, с. 10–11]. В свою очередь, понятие финансирования означает деятельность, связанную с обеспечением тех или иных субъектов денежными ресурсами, финансовыми активами [5, с. 282; 6, с. 59; 7, с. 9] – активами, которые используются для обеспечения деятельности таких субъектов и осуществляют обращение в денежной форме [8, с. 17]. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 1 Закона Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг» [9] финансовые активы образуют средства, ценные бумаги, долговые обязательства и право требования долга, которые не отнесены к ценным бумагам. Иными словами, как отмечает В.Н. Шелудько, последние являются специфическими *нематериальными* активами, представляющие собой требования их владельцев на получение определенного дохода [10, с. 27].

Таким образом, понятием финансирования действий, указанных в ч. 1 и 2 ст. 110-2 УК Украины, охватываются любые действия, которые заключаются в предоставлении лицам, имеющим целью совершение насильственного изменения или свержения конституционного строя или захвата государственной власти, изменения пределов территории или государ-

ственной границы Украины любых финансовых (нематериальных) активов в виде средств, ценных бумаг, долговых обязательств, права требования долга и тому подобное.

Из изложенного следует вывод, что материальное обеспечение в контексте указанной нормы является самостоятельным общественно опасным деянием, не связанным с обеспечением тех или иных субъектов финансовыми (нематериальными) ресурсами. Последнее может заключаться в предоставлении каких-либо материальных средств, в том числе помещений, транспортных средств, средств связи, продуктов питания, медикаментов или других предметов (одежды, обуви, амуниции и так далее), которые предназначены для использования в преступной деятельности, а также для осуществления ремонта, технического обслуживания, налаживания или иных действий, направленных на обеспечение функционирования указанных средств, поддержания их в рабочем состоянии [11, с. 796].

Анализ примечания 1 к ст. 110-2 УК Украины дает основания утверждать, что за основу определения понятия финансирования действий, указанных в ч. 1 и ч. 2 данной статьи, взят подход, закрепленный в ст. 258-5 УК Украины, являющийся вполне приемлемым для состава финансирования терроризма, учитывая ратифицированную Украиной Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма [12], в ст. 1 которой указано, что *исключительно для целей настоящей конвенции «средства» означают активы любого рода, материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них.*

Таким образом, предусматривая в ч. 1 ст. 258-5 УК Украины ответственность за «финансирование терроризма, то есть действия, совершенные с целью финансового или *материального* обеспечения отдельного террориста или террористической группы (организации)», закон, с одной сто-

роны, имплементировал положения международно-правового акта, а с другой – учитывая особенности отечественного законодательства в части определения понятия финансов и *финансирования* соответствующих видов деятельности, отдельно определил в качестве общественно опасного действия *материальное обеспечение* террористов. Другим видом имплементации является расширенное толкование международно-правовой нормы, то есть криминализация деяний, которые ею не охватываются [13, с. 446–447]. Примером является состав наемничества, о чем уже говорилось. Так, согласно Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников [14] объективную сторону этого преступления образуют общественно опасные действия, состоящие в вербовке, использовании, обучении и финансировании наемников (ч. 1 ст. 447 УК Украины). Вместе с этим отечественный законодатель, кроме указанных действий, наказуемыми признал также действия, которые проявляются в материальном обеспечении наемников, при том, что определение понятия финансирования последних Международная конвенция не раскрывает.

Итак, используемые в ч. 1 и ч. 2 ст. 110-2 УК Украины, а также примечаниях к ней термины «финансирование» и «материальное обеспечение» являются самостоятельными понятиями, которые характеризуются присущими только им признаками. В пользу этого тезиса свидетельствуют и положения Общей части УК Украины. Так, в п. 2 ч. 1 ст. 96-2 отмечается, что специальная конфискация применяется в случае, если деньги, ценности и иное имущество предназначались (использовались) для склонения лица к совершению преступления, финансирования и/или материального обеспечения преступления или вознаграждения за его совершение.

Таким образом, положения п. 2 ч. 1 ст. 96-2 УК Украины способствуют четкому представлению о финансовом и материальном обеспечении как об отдельных формах проявления общественно опасного деяния в составе преступления, предусмотренного ст. 110-2 УК Украины.

На основании вышеизложенного можно утверждать следующее. Во-первых, под финансированием действий, указанных в ч. 1 и ч. 2 ст. 110-2 УК Украины, понимается предоставление в распоряжение субъекта преступления, предусмотренного ст. 109 или ст. 110 УК Украины, финансовых (нематериальных) ресурсов (независимо от их происхождения) для осуществления им антиобщественной деятельности, то есть для обеспечения реализации непосредственной цели виновного (приобретения орудий, подкупа избирателей на референдуме по изменению территории Украины и так далее). Во-вторых, под материальным обеспечением действий, указанных в ч. 1 и ч. 2 ст. 110-2 УК Украины, понимается предоставление в распоряжение указанного субъекта любого имущества или иных предметов, в том числе тех, которые в правовом понимании не являются активом лица, осуществляющего такое обеспечение. К ним, в частности, относятся незаконно изготовленные в домашних условиях из доступных материалов взрывчатка, самодельное оружие и тому подобное.

Следовательно, есть все основания утверждать, что название, а также ч. 1 и ч. 2 ст. 110-2 УК Украины требуют уточнения путем указания в них на финансирование или материальное обеспечение указанных в них действий.

В связи с этим примечание 1 к ст. 110-2 УК Украины необходимо изложить в такой редакции: «Примечание 1. Финансированием действий, предусмотренных в данной статье, являются действия, которые заключаются в предоставлении лицам, имеющим целью совершение насильственного изменения или свержения конституционного строя или захват государственной власти, изменения пределов территории или государственной границы Украины любых финансовых (нематериальных) ресурсов в виде денежных средств, ценных бумаг, долговых обязательств, права требования долга и т.п. ».

Обозначенные предложения предусматривают необходимость внесения изменений также в примечание 2 и 3 ст. 110-2 УК Украины, в которых предоставляются разъяснения

материального обеспечения соответствующих общественно опасных действий в крупном и особо крупном размерах, поскольку назначение лицу более строгого наказания (ч. 3 и ч. 4 ст. 110-2 УК Украины), исходя из стоимости предметов, не относящихся к финансовым (нематериальным) ресурсам и предоставляемых им субъектам преступлений, предусмотренных ст. 109 или ст. 110 УК Украины, не является в полной мере оправданным. На практике это будет создавать значительные трудности при квалификации действий виновного, особенно когда предметами материального обеспечения выступают самодельные взрывные устройства или оружие, определить стоимость которых очень сложно или невозможно.

На основании изложенного предлагается исключить из примечаний 2 и 3 ст. 110-2 УК Украины слова «или материального».

Анализ общественно опасного деяния состава преступления, предусмотренного ст. 110-2 УК Украины, был бы не полным без учета следующего аспекта. Особенностью конструкции указанной статьи является то, что в ее ч. 1 и ч. 2 предусмотрено два самостоятельных состава преступления. Впрочем, есть все основания согласиться с С.Я. Лиховой, что при формулировании уголовно-правовых норм следует максимально избежать объединения в одной статье двух разных составов преступлений [15, с. 359]. Решение этого вопроса возможно двумя способами: 1) предусмотреть ответственность за финансирование действий, совершенных с целью насильственного изменения или свержения конституционного строя или захвата государственной власти (ч. 2 ст. 110-2 УК Украины) в отдельной статье; 2) предусмотреть в ч. 1 ст. 110-2 УК Украины ответственность за финансирование действий, совершенных с целью: а) изменения пределов территории или государственной границы Украины в нарушение порядка, установленного Конституцией Украины; б) насильственного изменения или свержения конституционного строя или захват государственной власти. Более обоснованным с точки зрения законодательной техники яв-

ляется второй подход. Так, основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110-2 УК Украины, образуют общественные отношения, являющиеся компонентом более широких по содержанию и объему общественных отношений – отношений по обеспечению безопасности конституционного строя. Таким образом, общественно опасные действия, которые заключаются в финансировании действий, указанных в ч. 1 и ч. 2 ст. 110-2 УК Украины, создают угрозу причинения вреда одному и тому же объекту – общественным отношениям по обеспечению безопасности конституционного строя.

Следовательно, есть все основания утверждать о необходимости исключения ч. 2 ст. 110-2 УК Украины и установления в ч. 1 указанной статьи ответственности за финансирование действий, совершенных с целью насильственного изменения или свержения конституционного строя или захвата государственной власти.

Выводы. На основании проведенного в этой статье исследования можно прийти к таким выводам. Дополнение раздела I Особой части УК Украины ст. 110-2 УК Украины является назревшим и своевременным. В то же время, учитывая положения национального законодательства и международных правовых актов, в части установления ответственности за финансирование и материальное обеспечение определенных видов преступной деятельности, ст. 110-2 УК Украины требует некоторых уточнений.

Исходя из вышеизложенного, предлагается внести следующие изменения в ст. 110-2 УК Украины:

1) название статьи и ее часть первую изложить в такой редакции: «Статья 110-2. Финансирование или материальное обеспечение действий, совершенных с целью насильственного изменения или свержения конституционного строя или захвата государственной власти, изменения пределов территории или государственной границы Украины».

1. Финансирование или материальное обеспечение действий, совершенных с целью изменения пределов территории или государственной гра-

ниці України в порушення порядку, встановленого Конституцією України, или дійствий, совершених с целью насильственного изменения или свержения конституционного строя либо захвата государственной власти, – наказываются...»;

2) исключить часть вторую. В связи с этим части 3–5 считать, соответственно, частями 2–4 настоящей статьи, исключив из них слова «или второй»;

3) примечание 1 изложить в такой редакции: «Примечание. 1. Финансированием действий, предусмотренных в настоящей статье, являются действия, которые заключаются в предоставлении лицам, имеющих целью совершение насильственного изменения или свержения конституционного строя или захват государственной власти, изменения пределов территории или государственной границы Украины любых финансовых (нематериальных) ресурсов в виде средств, ценных бумаг, долговых обязательств, права требования долга и т.п.»;

4) исключить из примечаний 2 и 3 слова «или материального».

Список использованной литературы:

- Тростюк З.А. Юридична природа та перспективи використання приміток у Кримінальному кодексі України / З.А. Тростюк // Часопис Київського університету права. – № 4. – 2009. – С. 302–307.
- Фінансове право : [навч. посіб.] / В.Ф. Роль, В.В. Сергієнко, С.М. Попова. – К. : Центр учбової літератури, 2011. – 392 с.
- Теорія фінансів : [підручник] / [П.І. Юхименко та ін.] ; заг. ред. В.М. Федосов, С.І. Юрій. – К. : Центр учбової літератури, 2010. – 576 с.
- Лондар, С.Л. Тимошенко О.В. Фінанси : [навч. посіб.] / С.Л. Лондар, О.В.Тимошенко. – Вінниця : Нова Книга, 2009. – 384 с.
- Юридична енциклопедія / ред. Ю.С. Шемшученко та ін.; НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького. – К. : Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М.П. Бажана, 1998–. – Т. 6 : Т–Я. – 2004. – 768 с.
- Проблеми систематизації та комплексного розвитку антитерористичного законодавства України : [монографія] / [кол. авт. : В.С. Зеленецький, В.П. Ємельянов, В.Я. Настюк, та ін.] ; за заг. ред. В.С. Зеленецького та В.П. Ємельянова. – Х. : Право, – 2008. – 96 с.
- Новікова Л.В. Кримінальна відповідальність за фінансування тероризму : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / Л.В. Новікова ; НАН України. Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького. – К., 2007. – 19 с.
- Курс фінансів : [навч. посіб.] / В.П. Кудряшов. – К. : Знання, 2008. – 431 с.
- Про фінансові послуги та державне регулювання ринків фінансових послуг : Закон України від № 2664-III від 12.07.2001 р. (зі змінами) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/2664-14/print1390837918719522>.
- Фінансовий ринок : [підручник] / В.М. Шелудько – 2-ге вид. стер. – К. : Знання, 2008. – 535 с.
- Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України / [А.М. Бойко та ін.] ; за ред. М.І. Мельника, М.І. Хавронюка. – 9-те вид., переробл. та допов. – К. : Юридична думка, 2012. – 1316 с.
- Міжнародна конвенція про боротьбу з фінансуванням тероризму : ратифікована Законом України від 12.09.2002 р. № 149-IV [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_518/print1390833550915880.
- Князькина А.К. Имплементация норм международных договоров в российское законодательство (краткий анализ) / А.К. Князькина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IX Международной научно-практической конференции (26–27 января 2012 г.). – М. : Проспект, 2012. – С. 443–447.
- Міжнародна конвенція про боротьбу з вербуванням, використанням, фінансуванням і навчанням найманців : ратифікована Постановою Верховної Ради України від 14.07.1993 р. № 3382-XXI [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_103.
- Лихова С.Я. Злочини у сфері реалізації громадянських, політичних та соціальних прав і свобод людини і громадянина (розділ V Особливої ча-

ДИФFUЗИЯ ИННОВАЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ИННОВАЦИОННУЮ СИСТЕМУ В УКРАИНЕ

Алексей ШИЯН,

аспирант

Института государства и права имени В.М. Корецкого Национальной академии Украины

Summary

The article examines the issues of the concept of “diffusion of innovations” and the role of information in this phenomenon. It is noted that information plays a fundamental function in the process of “spread” and “penetration” of innovation in society. Information support of innovative activities carried out based on the general rules that regulate legal information relationship. There are no special legal regulation of legal information relations in the sphere of innovation processes in Ukraine today. In the article is offered at the legislative level to fix this regulation information in innovation by making changes and additions to the Law of Ukraine “On Information” and “On innovation activity”.

Key words: diffusion of innovations, innovation activities, innovation, information support of innovation activities.

Аннотация

В статье исследуются вопросы понятия «диффузия инновации» и роль информации в этом явлении. Отмечается, что информация играет одну из основополагающих функций в процессе «распространения» и «проникновения» инноваций в обществе. Информационное обеспечение инновационной деятельности осуществляется на основании общих норм, которые регулируют информационные правовые отношения. Специального правового регулирования информационных правовых отношений в сфере инновационных процессов сегодня в Украине не осуществляется, а потому в статье предлагается на законодательном уровне закрепить такое регулирование инновационной деятельности путем внесения изменений и дополнений к Законам Украины «Об информации» и «Об инновационной деятельности».

Ключевые слова: диффузия инновации, инновационная деятельность, инновации, информационное обеспечение инновационной деятельности.

Постановка проблемы. В условиях мирового экономического кризиса, а также в связи с событиями Революции достоинства и военного конфликта в восточных регионах Украина стала страной, где доминируют сырьевые и добывающие отрасли, а потому она экспортирует ресурсы или товары с низкой добавленной стоимостью. В таких развитых странах, как Япония, Венгрия, Швейцария доля экспорта продукции высоких и средних технологий составляет 73–83 процентов в его общей структуре, что по оценкам Всемирного банка обеспечивает до 90 процентов прироста ВВП ежегодно. В Украине же доля такой продукции не превышает 5 процентов, что обеспечивает около 1 процента прироста ВВП.

Такое положение вещей в Украине сейчас выступает как следствие отсутствия качественной и эффективной государственной политики в сфере инновационных процессов в условиях дерегуляции и становления рыночной экономики. В свою очередь, правовое регулирование является структурным элементом и основным средством реализации государственной политики.

Поэтому, учитывая вышеизложенное, необходимо качественное властно-организационное воздействие на

процессы в сфере внедрения инноваций с целью их стимулирования и упорядочения. Инновационная сфера не способна активно развиваться лишь с помощью механизмов рыночной саморегуляции, а потому требует надлежащего правового обеспечения.

Целью данной публикации является изучение отношения информации к инновационным процессам в Украине, предложения соответствующих изменений к правовому регулированию информационного обеспечения инновационной деятельности.

Изложение основного материала. Инновации и инновационная деятельность сегодня рассматриваются как сверхмощная движущая сила развития общества в целом и его определенных институтов. Само же понятие «инновация» берет свое начало с наук об общественно-экономические отношения.

Как известно, основоположником учения о понятии «инновация» принято считать американского ученого Й. Шумпетера, который в работе «Теория экономического развития» (1912 г.) указал на основные признаки этого понятия. В дальнейшем к вопросам об определении понятия «инновация» обращались многие ученые, в основном экономисты.

Несмотря на то, что своим первым применением инновация и инновационная деятельность обязаны именно экономике, сегодня это явление все больше и больше проникает в другие сферы общественной жизни. Следовательно, явление инновации вполне присуще, например, медицине, образованию, науке, обороне, природопользованию, государственному сектору, космической отрасли и так далее. Такое его свойство по проникновению во все сферы жизни общества некоторые ученые называют «диффузия инновации» (англ. Diffusion of innovations).

Необходимо отметить, что понятие «диффузия инновации» впервые в истории было изучено французским ученым-социологом Г. Тардом в его работе «Законы подражания» (1890 г.). В этой работе представлена целая россыпь идей, которые, возможно, были несколько преждевременны для периода, характеризовавшегося стремлением социологии и психологии к дисциплинарному самоопределению и обособлению. Именно вопрос, почему одни идеи, открытия и изобретения получают распространение, а другие предаются забвению, в числе многих других вопросов пытался прояснить автор «Законов подражания» [1]. По мнению

ученого, все человечество действует по двум алгоритмам:

1. Изобретение;
2. Подражание.

С их помощью можно описать любые действия людей, общества, а также социальные изменения. Согласно Г. Тарду, общество – это подражание, так как только благодаря подражанию общество поддерживает свою целостность. Изменения в обществе происходят с появлением и распространением изобретений и, как следствие, сменой ориентиров для подражания [2].

Обратим внимание, что первые исследования диффузии инновации проводились в США. Одним из самых показательных в этой стране стало социологическое исследование распространения семян гибридной кукурузы среди фермеров двух поселений в штате Айова. Диффузию инноваций изучали одновременно ученые разных отраслей знаний. Вместе с этим обобщение изучений понятия сделал Э. Роджерс в работе «Диффузия инноваций» (1962 г.).

Также изучению диффузии инновации уделяли внимание и другие ученые, в том числе немецкие и австрийские антропологи, в частности Ф. Рагцель, Л. Фробениус и другие.

Сейчас принято считать, что диффузия инновации – это процесс, посредством которого нововведение передается по коммуникационным каналам между членами социальной системы во времени [3].

Основную роль в процессе диффузии инновации, по нашему мнению, играет надлежащее информационное обеспечение участников инновационного процесса. Следовательно, информация непосредственно связана с процессом «проникновения» и «распространения» инноваций в обществе.

Правовое регулирование информации в сфере инновационной деятельности сегодня осуществляется исходя из общих положений и норм об информации в Законах Украины «Об информации» [4], «Об научно-технической информации» [5], Гражданском кодексе и других. Специального законодательства, несмотря на исключительную важность информации в сфере инновационной деятельности, не существует.

Саму же информацию в области инновационных процессов мы бы класси-

фицировали на информацию открытого и закрытого типов.

Информация в сфере инновационных процессов открытого типа, с нашей точки зрения, представляет собой любые сведения и данные, которые имеют ценность для участников инновационного процесса и могут быть им доступны. Такая информация может быть в свободном доступе, любой субъект имеет возможность пользоваться этой информацией.

Вместе с тем информация в области инновационных процессов закрытого типа включает любые сведения и данные, которые имеют ценность для участников инновационного процесса и раскрытие которой может привести к определенным негативным последствиям как для участников инновационных процессов, так и для других субъектов, а потому общественный доступ к такой информации ограничен.

Отметим, что правовая защита информации в сфере инновационных процессов, ее раскрытие, процедура использования и получения специальными правовыми нормами не урегулированы.

Сейчас в Украине необходимо продолжать принимать меры по формированию государственной информационной инновационной инфраструктуры путем создания общей информационной сети, содержащей сведения о субъектах инновационной инфраструктуры, направлений их деятельности, разработок и возможностей их внедрения в производство, расширение доступа к информационным сетям и банкам данных. Сегодня в Украине создана сеть инновационных центров, на многих предприятиях и организациях сформированы подразделения по трансферу технологий, которые работают по отдельным научно-техническим направлениям, однако отсутствуют данные об инновационном потенциале страны в целом. Кроме того, в настоящее время отсутствует системный подход к проблеме информационного обеспечения участников инновационных отношений. Решению этой проблемы будет способствовать опыт Черниговского центра науки, инноваций и информатизации, которым для обеспечения принятия управленческих решений региональными органами исполнительной власти сформирована информационная

система научно-технической деятельности, создано соответствующее программное обеспечение, которое прошло апробацию [6].

На сегодняшний день проблемы информационного обеспечения инновационных процессов стоят достаточно остро, среди таких проблем можно назвать такие: слабая или некачественная структурированность научной информации; наличие значительного «информационного шума»; многократное дублирование информации, отсутствие эффективной коммуникации между передатчиком и получателем информации и тому подобное.

С нашей точки зрения, информационное обеспечение инновационной деятельности необходимо проводить по нескольким направлениям, а именно:

1. обеспечение надлежащего содержания информации для инновационной деятельности;
2. обеспечение надлежащего доступа как можно большего числа субъектов к содержанию информации для инновационной деятельности.

Содержание информации, которой обязаны быть обеспечены участники инновационных процессов, должно включать как общую информацию (общие правила, условия, рекомендации, консультации, статистическая информация, информация о нормативно-правовом обеспечении инновационной деятельности, финансовых и других инструментах стимулирования такой деятельности и т.д.), так и специальную информацию, которая бы включала особенности инновационного развития Украины, определенных регионов, особенности инновационного развития определенных отраслей общественной жизни, предложения по сотрудничеству в сфере инновационных процессов, перечень участников инновационных проектов (с их согласия) и другое. Кроме того, специальная информация в области инновационных процессов открытого типа могла бы включать перечень основных готовых к внедрению научных результатов НИОКР, условия и предложения по частной и государственной (межведомственной) кооперации в этой сфере, предполагаемое время внедрения инновационной продукции, приблизительная сумма финансирования результата НИОКР для внедрения инновационной продукции,

контактные данные ответственных лиц и тому подобное.

Информацию в сфере инновационных процессов можно структурировать по стадиям реализации инноваций, в том числе на следующие группы:

1. Информация о новации (новацией, по нашему мнению, является инновация на стадии разработки в форме идеи, некой теории, версии и так далее). К этой группе можно включить:

а) направления фундаментальных и прикладных исследований, направленных на получение новых знаний, полезных для разработки инновационной продукции;

б) предложения по кооперации в фундаментальных и прикладных исследованиях, направленных на получение новых знаний, полезных для разработки инновационной продукции;

с) полученные в ходе фундаментальных и прикладных исследований полезные идеи, модели, эффекты, технологии и так далее, которые требуют капиталовложения для своей реализации в форме инновационной продукции и тому подобное;

2. Информация о нововведениях (нововведением, на наш взгляд, является инновация, которая не является конкурентоспособной и такой, что не улучшает структуру и качество производства). Такое нововведение при наличии неких обстоятельств может преобразоваться в инновацию. К этой группе можно включить:

а) предложения по кооперации для реализации новаций и внедрение нововведения;

в) информацию по приблизительному бюджету реализации новаций и внедрение нововведения;

с) информацию и рекомендации по особенностям реализации той или иной новации и тому подобное.

3. Информация о инновации. К этой группе можно включить:

а) информацию и практические рекомендации по повышению конкурентоспособности нововведений и улучшению их эффективности;

б) предложения по кооперации для достижения наилучшего эффекта внедрения инновации и так далее.

Указанную выше общую и специальную информацию в области инновационных процессов открытого типа для достижения эффекта и внедрение

инноваций в первую очередь необходимо передать субъекту восприятия такой информации. В этом вопросе необходимо определить субъекта передачи упомянутой информации и субъекта ее получения.

Необходимо отметить, что субъектами передачи информации в сфере инновационных процессов открытого типа могут быть как органы публичной власти, так и частные юридические лица.

Для этого государству необходимо обеспечить создание системы государственных центров передачи информации, которая может быть использована в целях создания инновационной продукции. Такие центры могли бы выполнять и другие функции, связанные с инновационными процессами, в частности функции технологических посредников (венчурных брокеров), консультаций, оказание определенных (административных) услуг в сфере инновационных процессов и тому подобное. Наиболее целесообразно, с нашей точки зрения, такие центры закрепить при университетах, лабораториях, научно-исследовательских учреждениях, государственных органах, библиотеках и тому подобное.

Также свою нишу в сфере информационного обеспечения инновационных процессов могли бы занять частные организации, которые проводили бы такую деятельность на коммерческой основе и выполняли бы консультационные услуги, услуги по сбору и распространению научной и научно-технической информации, информации об алгоритме внедрения той или иной инновации, посреднические услуги и тому подобное. Такие компании могли бы проводить подбор новаций для внедрения в хозяйственную деятельность других компаний для оптимизации их работы на заказ. По нашему мнению, такую деятельность субъектов хозяйственной деятельности было бы целесообразно стимулировать посредством использования таких соответствующих инструментов, как упрощенная процедура регистрации, льготное налогообложение, льготное кредитование и тому подобное.

Распространение информации в сфере инновационных процессов возможно как в бумажной, так и в электронной форме (в частности, на соот-

ветствующих веб-сайтах). Одним из способов распространения информации в сфере инновационных процессов, как свидетельствует зарубежный опыт во Франции, является внедрение в высших учебных заведениях для соответствующих факультетов системы курсов по изучению инновационных процессов. В таких учебных заведениях проводятся соответствующие лекции, семинары, симпозиумы. По нашему мнению, такая практика довольно интересная и способствует более широкому просвещению населения в этой сфере, следовательно, возможна для применения в Украине. Организационное, методическое и другое руководство таким образованием могло бы проводиться Министерством образования и науки Украины и Государственным агентством по вопросам науки, инноваций и информатизации.

Мы считаем, что для налаживания эффективного информационного обеспечения инновационных процессов необходимо провести определенные дополнения и изменения в действующее законодательство Украины.

Прежде всего, необходимо внести изменения в Закон Украины «Об информации» от 2 октября 1992 г. Эти изменения касались бы определения понятия информации в сфере инновационной деятельности. Особенности же правового регулирования такой информации предлагаем закрепить в Законе Украины «Об инновационной деятельности» [7], который можно было бы дополнить разделом «Информационное обеспечение инновационной деятельности».

В таком разделе можно было бы определить:

1. Виды информации в сфере инновационных процессов.

2. Основные принципы информационного обеспечения инновационной деятельности.

3. Субъекты и объекты информационного обеспечения инновационной деятельности, их правовой статус.

4. Контроль в сфере информационного обеспечения инновационной деятельности.

5. Порядок раскрытия информации в инновационной деятельности и другое.

Кроме того, считаем необходимым в Раздел II «Государственное регулиро-

вание в сфере инновационной деятельности» Закона Украины «Об инновационной деятельности» внести соответствующие изменения и дополнения и определить принципы государственной политики в сфере информационного обеспечения инновационной деятельности, компетенцию государственных органов в этой сфере и тому подобное.

Выводы. Подытоживая, необходимо указать, что изменения и дополнения в действующее законодательство Украины, о которых говорится выше, способствовали бы улучшению развития инновационных процессов, установлению эффективной национальной инновационной системы, обмена научными знаниями, усилению процессов дифференциации и специализации науки в целом и ее отраслей, их интеграции в национальное хозяйство.

Список использованной литературы:

1. Фирсан Н. Предвестник исследований диффузии инноваций Габриэль Тард: «Общество – это подражание» / Н. Фирсан [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://socofpower.rane.ru/uploads/6-7%282012%29/19.pdf>.

2. Фирсан Н. Предвестник исследований диффузии инноваций Габриэль Тард: «Общество – это подражание» / Н. Фирсан [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://socofpower.rane.ru/uploads/6-7%282012%29/19.pdf>.

3. Ильенкова С.Д. Инновационный менеджмент [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ngpedia.ru/cgi-bin/getpage.exe?cn=63&uid=0.642589044990018&inte=1>.

4. Закон Украины «Об информации» // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1992 г. – № 48. – Ст. 650.

5. Закон Украины «Об научно-технической информации» // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1993. – № 33. – Ст. 345.

6. Левченко О.М. Напряги забезпечення інноваційної зайнятості на регіональному рівні / О.М. Левченко, Т.Ф. Рябоволик [Электронный ресурс]. – Режим доступа : file:///C:/Users/Alla/Downloads/eui_2012_1_28.pdf.

7. Закон Украины «Об инновационной деятельности» // Ведомости Верховной Рады Украины. 2002. – № 36. – Ст. 266.

МОТИВАЦИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ И ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Анатолий ШУЛЬГА,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общеправовых дисциплин
факультета права и массовых коммуникаций
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

Oriented on the problem of the possible substantial affecting man in the process of his legal socialization of not only positive but also negative phenomena legal reality, the article contains the initial elements of ground of possibility of the use as kontramoy of such terminology as «legal education» and «legal antieducation». Legal antieducation is supposed by the destructive affecting of the negative phenomena legal reality sense of justice of personality, which results in his deformation, to development of mass legal nihilizm and, accordingly, to the decline of level of legal culture of society, as its pre-condition and mandatory member is «positive sense» of justice of citizens (his alternative is «nihilistic sense of justice»).

Key words: legal socialization, legal education, legal antieducation.

Аннотация

Ориентируясь на проблему возможного существенного воздействия на человека в процессе его правовой социализации не только позитивных, но и негативных явлений правовой действительности, статья содержит исходные элементы обоснования возможности использования в качестве контрарной такой терминологии, как «правовое воспитание» и «правовое антивоспитание». Правовое антивоспитание предполагает деструктивное воздействие негативных явлений правовой действительности на правосознание личности, которое приводит к его деформации, развитию массового правового нигилизма и, соответственно, к снижению уровня правовой культуры общества, поскольку её предпосылкой и обязательным элементом является «позитивное правосознание» граждан (его альтернатива – «нигилистическое правосознание»).

Ключевые слова: правовая социализация, правовое воспитание, правовое антивоспитание.

Постановка проблемы. Вопросы соотношения права, сознания, поведения личности, психологии юридически значимого поведения, мотивации правомерного поведения личности как важнейшего элемента механизма его формирования, правовой социализации человека как личности, правового воспитания граждан относятся к числу тех вопросов, которые уже не одно десятилетие в той или иной мере привлекают к себе внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей (Е.К. Нурпеисов, В.В. Оксмытный, О.Ф. Скакун, В.В. Карпунина, В.С. Каптарь, В.Н. Мясичев, Н.И. Тюрина, Н.И. Уздимаева, М.И. Штангрет и другие). Вместе с тем в сфере научного знания, имеющего прямое отношение к вышеуказанным вопросам, все еще можно обнаружить наличие тех или иных пробелов. Например, отсутствие исследования (в контексте категории правовая действительность) такого явления (и понятия), как «правовое антивоспитание»,

отсутствие исследования соотношения понятий «правовое антивоспитание» и «правовая антикультура» и так далее. В связи с этим основной целью данной статьи является обоснование (в первом приближении к проблеме) возможности в рамках общетеоретического понятийного аппарата, относящегося к вопросам (проблемам) правосознания, правовой культуры личности использования таких противоположных по содержанию понятий, как «правовое воспитание» и «правовое антивоспитание».

Изложение основного материала. Мотивация правомерного поведения личности возникает не только как результат правовой социализации человека [1, с. 112–115], но и как результат его правового воспитания, поскольку в «многочисленных работах по социальной психологии показано, что усвоение и присвоение норм происходит в процессе социализации личности, а также в процессе «целенаправленного обучения, воспитания» [2, с. 59].

Осуществляемый государством, в соответствии с его *культурно-воспитательной функцией*, целенаправленный процесс не только *правового обучения* (процесс правового информирования населения), результатом которого должно быть наличие в сознании людей определенного «минимума знания права», но и *планомерный процесс правового воспитания* является одним из наиболее существенных факторов минимизации правового нигилизма в обществе путем формирования основ, повышения общего уровня *позитивного правосознания* людей как предпосылки *правовой культуры населения*.

В современной юридической науке «правовое воспитание» традиционно является относительно самостоятельным предметом научного исследования. Как предмет внимания ученых «правовое воспитание» относится к числу тех проблем, которые в общетеоретической юриспруденции всегда имели статус «актуальных проблем», вследствие чего общий уровень разработанности этих проблем является достаточно высоким.

В бывшем СССР в пределах второй половины 20-го столетия на основных аспектах правового воспитания (если не постоянно, то периодически) сосредоточивалось внимание тех или других юристов-ученых. Во времена распада СССР в пределах соответствующей идеологии правовое воспитание рассматривалось как «средство активизации человеческого фактора» [3, с. 3–7]. После распада СССР в процессе развития постсоветских республик как независимых государств правовое воспитание иногда даже мыслилось как «средство национальной безопасности» [4, с. 130–135]. В современных условиях его исследователи пишут, что правовое воспитание является сложной и важной задачей, которая требует проведения многих мер: от распространения знаний о праве к ускоренному поднятию общего уровня правовой культуры, от преодоления правового нигилизма к налаживанию безотказной системы гарантий незыблемости правопорядка, от устранения скептического отношения к праву к воспитанию общей непримиримости к нарушениям законности [5, с. 597].

Учитывая общетеоретическую юридическую литературу [1, с. 95–198; 6, с. 520–526; 7, с. 103], в первом приближении прежде всего необходимо различать *правовое воспитание* в «широком»

и «узком» смысле. *Правовое воспитание* в широком смысле – это *воздействие какого-либо явления правовой системы общества на правосознание, правовую культуру человека (людей)*. Например, воспитательное воздействие: санкции уголовного закона, которая стала более суровой; судебных процессов, обвинительных приговоров, оправдательных приговоров; юридической ответственности как института правовой системы общества. *Правовое воспитание* в узком смысле – это *деятельность, направленная на повышение уровня правосознания и правовой культуры человека (людей)*. Например, воспитательное воздействие профилактической беседы директора школы с потенциальным подростком-правонарушителем; прокурорского предупреждения о недопустимости нарушения закона; соответствующей разъяснительной телевизионной программы (о повышении уровня смертности вследствие ДТП в связи с нарушением правил дорожного движения, об опасности трудоустройства определенной категории населения за границей в связи с существованием торговли людьми как вида криминального бизнеса и тому подобное). Ожидаемый *социальный результат* правового воспитания – повышение уровня правосознания и правовой культуры как отдельной личности, так и всего населения страны.

Вместе с тем реальное достижение вышеуказанного результата правового воспитания, например, в «коррупцированном» государстве [8] или «захваченном» государстве («захваченном» кланами) [9], является достаточно проблематичным. Иными словами, если *правовое воспитание* – это «средство повышения уровня правосознания и правовой культуры» [10, с. 157], то возле этого «средства», возле правового воспитания как одного из социальных явлений и процессов, к сожалению, находится и процесс, который является его прямой противоположностью – процесс *правового антивоспитания* («словом и делом»).

Возможность использования в общетеоретической юриспруденции термина (понятия) «*правовое антивоспитание*», по нашему мнению, предопределяет не только существование «правового антивоспитания» как объективно существующего явления, но и его непосредственная согласованность с аналогичной по своей природе, близкой в смысловом

плане терминологией, например, с понятием «*правовая антикультура*» [11, с. 26–28] (в педагогической литературе, посвященной «воспитанию», иногда упоминается и о возможности «антивоспитания», однако в юридической и другой литературе понятие правового антивоспитания отсутствует).

В данном контексте также целесообразно обратить внимание на то, что понятие «правовое антивоспитание» необходимо связывать не с *воздействием* на правосознание человека каких-либо *явлений правовой системы общества*, а с воздействием на него исключительно *негативных явлений правовой действительности*. Объясняется это тем, что понятием «правовая действительность» (а также, например, понятием «правовая жизнь общества») охватываются и «позитивные» *правовые явления* – принципы права, законодательство, законность и тому подобное, и «негативные» *правовые явления* – правонарушения, преступность, незаконные решения, действия и тому подобное [12, с. 13–14].

Понятием «правовая система» охватывается система правовых явлений, которые отображают *правовую организацию* той или иной страны (или объединения государств). Поэтому не любое *правовое явление* можно рассматривать в качестве её элемента. В отличие от «позитивных» «негативные» правовые явления по логике вещей не могут быть её (правовой организации) элементами (имеют антисистемный, системоразрушающий характер) [13, с. 138], поэтому понятие «правовое антивоспитание» необходимо связывать только с воздействием на человека *негативных явлений правовой действительности*.

Процесс *правового антивоспитания* представляет собой *воздействие* на правосознание личности *негативных явлений (фактов)* реальной, а не официально продекларированной *правовой жизнедеятельности (жизни)* страны, которые объективно содействуют, учитывая *правовую психологию* населения, повышению *уровня правового нигилизма* в обществе, усилению в нем нигилистических настроений. Правовое антивоспитание – это деструктивное (от лат. *destructivus* – разрушительный) воздействие негативных явлений (фактов) *правовой действительности* на правосознание людей, которое в конечном счете приводит к его деформации, развитию массового право-

вого нигилизма. Соответствующее негативное, антивоспитательное воздействие детерминировано, например, фактами «появления» далеко небесспорных («несправедливых», «аморальных» и так далее) с точки зрения общественного мнения (светского, религиозного) *правовых актов-документов* (индивидуальных, нормативных), конкретными жизненными ситуациями, которые свидетельствуют о фактической и юридической *безответственности* «VIP-персон», «мажоров» и т.п. Такого рода воздействие детерминировано неоднократными (свидетельствуют о существовании соответствующей *тенденции*) случаями *фальсификации юридических дел* с целью обеспечения положительных показателей в работе правоохранительных органов (ценой свободы, здоровья и т.п. граждан-соотечественников), позорными с точки зрения элементарной общественной морали *поступками* государственных служащих (нередко «высших должностных лиц»), которые приобрели широкую огласку и свидетельствуют не столько о доминировании правопорядка, сколько о существовании произвола, «двойных стандартов» в функционировании тех или других государственных учреждений.

Соответствующее *информационное воздействие* на правосознание граждан убеждает их, что лозунг о реализации концепции «правового государства» в той или другой сфере государственной деятельности все еще остается лишь лозунгом, государственный аппарат все еще является силой, перед которой отдельный человек нередко ощущает себя абсолютно бессильным, поэтому, учитывая «проблему выживания» при каких-либо условиях, ему необходимо приспособляться к «реальному порядку», то есть указанное информационное воздействие объективно провоцирует человека быть адекватным «внешним ожиданиям», настраивает человека (формирует соответствующий стереотип мышления) на *конформистское* поведение, которое не является правомерным (например, коррупционные действия), но полностью устраивает тех, от кого в той или другой ситуации зависит данный человек.

В данном контексте целесообразно обратить внимание, что соответствующую негативную тенденцию в обществе в определенной мере усиливает и совре-

менное коммерциализованное искусство, которое иногда осуществляет не столько воспитательное, сколько антивоспитательное воздействие на сознание среднестатистического гражданина. В связи с этим ученые с точки зрения, например, на проблему существования *правовой контркультуры* в обществе, прежде всего контркультуры «криминального мира», «криминалитета», отмечают, что «особую опасность такая контркультура представляет при условии ее популяризации и пропаганды в средствах массовой информации, литературных произведениях и кинофильмах» [14, с. 564].

Информационное воздействие негативных явлений правовой действительности на правосознание личности, особенно в сочетании с негативным личным *правовым опытом* человека, закономерно выполняет *деструктивную функцию* (антивоспитательную функцию) в сфере его правосознания, объективно не может и не содействует формированию у него фактического, а не абстрактно-теоретического *понимания ценности права* как социального института, хотя, как известно, обязательность наличия понимания социальной ценности права предполагает *позитивное правосознание* как предпосылка и неотъемлемый элемент правовой культуры личности. Такого рода воздействие на правосознание граждан не способствует появлению у них *веры* в силу права (её антипод – «вера в право силы»), возникновению *чувства уважения* к праву и закону, к правосудию (классическая правовая аксиома «правосудие укрепляет государство» [15, с. 310] одновременно и предупреждает: «зангажированное правосудие разрушает государство»), не содействует формированию *доверия* к правоохранительным органам и т.п. Без всего этого как элементов содержания правосознания (без соответствующих «ценностных ориентаций», «веры», «чувства уважения»), как известно, обычно не ведется речь о том, что данный человек обладает, по крайней мере, *элементарной* «правовой культурой личности».

Говоря несколько иначе, необходимо помнить, что «изолировать» личность от «отношений» в обществе невозможно, поэтому «дефектные отношения», в которые «включена» личность, всегда ведут к отклонениям в ее формировании и, наоборот, «социально и педагогиче-

ски нормальные отношения развивают морально и психологически более здоровые качества, которые составляют структуру личности» («источником нарушений в личности, многих форм ее патологии», прежде всего неврозов, являются «конкретные общественные, производственные, социально-бытовые, семейные, личные и другие коллизии, которые человек переживает в своей жизни», которые, например, ломают важные для него планы, «встают непреодолимым препятствием для достижения субъективно значимых для него целей и т.п.» [16, с. 9–10]. Соответственно, и правосознание, правовая культура личности всегда является прямым отражением реальной правовой жизнедеятельности данного общества (всех формальных и неформальных аспектов «правоотношений»), общего уровня и конкретных особенностей правовой культуры данного общества, элементом («атомарным») которого является человек как личность (сформированный в определенной мере и в процессе его «правовой социализации»).

Выводы. Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод о наличии воздействия на человека в процессе его *правовой социализации* не только *правового воспитания*, но и *правового антивоспитания*. В связи с этим в рамках общетеоретического понятийного аппарата, относящегося к вопросам (проблемам) правосознания, правовой культуры личности, имеется возможность для использования и соответствующих, противоположных по содержанию понятий – «*правовое воспитание*» и «*правовое антивоспитание*». Правовое антивоспитание – это деструктивное воздействие негативных явлений правовой действительности на правосознание личности, которое приводит к его деформации, развитию массового правового нигилизма. Правовое антивоспитание снижает уровень правовой культуры общества, поскольку её предпосылкой и обязательным элементом является «позитивное правосознание» граждан (его альтернатива – «нигилистическое правосознание»).

Список использованной литературы:

1. Социология права : [учебное пособие] / В.В. Глазырин, Ю.И. Гревцов, В.В. Зенков и др. – М. : Юстицинформ, 2001. – 480 с.

2. Батурич Н.А. Психология оценки и оценивания : [учебное пособие] : в 2 ч. / Н.А. Батурич. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000. – ч. I. – 106 с.

3. Каптарь В.С. Правовое воспитание как средство активизации человеческого фактора : автореф. дис. ... канд. филос. наук : спец. 09.00.01 / В.С. Каптарь. – Кишинев, 1989. – 19 с.

4. Штангрет М.Й. Правове виховання як засіб національної безпеки: філософський аспект / М.Й. Штангрет // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. – 1999. – № 1. – С. 130–135.

5. Общая теория государства и права. Академический курс : в 2 т. / под ред. проф. М.Н. Марченко. – М. : Зерцало, 1998. – Т. 2 : Теория права. – 1998. – 656 с.

6. Скакун О.Ф. Теория государства и права : [учебник] / О.Ф. Скакун. – Х. : Консум, 2000. – 704 с.

7. Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах / А.В. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – 197 с.

8. Стан корупції в Україні [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://udscn.guds.gov.ua/files/Dosl/2.pdf>.

9. Мацієвський Ю. Україна є «захопленою» державою (Captured State) / Ю. Мацієвський [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://blog.i.ua/community/3252/939944/>.

10. Правознавство : [підручник] / А.І. Берлач, Д.О. Карпенко та ін. – К. : Юрінком Інтер, 2004. – 752 с.

11. Карпунина В.В. Правовая антикультура в деятельности уголовно-исполнительной системы / В.В. Карпунина // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 2. – С. 26–28.

12. Оніщенко Н.М. Правова система: проблеми теорії : [монографія] / Н.М. Оніщенко. – К. : Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2002. – 352 с.

13. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави : [навч. посіб.] / П.М. Рабінович. – Львів : Край, 2008. – 224 с.

14. Загальна теорія держави і права : [підручник для студентів юридичних вищих навчальних закладів] / М.В. Цвік, О.В. Петришин та ін. – Х. : Право, 2011. – 584 с.

15. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – 672 с.

16. Мясичев В.Н. Психология отношений / В.Н. Мясичев / под ред. А.А. Бодалева. – М. : Институт практической психологии, 1995. – 356 с.

PROPERTY RELATIONS IN THE ASSOCIATIONS OF LEGAL ENTITIES UNDER THE LEGISLATION OF UKRAINE

Yurij YURKEVYCH,

Candidate of legal sciences, Associate Professor of Civil Law and Procedure
Department of the Law Faculty of Ivan Franko National University of Lviv

Summary

Various kinds of associations of legal entities which activities are mainly regulated by civil and economic law play the important role among civil relations in the civil and commercial sales. The scientific article has been devoted to the theoretical analysis of legal regulation of property relations in associations of legal entities under the legislation of Ukraine. The Economic Code of Ukraine determines the general principles for property relations regulation in the associations of enterprises. Thus, making the proprietary contribution for admission, membership or other targeted contributions shall be performed under terms and procedure as provided by the constituent documents of the associations of enterprises. Nevertheless, inadequate legal regulation of certain relations, outlined in the current legislation of Ukraine, creates diverse practice of the relevant legislative provisions. On the basis of the study, own approach has been formulated related to the feasibility to make amendments to the current legislation of Ukraine in order to improve regulation of property relations of the enterprises associations' members.

Key words: property relations, legal entity, association, enterprise.

Анотація

Среди участников гражданских отношений в процессе гражданского и хозяйственного оборота существенную роль играют различного рода объединения юридических лиц, деятельность которых в основном регламентирована нормами гражданского и хозяйственного законодательства. Статья посвящена теоретическому анализу правового регулирования имущественных отношений в объединениях юридических лиц по законодательству Украины. Хозяйственный кодекс Украины определяет общие принципы регулирования имущественных отношений в объединениях предприятий. Так, внесение имущественных вступительных, членских целевых или иных взносов осуществляется на условиях и в порядке, предусмотренных учредительными документами объединения предприятий. Несмотря на это, несовершенство правового регулирования определенных отношений в действующем законодательстве Украины порождает разностороннюю практику применения соответствующих законодательных норм. На основе проведенного исследования сформулирован собственный подход относительно целесообразности внесения изменений в действующее законодательство Украины с целью усовершенствования регулирования имущественных отношений участников хозяйственных объединений.

Ключевые слова: имущественные отношения, юридическое лицо, объединение, предприятие.

Problem statement. Various kinds of associations of legal entities which activities are mainly regulated by Chapter XII "Associations of enterprises" of the Economic Code of Ukraine [1] play the important role among civil relations in the civil and commercial sales. However, legal regulation of property relations of such associations' members in various economic sectors still doesn't comply with the historical and economic conditions. Thus, according to the Association Agreement between the European Union, European Atomic Energy Community, its Member States, on the one hand, and Ukraine, on the other hand [2], Ukraine brings, in particular, its competition

law and applying practice, to the EU acquis (for example, concerning Council Regulation (EU) No. 139/2004 of January 20, 2004 on control over the cluster between enterprises (the EU Merger Regulation), Article 1, Articles 5 (1), (2) and Article 20 of the Regulation shall be implemented within three years upon this Agreement. In addition, inadequate legal regulation of relations, outlined in the current legislation of Ukraine, creates diverse practice of the relevant legislative provisions.

Actual issues of the research. Actual issues of the research of property relations of members of legal entities' associations have been caused by many factors. Those

include not only the national legislator's own approach, in comparison with the other European countries, regarding the legal status of such associations, their legal organizational forms, grounds for establishment and operation etc., but also the existing gaps in national legal regulation of the defined relations and imperfect legislative technique. The above circumstances give rise to problems of scientific and practical character, which in particular, have been manifested in different ways of law enforcement and in unequal judicial practice. As a result, the legal regulation of property relations of members of legal entities' associations requires the detailed theoretical analysis and approaches creation to improve the current legal framework.

State of the research. Many scientists, among whom are O.M. Vinnyk, V.M. Kossak, V.K. Mamutov, V.I. Tsikalo, V.S. Shcherbyna, V.O. Dzhurynskyi and many others, have devoted their works to the problems research of legal regulation of property relations in the legal entities' associations. At the same time, the development of market relations and modern novelization of civil and economic legislation of Ukraine necessitate a detailed study of these issues and, accordingly, additionally reason the chosen topic actuality of the scientific article.

Purpose and objectives of the article. The purpose of this research is to carry out a theoretical analysis of legal regulation of property relations in legal entities' associations under the legislation of Ukraine and to develop the relevant conclusions and suggestions for improvement of the current legislation of Ukraine on its basis.

Primary material statement. The Economic Code of Ukraine (Art. 123) defines the general principles of regulation of property relations in the associations of enterprises. Thus, making the property contributions for admission, membership or other targeted contributions shall be carried out under terms and according to the procedure as provided by the constituent documents of the enterprises association. The property shall be transferred into the economic control or operational management. However, the law does not prohibit the business associations to form unitary enterprises, branch offices, representative offices

as well as to be a member (founder) of business partnerships. Moreover, in the legal literature, membership in organizations that manage their participants' activities (including their activity coordination) and are secondary structures [3, p. 234], constitute features of business associations; and it is stated the opinion according to which the provisions of Chapter "Associations of the enterprises" are applicable to the associations of other economic entities with the status of legal entity: economic organizations established under the Civil Code of Ukraine and other legal entities that carry out economic activity and are registered as prescribed by law (credit unions, charities and other non-profit organizations) [4, p. 201].

As stated in the legal literature, there are essential differences between the right of operational management and economic control as the legal regimes of the economic entities' property (legal entities). Firstly, they differ in subject matter. Legal entities-entrepreneurs operate on the basis of the right of economic control; legal entities which are not entrepreneurs operate on the basis of the right of operational management. Secondly, they differ in their designated purpose. The right of economic control is used to carry out commercial activities (entrepreneurship); the right of operational management is used to carry out non-commercial activities. Thirdly, they differ in content. According to the scope of authorities, the right of operational management is more limited than the right of economic control. In the enforcement of operational management, all this entity's authorities are clearly defined by the acts of economic legislation and by the owner (agency authorized by the latter). For example, according to clause 5 of the Art. 76 of the Economic Code of Ukraine, the agency competent to manage state-owned enterprise, shall permit the state-owned enterprise to carry out its economic activity and determine the types of goods (works, services), production and sales of which are covered by the aforementioned permit [5, p. 234].

The association of enterprises shall not be liable for its members' obligations and member companies shall not be responsible for the association's obligations, unless otherwise is provided by the Memorandum or Articles of

Association. This provision of the Economic Code of Ukraine usually is specified in other legislative acts, providing special legal regulation of certain types of economic associations and their statutory documents. For example, according to the clause 7 of the Art. 26 of the Law of Ukraine No. 469/97-BP dated 17.07.1997 "On Agricultural Cooperation" [6], the association shall not be liable for its members' obligations and association's members shall not be liable for the association's obligations, unless otherwise is provided by the Articles of Association; according to par. 11 of the Articles of Associations of the State Concern of alcohol and alcoholic beverage industry, approved by the resolution No. 1039 of the Cabinet of Ministers of Ukraine on 04.09.1996, the concern shall not be liable for the enterprises' (associations') obligations, that are its members, and the enterprises (associations), that are concern's members, shall not be liable for the concern's obligations [7]. In turn, V.S. Shcherbyna underlines that the following functions features the association of enterprises: execution of tasks defined by the contract, Articles of Association, Deed of the association foundation (industrial activity, construction, transport activity, etc.); solution of groupwide issues, in particular, issues of social and economic development; implementation of scientific-technical policy, common for the field (product quality improvement, technical level of production improvement, efficient capacity utilization, international economic activity, etc.); if necessary, performance of the target functions whether provided by the Articles of Association or Memorandum; coordination functions; defense of rights and representation of the association of enterprises, etc. [8, p. 182–183].

Right to voluntarily withdraw from the association on the terms and in the procedure specified by the economic association's Memorandum or the Articles of Association, as well as to receive a share of the association of enterprises' profits in accordance with its Articles of Association, are an important guarantee of associations of legal entities' property rights, provided by the Art. 121 of the Economic Code of Ukraine. However, property rights (interests) of members (owners, founders) are sometimes unprotected and judicial practice has not

yet produced a single mechanism to choose remedies. Thus, in the event of property alienation, secured to the economic associations, in violation of their Articles of Association and current legislation, both legally binding and proprietary remedies shall be used in similar situations. For example, the following case occurred in judicial practice. On July 5, 2013, Deputy Prosecutor filed a lawsuit in Brody District Court of Lviv region on behalf of the government, represented by the Ministry, against Person 1, seeking rescission of purchase and sale contract, concluded on 28.07.2009 between Concern "1" and Person 1 and binding Person 1 to return the premises of the store to state ownership of the Ministry for the full economic control of Concern "1". By the decision of Brody District Court of Lviv region dated December 5, 2013, the claim was dismissed. By the decision of Appeal Court of Lviv region on February 27, 2014, the Deputy Prosecutor's appeal petition was settled in part, the decision of Brody District Court of Lviv region on December 5, 2013 was changed, the claims were dismissed due to expiration of period of limitation of actions. By the decision of Superior Specialized Civil and Criminal Court dated June 11, 2014, the Deputy Prosecutor's cassation was settled in part; the decision of the Appeal Court of Lviv region dated February 27, 2014 was canceled and the case was submitted to a new trial in the court of appeal. By the decision of Appeal Court of Lviv region dated December 22, 2014, the Deputy Prosecutor's appeal petition was settled, the new decision was adopted, which settled the claim seeking rescission of the purchase and sale agreement of the real estate and etc. Purchase and sale contract of the store's premises, concluded between Concern "1" and Person 1 was recognized invalid, Person 1 was obligated to return the store's premises to Concern "1"; Concern "1" was obliged to return 412,051.2 hryvnias to Person 1. The Appeal Court of Lviv region explained its decision dated December 22, 2014, in particular, based on the fact that no decisions were taken on permission of alienation of the disputed property, conclusion of the disputed purchase and sale contract by the Ministry as the management entity of Concern "1", in accordance with the Procedure for alienation of state property, approved by

the resolution No. 803 of the Cabinet of Ministers of Ukraine dated June 6, 2007, and the State Property Fund didn't agree on any permission for such alienation (no permission for such alienation was granted) [9].

However, in Articles 15, 16 of the Civil Code of Ukraine [10] a list of substantive remedies for protection of violated, disclaimed and/or imperfect rights and interests has been established. In fact, by their means, the property status of the person can be renewed, obstacles to execute the right or the uncertainty of the legal situation and the facts are removed. In addition, it is necessary to emphasize that Person 1 within the meaning of the Art. 330 of the Civil Code of Ukraine acted as a purchaser in a good faith, as according to the law and on a competitive basis, bought the property as the winner of public auction by means of taking part among other participants in the public auction, and all obligations to organize the public auction and receive any permits for property sale shall be undertaken by the person which provides the economic control over this property. Furthermore, the Civil Code of Ukraine provides the principles of property rights protection. In particular, Article 387 of the Civil Code of Ukraine gives the right to the owner to reclaim property from illegal possession. According to the clause 1 of the Art. 388 of the Civil Code of Ukraine, if the property was purchased on the basis of the commutative contract from a person that wasn't entitled to alienate it, and the purchaser wasn't aware and could not be aware of (purchaser in a good faith), the owner shall be entitled to reclaim this property from the purchaser only in case if the property was lost by the owner or person to whose possession it was transferred by the owner; was stolen from the owner or the person to whose possession it was transferred by the owner; withdrawn from the possession of the owner or person to whose possession it was transferred by the owner, by other way not according to their will.

Therefore, as it appears to be, it is necessary to take into account that in such cases that the property relations of the entities associations' members, including concerns, according to the current legislation of Ukraine, are based on different principles. That means that the associations of enterprises do not

possess the property that has been secured to them. As stated above, the property is secured to such organizations on the right of economic control or operational management. Therefore, if such entities conclude alienation agreements of the aforementioned property that doesn't comply with the owner's will, in our opinion, the owner shall file an action in replevin instead of a claim seeking to invalidate a contract. Furthermore, in accordance with the paragraph 2 of Conclusions of the Supreme Court of Ukraine adopted on March 1, 2013, according to the outcome of consideration of the application to reconsider the decision on the grounds referred to in paragraph 1 of the Art. 355 of the Civil Procedural Code of Ukraine, in the second half of 2012, according to the Art. 387 of the Civil Code of Ukraine, the person shall be entitled to claim the property from illegal ownership. Acquirement in a good will in the meaning of the Art. 388 of the Civil Code of Ukraine is possible only if the property was purchased not directly from the owner, but from a person who wasn't entitled to alienate this property; the result of an agreement concluded with such a breach shall be not the bilateral restitution but the return of property from illegal possession [11].

In addition, in a similar case (No. 22-3-30/336-07-9260), the Supreme Court of Ukraine, taking the decision on October 31, 2012, made the following conclusion: the right of a person who considers himself to be the property's owner, shall not subject to protection by means of claim settlement against a purchaser in a good faith, using the legal mechanism established by the Art. 215, 216 of the Civil Code of Ukraine. Such protection may be possible excluded by settlement of action in replevin, if there are reasons for it under the Art. 388 of the Civil Code of Ukraine, which give the right to reclaim the property from a purchaser in a good faith [12]. A similar opinion is set forth in resolutions of the Supreme Economic Court of Ukraine dated February 12, 2013 in the case No. 16/34/2012/5003 [13] and June 18, 2008 in the case No. 8/382пд [14].

Conclusions. Summarizing the abovementioned, specifying certain problems, we consider that it is necessary to note the following. The legal status of associations of enterprises is regulated

by Chapter 12 of the Economic Code of Ukraine, and clause 2 of the Art. 123 of the Civil Code of Ukraine stipulates that the property shall be transferred to the association by its members for the economic control or operational management on the basis of Memorandum or the decision to establish the association. On the basis of the aforementioned the following conclusion can be made that under the current Economic Code of Ukraine, the concerns, consortiums, associations, corporations and others are independent organizational and legal forms of legal entities. Thus, according to the clause 1 of the Art. 137 of the Economic Code of Ukraine, if limits for possession, use and disposal of property, secured within the legal regime of operational management may be set by the owner of such property, limitation of resolutions validity on certain types of property under the consent of the owner shall be determined exclusively in cases stipulated by the Economic Code and other laws of Ukraine, in accordance with clause 1 of the Art. 136 of the Economic Code of Ukraine, in the case of right of the economic control. However, neither the Economic Code of Ukraine nor the other legislative provisions, do not provide the obligation of different legal forms associations of enterprises (except state and municipal) to receive owner's consent, whether approval for alienation of the property secured to them. In turn, clause 3 of the Art. 119 of the Economic Code of Ukraine provides that economic associations are entitled to act not only on the basis of the Articles of Association, but also on the basis of the Memorandum, approved by their founders. On the basis of the abovementioned, it seems appropriate to make amendments to the current legislation, which will provide the right of founders (participants) to contractually set limits for possession, use or disposition of property of all legal forms of legal entities' associations.

References:

1. Господарський кодекс України № 436-IV від 16.01.2003 // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 18. – Ст. 144.
2. Угода про Асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони : Міжнародний документ [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=246581344.
3. Вінник О.М. Господарське право : [навч. посіб.] / О.М. Вінник. – 2-ге вид., змін. та доп. – К. : Всеукраїнська асоціація видавців «Правова єдність», 2009. – 766 с.
4. Науково-практичний коментар Господарського кодексу України / [кол. авт.: Г.Л. Знаменський, В.В. Хахулін, В.С. Щербина та ін.] ; за заг. ред. В.К. Мамутова. – К. : Юрінком Інтер, 2004. – 688 с.
5. Господарський кодекс України. Науково-практичний коментар / [Ю.Б. Бек, І.Я. Верес, А.А. Герц та ін.] ; за ред. В.М. Коссака. – К. : Алерта ; КНТ; ЦУЛ, 2010. – 672 с.
6. Про сільськогосподарську кооперацію : Закон України № 469/97-ВР від 17.07.1997 р. // Голос України. – 13.08.1997.
7. Про затвердження Статуту Державного концерну спиртової та лікерогорілчаної промисловості (Концерн «Укрспирт») : Постанова Кабінету Міністрів України № 1039 від 04.09.1996 р. / Офіційний сайт Верховної Ради України [Electronic resource]. – Mode of access : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1039-96-%D0%BF>.
8. Щербина В.С. Суб'єкти господарського права : [монографія] / В.С. Щербина. – К. : Юрінком Інтер, 2008. – 264 с.
9. Рішення Апеляційного суду Львівської області від 22 грудня 2014 року у справі № 439/554/13 // Єдиний державний реєстр судових рішень України [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.reyestr.court.gov.ua>.
10. Цивільний кодекс України № 435-IV від 16.01.2003 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 40. – Ст. 356.
11. Висновки Верховного Суду України, викладені у рішеннях, прийнятих за результатами розгляду заяв про перегляд судового рішення з підстави, передбаченої п. 1 ч. 1 ст. 355 ЦПК України, за II півріччя 2012 р. // Вісник Верховного суду України. – 2013. – № 4.
12. Постанова Верховного Суду України у справі № 6-53цс12 від 31.10.2012 // Єдиний державний реєстр судових рішень України [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.reyestr.court.gov.ua>.
13. Постанова Вищого господарського суду України у справі № 16/34/2012/5003 від 12.02.2013 // Єдиний державний реєстр судових рішень України [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.reyestr.court.gov.ua>.
14. Постанова Вищого господарського суду України у справі № 8/382пд від 18.06.2008 // Єдиний державний реєстр судових рішень України [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.reyestr.court.gov.ua>.

ДЛЯ ЗАМЕТОК: